Т. О'КОНРОЙ

ЯПОНСКАЯ УГРОЗА

СОЦЭКГИЗ

Т. О'КОНРОЙ

ЯПОНСКАЯ УГРОЗА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Т. О'Коннрой. „*Японская угроза*“.
Редактор *А. И. Островская*. Техред *В. К. Мартынюк*.
Сдано в набор 3/II 1934. Подписано к печати 11/II 1934.
Формат 62 × 94/16. Тираж 50.000.
Издат. л. 14. Бум. л. 7. 92.800 зн. в бум. листе.
Уп. Главлита В 77516 ОГИЗ № 1314, индекс С-2-21
Типо-литография имени Воровского, улица Дзержинского, 18 Н. 76

Араки

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ КНИГИ

ПРОФЕССОР ТЭЙД О'КОНРОЙ, как уже указывает его имя, ирландец по происхождению, но в действительности он является настоящим космополитом. Он жил во многих странах мира, он преподавал в Дании, России, Турции и Японии. Он признает, что был готов разделять национальное мировоззрение каждой страны, где он бывал, и что он всегда старался понять точку зрения других народов. Он не прочь хорошо отозваться о Советской России; он настроен благодушно по отношению к Китаю, где он многое одобряет и кое-что критикует, предвидя то время, когда весь Китай вновь будет объединен и станет великой державой, если этому не помешает единственное препятствие на пути объединения Китая — Япония. Пятнадцать лет назад Тэйд О'Конрой приехал в Японию. Он ожидал увидеть цветущую страну с мирно настроенным народом. Он рисовал в своем воображении идеальную страну, где люди чистосердечны, как дети, такую страну, какую изобразил Лефкадио Херн. Но за 15 лет он убедился, что это не так. Народ в своей массе действительно был прост, но народ — это не Япония. Современная Япония представлена примерно группой в 15 человек, которые направляют все мысли народных масс. Он нашел страну взяточничества, порока и жестокости, страну, политика которой стала угрозой для всего мира.

Четырнадцать лет назад профессор О'Конрой женился на японке из аристократической семьи, которая может проследить свое происхождение за много столетий. Его брак состоялся после того, как он преодолел невероятное противодействие со стороны родственников жены. Он в то время преподавал в Кеиоском университете в Токио, который является Оксфордом Японии, и его ученики были будущими правителями империи. В течение нескольких лет он был тесно связан с иностранным отделом центрального полицейского управления в Токио, где имел возможность усвоить японскую точку зрения на различные политические проблемы и на отношение к иностранцам. Во время своего продолжительного пребывания в стране профессор О'Конрой жил почти исключительно среди японцев. С внешней стороны он перенял их образ жизни. Он стал стопроцентным шинтоистом и японцем. Даже те-

перь он не в состоянии окончательно сбросить с себя восточное одеянине, в которое он облачился ради успеха своей работы. В Японии это давало ему доступ в офицерские собрания, на военные банкеты и пр., где вино развязывало людям языки и где спадала обычная японская маска равнодушия. Это давало ему возможность изучать язык, психологию и историю японцев с восточной точки зрения.

Позднее профессор О'Конрой преподавал в Имперской академии морского штаба, в вечерних школах и в школах различных технических организаций с единственной целью понять мировоззрение различных классов общества. Во время каникул он посещал японские деревни, знакомился со священниками и проникал в самые отдаленные части империи, для того чтобы получить полную картину японской жизни. Вместе с тем его официальное положение давало ему возможность посещать просходившие два раз в год императорские приемы, а также официальные банкеты и торжества, доступные только для представителей правящих классов. Его последние исследования были посвящены изучению организации тайных обществ; эти общества в настоящее время тесно связаны со «штабами» и вместе с ними составляют ту новую силу, которая держит судьбу Японии в своих руках. Коротко говоря, профессор О'Конрой общался с представителями самых различных групп и классов как мужского, так и женского населения Японии. Он имел возможность подмечать все оттенки мысли, встречающиеся в умах людей самого различного склада, т. е. то, что составляет японскую психологию. Г-н А. В. Куртис, проживший в Японии боле 60 лет и известный всем иностранцам в этой стране по прозвищу «великий старец Японии» написал автору этой книги в 1928 г. следующее письмо:

Кобэ, Миямто-Дори, 7 Чоме, 2/I

22 июля 1928 г.

Дорогой г. Конрой!

Позвольте выразить вам мою признательность за предоставленную возможность познакомиться с вашей работой о Японии, имеющей огромную ценность и не меньший интерес. Я считаю, что издание вашей книги в сильной степени поможет отрешиться от многих ложных представлений об этой стране, которые в настоящее время принимаются как вполне достоверные.

Шлю вам наилучшие пожелания и сердечно поздравляю вас с мастерским анализом национальных черт и верований, которые, по моему мнению, будут иметь значительно большее влияние на международные отношения, чем это принято думать.

В течение 35 лет, пока я был издателем и редактором «Кобэ геральд», я не встречал работы, способной по точно-

сти и продуманности сравниться с вашим исследованием движущих сил Японии.

Остаюсь преданный вам
Альфред В. Куртис.

Для тех, кто знает Японию, дальнейшая рекомендация автора будет излишней; все же может быть небезынтересно отметить тот факт, что по пути в Англию профессор О'Конрой провел шесть месяцев в Женеве, изучая организацию Лиги наций и Международного бюро труда, и что г. Де Валера, председатель лиги, готовясь к выступлению по вопросу о политике Японии в Манчжурии, использовал часть этой книги еще в рукописи.

От английского издательства.

ГЛАВА I

ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНИИ

«Мы ИЗДАВНА и твердо верим, что Японская империя была первоначально вверена богиней солнца Аматеразу-О-Ми-Ками ее потомкам со словами: «Мои божественные потомки, вы должны управлять этой страной». Отсюда берет свое происхождение императорская семья Японии. Это старинное национальное верование носит название «Канагара», оно, по нашему мнению, свойственно лишь Японии и нигде в мире больше не встречается. Термин «Канагара» означает «следовать по пути богов». Божественное происхождение императорской семьи является залогом того, что Япония со времени существования неба и земли была монархией и будет ею вечно. С того отдаленного времени, когда наш императорский предок впервые спустился с неба и стал управлять землей, в империи воцарился великий мир и никогда не было никаких посягательств на императорский престол».

Этот отрывок, взятый из лекции, прочитанной известным японским ученым г. Буничи Хориока на собрании Азиатского общества, происходившем в германском посольстве в Токио в 1928 г., выражает твердое убеждение каждого из представителей японской расы. Это заявление, полное твердой убежденности, было сделано известнейшим японским ученым перед аудиторией, состоявшей главным образом из европейцев и американцев. Здесь присутствовали наиболее склонные к критике историки и исследователи, ревностно изучающие японскую историю, и тем не менее считалось, что они безусловно поверят этому утверждению. Для японца это — основа его религии и самая сущность его веры. В настоящее время в большей степени, чем когда-либо в истории империи, поддерживают, лелеют и ревниво охраняют это убеждение.

Западному человеку трудно понять, как мыслящий японец может удовлетворяться этой мифологической сказкой, в особенности когда известно, что сказка находится в прямом противоречии с действительными историческими фактами. Общеизвестно, что императоры вынуждены были работать или голодать в течение более двухсот лет, когда они были отрешены от престола и когда Японией, раздираемой распрями феодалов, управляли

узурпаторы клана Токугава. Даже Комеи Тенно «сын неба», прадед ныне правящего молодого императора и последний из рода императоров, пленник узурпаторов, был государем лишь по имени. Японский писатель Сантаро пишет о нем следующее: «Для верных подданных Комеи Тенно, их монарх, был вероятно наиболее достойным занимать постоянное место в сердцах всего последующего поколения. Множество жалостных анекдотов можно рассказать из жизни этого несчастнейшего из японских императоров. Как он страдал телом и душой, как он не хотел выдавать свою любимую сестру замуж за Иедо (члена семьи узурпаторов), но был не в силах настоять на своем желании и как он любил вино, но был настолько беден, что мог позволить себе покупать вина только самых худших марок».

Таким образом даже при самом беглом просмотре можно установить, что история Японии была далеко не столь мирной еще пятьдесять лет назад.

Первым императором Японии был Джимму Тенно, богочеловек, внук Аматеразу-О-Ми-Ками Теншо Дайджин, или богини солнца. Все императоры — ее прямые потомки, и весь японский народ разделяет их божественное происхождение. Японские историки пишут, что восшествие на престол Джимму Тенно произошло примерно за 600 лет до нашей эры, хотя большинство современных ученых Запада полагают, что это событие следует отнести к началу нашей эры. Первые письменные источники по японской истории были составлены около 720 г. нашей эры и известны под именем Нихон-джи. Интересно отметить, что одним из авторов этих летописей был принц Тонери, основатель целого поколения писателей. Среди его потомков был Натсуро, труд которого «Райо но джидже», или «Комментарий к уголовному кодексу IX века», является наиболее значительной работой этого времени. Сеи Шонагон, придворная дама императрицы Садако, была также членом этой семьи. Ее «Макуро но соши» или «Настольная книга» является дневником, описывающим годы с 991 до 1000 нашей эры, и вероятно лучше известна вне Японии, чем какая-либо другая историческая книга об этой стране. Дед Сеи Шонагон был придворным поэтом, и другие члены этой же семьи своим высоким положением также были обязаны своим литературным способностям. Лишь устные традиции и памятники фольклора дают представление о тысячелетиях, предшествовавших Нихон-джи. Вверение богиней солнца *Джимму Тенно* земли *Ямато* (Японии) является частью национальной религии. О жизни Джимму Тенно и его народа мало что известно. Японские мифы говорят о шалашах, построенных из тростника, травы и прутьев, в которых жили тогдашние японцы. У них не было единого языка, не было религии за исключением своеобразного примитивного шинтоизма, смешанного с отдельными обрывками конфуцианской этики, которые проникли из Китая и Кореи. Известно, что острова Ямато до появления Аматеразу-О-Ми-Ками

были заселены народом айну — людьми, покрытыми волосами, и первым делом нового императора было вытеснение айну из южной части страны. В течение всей японской истории айну преследовали, и в настоящее время остатки этого народа можно найти на крайнем севере, в самой холодной части империи, где они обречены на вымирание. Английский профессор Батчелор — крупный авторитет по вопросу о племени айну — заявляет, что эта раса не может окончательно исчезнуть, так как айну смешались с японцами.

В настоящее время японцы смотрят с большим неодобрением на браки между «детьми богов» и иностранцами, или «варварами». Женщина или мужчина, которые вступают в брак с представителями «варваров», неминуемо теряют уважение общества. За последнее десятилетие старший сын японского пэра был лишен титула за то, что женился на француженке.

В течение первого тысячелетия в Японии не было повидимому ни искусства, ни культуры. Эта эпоха была примитивной; обычаи и образ жизни были также примитивны. Национальное чувство появилось лишь в эпоху междуцарствия регента Шотоку Таиши, управлявшего страной от имени императрицы Суико и наследного принца с 574 до 622 г. До этого времени даже родовитые семьи при царском дворе не проявляли патриотизма и не были честолюбивы. Шотоку Таиши был повидимому человеком больших дарований. Он имел большое влияние среди народа и свои пожелания заставлял выполнять даже на самых отдаленных из находившихся под его управлением островах. Он всячески поощрял развитие культуры. При нем впервые высшие привилегированные классы общества начали учиться писать. Китайские письмена, т. е. письмена, дающие представление путем изображений, называемые иногда иероглифами или идеографами, были заимствованы у Китая и у народа, который населял полуостров продолговатой формы, названный японцами «Чозен» и известный Западу под названием Кореи. Под влиянием регента изучение китайских иероглифов стали считать благородным занятием. Каждый член общества был вынужден, следуя моде, овладеть этим искусством. С этого времени начинается рост империи. Старинная грубая письменность Японии была спасена от полного забвения летописями, сохранившими предания о прошлом. Любовь к письменности развивалась с течением веков и стала отличительным признаком принадлежности к высшему классу и благородного характера. Часто в японском романе случайное знакомство с почерком героини являлось поводом для завязки романа; и наоборот, если мужчина не видал почерка своей дамы, он с величайшим волнением ожидал возможности ознакомиться с ним.

Постепенно китайским иероглифам были приданы японские звуки; таким образом в настоящее время японский ученый пишет например слово «канджи» (китайский) совершенно так же, как китаец. Но если каждый из них прочтет какой-либо отрывок

вслух, то мы получим два совершенно различных языка. Образованный японец может вести беседу с уроженцем Китая на бумаге, не зная ни одного китайского слова. К этому же времени под ревностным покровительством Шотоку Таиши начал распространяться буддизм. Эта религия и китайские письмена были известны еще до регента, но народ ими не интересовался, и до восшествия регента на престол они были лишь в зачаточном состоянии. Еще один краеугольный камень японской культуры был заложен во время царствования регента, и опять-таки под его покровительством. Была изобретена фонетическая слоговая азбука, которая помогла японской литературе стать независимой от Китая. Основанная на индийском алфавите, эта азбука дала письменные знаки японским звукам, которые раньше были связаны с китайскими знаками. Этот алфавит называется И-Ро-Ха, от трех начальных букв. Он явился громадной помощью для тех, кому подлинные китайские иероглифы были не по силам, и дал возможность внедриться в империю иностранной культуре под японским флагом.

Правление регента часто упоминается как эпоха Нара, началом которой оно действительно является; примерно к этому времени буддизм начал сильно развиваться в империи. Новая религия начала процветать при Шотоку Таиши, и тогда произошло новое слияние двух верований. При энергичном управлении регента было осуществлено казавшееся невозможным слияние шинтоизма и буддизма, которое и было навязано народу. Шинто — старинная форма почитания предков в дополнение к обоготворению природы — было смешано с философской метафизикой индокитайского буддизма. В конце концов более позитивный буддизм совершенно поглотил шинтоизм, и стало невозможно определить, где начинался один и кончался другой. Позднее это смешение двух верований стало известно под именем район шинто и просуществовало до реставрации 1868 г., когда императорский указ единым росчерком пера уничтожил религию, существовавшую более 1000 лет; Япония опять вернулась к вере в богов, которая более чем когда-либо овладела умом и телом всего народа, называющего себя Ниппон джин, или японцами.

«...И никогда не было никаких частных и эгоистических посягательств на престол». Но тем не менее, начиная от первого императора, история Японии полна борьбы групп. Двумя самыми ранними группами были кланы Фудживара и Минамото, боровшиеся между собой за власть, пока первый не победил и не сделал императора своим фактическим пленником. С тех пор вплоть до реставрации 1868 г. каждая группа или клан пытались держать особу императора в подчинении или иметь его своим сторонником.

Присутствие особы императора — все равно во дворце или в хижине — обеспечивало доверие народа, который отдавал власть в руки тех, кто распоряжался особой императора. Благодаря этому Японией в течение большей части ее истории правили узур-

паторы. Императорам никогда не позволяли умереть с голоду; некоторые кланы были щедры; другие заставляли императора зарабатывать себе на жизнь. Народные массы никогда не знали, что их император — пленник. Они знали, что он — священное существо, и этого было для них достаточно.

Естественно, что японская история не обходилась без борьбы. Клан боролся с кланом за обладание особой императора. До 1868 г. история Японии была нескончаемым повторением распрей кланов. Даже в знаменитые два с половиной века мира при Токугава мир был установлен лишь с помощью силы. Иными словами, в течение двух с половиной веков одной и той же группе удалось удержать первенство над всеми остальными кланами. В провинциях, находившихся за пределами досягаемости правительства, каждый мелкий вождь воевал со своим соседом. Чем ближе провинции находились друг к другу, тем хуже были отношения между ними. Намбу, Шиншу, Тзугару и Кошу превратились в крошечные государства. Обычаи, манеры и даже язык стали другими. Их князьки часто запрещали общение и браки между населением своей и соседней провинции. Результат был вполне естественный. Народ коснел. Торговля становилась невозможной. Массы находились под властью мелкой тирании узурпаторов и их родственников; народ работал, чтобы не умереть с голоду. Когда 60 лет назад вся империя впервые была открыта для иностранцев, японцы оказались по отношению друг к другу группами чужих людей, живущих в одной и той же стране. Эти люди не понимали языка своих соседей; изоляция в течение столетий почти уничтожила у них всякое национальное и товарищеское чувство. Даже до настоящего времени сохранились японцы, которые не понимают языка своих соотечественников.

В 939 г. нашей эры император и его двор были терроризированы бандитом Мазакодо и пиратом Сумитомо. Оба они грабили побережье страны, в особенности более богатые районы неподалеку от столицы. В конце концов Сумитомо осмелел и совершил нападение на Киото. Он поджег город и вселил ужас в сердца населения. Кудже, или придворные, стали беспокоиться о собственной безопасности и «по приказу свыше» император был вынужден пожаловать Сумитомо титул пэра. Тем не менее это повидимому не умерило пыла новоиспеченного пэра, и он продолжал заниматься грабежами под самым носом у придворных, смущая их не в малой степени своим беззастенчивым обращением с их собственностью. Как раз к этому времени мощь партии Фудживара начала приходить в упадок. Придворная жизнь изнежила клан Фудживара, как затем изнежила все последующие семьи узурпаторов. Власть Фудживара сошла на-нет без особых потрясений или внезапных перемен. Следующий узурпатор, о котором стоит упомянуть, был Иоритомо. Он учел причины упадка Фудживара и счел неразумным подвергать себя и своих солдат риску роскошной обстановки придворной жизни. Ввиду этого он при-

казал штабу своего войска обосноваться в одной из отдаленных деревень Комакура. Затем он закрыл столицу и, воспретив въезд посетителям, оставил императора под присмотром своих слуг. Хотя этот воин и государственный деятель обладал железной волей, все же он был не в состоянии поддерживать порядок во всей стране; борьба и мелкие распри в областях продолжали играть главную роль в истории этого периода.

К этому времени под покровительством Иоритомо появилась новая секта буддистов. Ей было суждено монопольно завладеть умами военной касты по всей стране. Она известна как секта зен и в настоящее время постепенно поглощается подлинным шинто, той самой религией, которая была почти совершенно уничтожена индо-китайским буддизмом в течение веков, следующих за царствованием регента Шотоку Таиши. Три другие буддийские секты, которые существуют и в настоящее время — шин, джодо и ничирен, также появились в период Комакуры. Следует отметить, что именно в эту эпоху буддизм достиг вершины своего духовного влияния в Японии.

Власть еще раз перешла в другие руки, образовалась новая группа узурпаторов из рода Ходжо. Они повидимому были людьми бережливыми, по крайней мере поскольку дело касалось их клана; народ они держали в строгости. Считают, что в сборе налогов они были удачливее своих предшественников, что может служить объяснением того сравнительно короткого периода, в течение которого они оставались у кормила правления. Их сменил Нобунага, прекрасный вояка. Этот новый правитель обладал особой чертой, впоследствии развившейся в манию. У него было глубокое недоверие к монахам независимо от их религиозных убеждений. Это чувство постепенно превратилось в фанатическую ненависть. Нет особых причин, которые могли бы объяснить этот страстный антиклерикализм Нобунага; но летописи гласят, что он убивал всех последователей Будды, живших на священной горе Хей вблизи столицы Киото. Монахи в свою очередь были народом исключительно воинственным. Под рясами они носили мечи; в качестве возмездия за малейшее неисполнение или невнимание к их притязаниям со стороны чиновников столицы они обрушивались с горных склонов на столицу и заливали город кровью несчастных жителей.

Нобунага покровительствовал маленькому, невзрачному крестьянину Хидейоши и, будучи занят войной, он передал ему в конце концов государственную власть. Фактически, низложив императора, Хидейоши, не теряя времени, дал почувствовать свое присутствие у кормила правления, широко использовав власть, которой он располагал. Этот маленький деревенский Наполеон повидимому считал, что раз он заменяет императора, то его главу должен украсить божественный императорский венец, и он сделал попытку вселить страх божий в сердца всех мелких областных вождей и князей. Эта достойная попытка раз навсегда покончить

с безрассудными местными распрями и объединить воедино империю не только была обречена на неудачу, но послужила причиной для величайшей гражданской войны в истории феодальной Японии: войны между приемным сыном Хидейоши и его старым другом и союзником Иеясу Токугава, главой клана, узупировавшего правительственную власть в Японии и утверждавшего ее до реставрации императорской династии в 1868 г.

Во время правления Хидейоши христианские миссионеры впервые встретили серьезный отпор в своих попытках твердо обосноваться в Японии. Суеверный крестьянский государь не доверял новой религии; началась борьба умов между хитрыми латинскими и галльскими священниками, обученными схоластике, и маленьким крестьянином-воином, воспитанным на мужественной дипломатии Китая и Кореи в суровом лагере феодальной Японии. Последний победил в этом споре, и в течение последующих двухсот пятидесяти лет Япония стала «запретной страной» для всего, что звучало, походило или напоминало христианство.

Последний этап деятельности правителей шогуната начался в 1616 г. Он длился примерно два с половиной века. В течение этого периода времени Япония оставалась недоступной для постороннего мира. Длительный, ничем ненарушаемый период господства феодалов, в течение которого императоры Японии продолжали оставаться пленниками, завершился лишь в 1854 г., когда корабли Соединенных штатов бросили якорь в Японском заливе и потребовали открытия страны для мировой торговли.

Говоря об этих веках распри и варварства, не следует игнорировать экономического развития страны и культурного роста народа. В экономическом отношении Японии не повезло. На протяжении всей ее истории, когда верхушка, стоящая у власти, рождалась и умирала, утопая в роскоши, миллионы населения погибали от голода и эпидемий. Землетрясения и тропические бури также сыграли свою роль. Голод всегда сторожил у двери бедняка, а в эпоху феодализма почти все были бедняками. Различные провинции были почти совершенно изолированы друг от друга. Рынков для торговли не существовало. Чиновники правителей-узурпаторов были не в состоянии собирать налоги или проводить в жизнь законы в отдаленных областях. Голод, тяжелый труд и чума чередовались подобно временам года. Страна была почти полностью земледельческой. Правда, и в настоящее время положение японского крестьянства не лучше, чем 500 лет назад. Больше того, в те времена земля была его собственностью; теперь японский крестьянин должен считаться с новым элементом — кулаком или помещиком, и он всегда находится в пределах досягаемости сборщика податей. Считают, что он должен кормить страну, свою семью и духовенство. Он должен платить за высшее образование неграмотных и ленивых сыновей церковных служителей. Он всегда был и до сих пор остался оплотом нации.

Последний из числа узурпаторов правящего клана Токугава постепенно терял почву под ногами. Роскошь, взяточничество и пороки привели клан к упадку. Всякая должность — будь то в гражданском управлении, в армии или во флоте — была наследственной. Способностей у людей другого клана не признавали. Трудно себе представить условия, господствовавшие в стране. Отрывок из «Иедо Джидаи Широн» доктора Окабе послужит лучшей иллюстрацией безобразий, творившихся при дворе. Мы читаем у него о «невероятных интригах и мелкой зависти фавориток и их ближайших подруг. Мы узнаем, как женщины расставляли друг другу западни: натирали жиром полы, разбрасывали апельсинные корки, наносили друг другу жестокие побои, стремясь помешать рождению сына шогуна у наложниц-фавориток».

Голод, пожары, землетрясения и наводнения приводили к крупным волнениям. Об этой эпохе мы читаем в «Истории периода Токугавы» у проф. Икеди: «Люди попрежнему хоронили своих друзей и родных. Но так как они голодали, то после наступления темноты они вырывали и съедали погребенных. Голод сводил их с ума. Они собирались вокруг тела, как только узнавали о чьей-либо смерти, и съедали мясо на месте, подобно голодным демонам ада. Землетрясения, пожары, наводнения и другие бедствия мешали приросту народонаселения. Но главной причиной, мешавшей приросту населения, были аборты и детоубийства... Крестьяне жили жизнью немногим лучшей жизни бездомных собак и кошек. В Сага, провинции Каюши, убивали каждого второго ребенка, будь то девочка или мальчик. В некоторых деревнях провинции Кай кормили лишь трех детей. Способы, применяемые к устранению других детей, были настолько жестоки и безнравственны, что я предпочитаю о них не распространяться». В «Тайнах врачей» мы читаем: «Женщины-врачи совершали аборты за 1½ иены (около 1½ рублей) и человеческие зародыши посылали в храм Экоин для погребения. Если кто-либо из читателей посетит храм Экоин, на мосту Райогоку, он найдет могильную плиту с китайскими знаками следующего содержания: «Эта могила воздвигнута на двадцать восьмой день пятого месяца, пятого года Канзеи (1793) во имя душ 10 000 зародышей, погребенных здесь. Кенренша, Зайо Ганруи, двенадцатый старший священник храма Экоин».

В конце концов Япония поняла, что ради своего спасения необходимо произвести какую-то реформу в управлении. Двести пятьдесят лет Тогукава закончились так же, как и начались, т. е. мятежом. Власть императорской династии была восстановлена. Патриотизм вспыхнул с новой силой и достиг таких размеров, что — как это ни странно — реставрация прошла в конце концов под лозунгом «долой иностранцев!» Вместе с реставрацией, как уже было упомянуто выше, вновь возвратился шинтоизм. Японцы опять стали считаться «детьми богов», а иностранцы — вновь варварами. Страна была объявлена открытой для всего японского на-

рода. Области превратились в простые губернии, империя была объединена.

На этом мы закончим изложение ранней истории Японии, страны «древнейшее поверье которой называется «Канагара»... что означает «следовать по пути богов, или же в сердце своем носить путь богов». Страна, в которой с момента образования неба и земли всегда царствовал величайший мир... и где никогда не было частных и эгоистических посягательств на престол». Хорошо будет вспомнить эти факты, когда японский профессор приедет на Запад говорить «о Японии три тысячи лет назад»; когда он будет говорить об истории своей страны как «о сказке из тысячи и одной ночи»; когда он, улыбаясь, будет сообщать: «Мы — дети богов»; когда он будет говорить о своей философии. У Японии не было философии до последних лет. Ее история является историей человеческих действий, историей эксплоатации слабых сильными, историей кровопролития и несказанной жестокости, голода и эпидемий.

ГЛАВА II
ЯПОНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лефкадио Херн, написавший много книг о Японии и привлекший к ней внимание западного мира, перед самой смертью опубликовал книгу под заглавием «Япония, попытка истолкования страны» («Japan an Intoerpretation). В этой последней своей книге он пишет: «Уже давно один из лучших моих японских друзей сказал мне незадолго перед своей смертью: «Когда вы поймете — через 4 или 5 лет,— что вы вовсе не в состоянии понять психологии японцев, тогда вы начнете разбираться в ней».

Для того чтобы понять японскую психологию и проникнуть в существо японского мышления, совершенно необходимо отдать себе отчет в величайшем значении следующего факта: японцы убеждены, они даже более чем убеждены, они *знают,* что они являются потомками богов; и кроме того они *знают,* что они — единственный народ на земле, который имеет право считать себя потомками богов. «Мы верим, что Канагара есть только в Японии и нигде больше на земле», пишет профессор Хориока. Это — часть их религии, это — убеждение, символ веры почти 90 миллионов человеческих существ. Это убеждение сильнее всякой другой религии мира и является господствующей силой во всей Японской империи. Отсюда естественно следует, что представитель всякого другого народа является для японцев «варваром». Убеждение японцев в их божественном происхождении дало им основание к исключительной, почти невероятной самовлюбленности и презрению к другим. Это убеждение проникает все их поступки; оно дает каждому отдельному японцу спокойное, тихое самодовольство; оно достигает в японских книгах и газетах угрожающих размеров.

Недавно два окончивших университет японца опубликовали небольшую работу под названием «Из Японии свет». Эта работа не содержала ничего кроме утомительных повторений всякого рода похвал по адресу всего японского. Другой японский автор заявляет: «Япония не имеет себе равных в мире по своему безмерному патриотизму». Третий хвастает: «Япония превосходит все другие страны, так как Япония — страна богов». Японский профессор утверждает: «Япония не превзойдена, так как в Японии

царствует абсолютная справедливость». И это в стране, где процветает взяточничество больше, чем в какой-либо другой стране на земном шаре. «Японский народ является одной большой счастливой семьей» — гласит другое заявление. «Япония — лучшая из стран в силу культа предков». Около двух лет назад «Осака Майничи», японский «Таймс», поместила передовую, в которой писала: «Япония должна подчинить себе народы Востока и завоевать весь мир острием штыка». Эта последняя фраза отражает существо идей молодой Японии. Я встречал те же убеждения вновь и вновь в сочинениях моих студентов, написанных для университетских экзаменов.

В учебных заведениях чувства патриотизма и преданности божественному императору поддерживаются через посредство организаций допризывной подготовки. Еще до того как дети подрастают и достигают того возраста, когда они могут проходить военную подготовку, их учат традиционным гимнам и современным военным песням. Эти песни они поют хором; с детских лет и до самой смерти правительство не позволяет ослабеть их патриотическому энтузиазму. Вводятся все новые праздники. Одним из этих национальных праздников по императорскому декрету, праздником, который празднуют с особенным энтузиазмом, является праздник в честь Джимму Тенно, а между тем только в царствование Комеи Тенно, прадеда царствующего императора, был «реставрирован» мавзолей Джимму. В течение полутора веков мавзолей был заброшен и забыт. В день рождения императора портрет или фотография Джимму является предметом церемониальных поклонов под аккомпанимент соответствующих песен и музыки. Во всех этих песнях основным мотивом является патриотизм, превосходство Японии над остальным миром. С момента реставрации божественное право японцев на завоевание мира прикрывалось маской преданности императору. В 1930 г. профессор университета г. Ишикава заявил студентам третьей школы Шинко, что «наступает время, когда центр мировых событий будет перенесен с Запада на Восток».

Можно только удивляться успехам Японской империи с 1868 г. Японский народ стал могущественным. Японцы заимствовали все западные изобретения, которые дала цивилизация, и в течение пятидесяти лет приспособились к требованиям машинной промышленности Запада. Но опасность заключается в психологии японцев. Умственно и нравственно японцы не изменились; в этой области положение остается таким же, как и пятьсот лет назад. Арнольд Монтан в своем «Замечательном послании к японскому императору» в XVI столетии писал: «Японцы находят удовольствие в жестокости, кровопролитии и т. п. Месть для них так сладка, что мститель при первой возможности, встречая свою жертву на улице, подкрадывается к ней и, вытащив меч из ножен, убивает врага; если первым ударом ему не удастся отправить его на тот свет, он наносит второй, пока не убедится в том, что

враг убит; совершив свое дело, убийца тщательно вытирает меч и, вложив его в ножны, уходит спокойно, как будто бы не совершил ничего или пошутил над кем-то. Иногда даже без всякой ссоры в порядке игры японцы испытывают остроту своих мечей и наносят друг другу тяжелые раны». К концу второй половины XIX в основатель Кеиоского университета — японского Оксфорда — Фукузава следующим образом описывал Токио: «Было небезопасно выходить ночью. Часто разбойники рыскали по улицам Токио, готовясь испробовать на ком-либо свой новый меч». У деда моей жены до самой смерти сохранился шрам на спине, оставшийся от такого разбойничьего нападения. Убийства все еще играют значительную роль в жизни современной Японии. В течение последних полутора лет в английской печати сообщалось о двух политических убийствах в Японии. В течение этого короткого периода я лично слышал о двухстах политических убийствах. При этом я не включаю сюда обыкновенные убийства и имею в виду только убийства политического характера.

С 1868 г. каждый японец номинально рождается свободным и равным перед законом. Совершенно естественно однако, что интеллектуальной свободы, этого позднего продукта цивилизации, японцы лишены. Все примитивные народы интеллектуально отсталы. Обычаи, поведение и мышление дикарей сурово ограничены традициями. Они придерживаются традиций не столько ввиду принуждения или страха, сколько потому, что они не способны мыслить иньче. Они сдержанны в своем поведении, потому что их ум ограничен; что касается японцев, то они являются по существу рабами государства. До конца прошлого столетия в Японии не было судов и полицейских управлений. В феодальной Японии не было ничего, что можно было бы с основанием назвать общенациональным правом. Этот недостаток общих юридических норм, разобщенность кланов в связи с опасениями шпионажа и безапелляционная юстиция феодальных владетелей области оставили народные массы в том же положении, в каком они находились тысячу лет назад. Внезапная эмансипация 1868 г. оставалась непонятной массам. Впервые им дали свободу передвижения по империи; впервые им разрешили общаться и заключать браки друг с другом на различных островах и в различных областях империи. Эмансипация 1868 г. дала новому правительству 60 миллионов подданных, умственный уровень которых был уровнем детей. Эти 60 миллионов подданных жили повседневными заботами о хлебе насущном в течение пятнадцати веков; их можно было легко направить по любому руслу, научить мыслить как угодно; правительство вдохнуло в массы патриотизм, обосновывая его божественным происхождением народа. Эти идеи развивались в указанном направлении и ныне привели к угрожающему положению. Этот патриотизм попрежнему стимулируется. Тот факт, что Японии позволили действовать по ее собственному усмотрению в течение последних двух лет, что ей позволили презреть общественное мне-

ние всего мира в Шанхае и в Манчжурии, еще более убедил огромные и невежественные массы японцев в том, что Япония всесильна. Если державы не учтут всего этого, то Япония медленно, но верно достигнет своей цели. Она подчинит себе народы Востока и попытается завоевать мир острием штыка.

Феодальная Япония была пожалуй наиболее ярким примером, где цивилизация искусственно задерживалась и находилась в статическом состоянии. Поскольку речь идет об оригинальном мышлении, это остается справедливым и для сегодняшней Японии. Я должен признаться, что в течение шестнадцати лет, проведенных мною в качестве профессора в Японии, когда я жил почти исключительно в кругу японцев, я не слышал ни одной оригинальной мысли, высказанной кем-либо из соотечественников моей жены. Самодовольство японцев вероятно в некоторой степени является следствием их упорного игнорирования Запада. Недостаток умения логически мыслить приводит к тому, что японцы самым необыкновенным образом воспринимают то, что они читают или слышат. Большинство студентов, которые учились у меня или за которыми я имел возможность наблюдать, принадлежали к высшим классам общества, к знати. Это были люди в возрасте 24, 25 лет и моложе, т. е. сливки интеллигентной молодежи Японии. Не раз я предлагал моим ученикам прочесть отрывок из книги — не переводной, а одной из книг по истории Японии — и затем обращался к группе, предлагая задавать вопросы по существу прочитанного. Мне никогда не удавалось добиться больше одного вопроса от целой группы. Это не было вызвано застенчивостью; мне ведь приходилось иметь дело не со школьниками 12—13 лет, а со взрослыми людьми. Они просто не в состоянии сразу запомнить прочитанное и логически продумать содержание. Ум японца воспроизводит прочитанную им страницу и только. Метафоры и аналогии для них совершенно пропадают, что в особенности удивительно, принимая во внимание, что дневник Сеи Шонагон или «Настольная книга» содержит ряд поэм, полных образов и игры слов.

Я вспоминаю, что один из моих учеников читал японский перевод английского романа и рассказал мне содержание книги. Переводчик подошел к изложению отрывка, в котором усталый путник, пройдя несколько верст под палящим солнцем, наконец увидал кабачок под вывеской «Белая лошадь». Переведенный обратно на английский отрывок гласил: «Когда мы подошли к кабачку, мы увидели висевшую в окне и манящую белую лошадь». В тексте было сделано примечание, объяснявшее этот странный английский обычай. Переводчик понял дело так, что речь шла о живой лошади. Я принялся объяснять моему ученику, в чем дело и подробно рассказывать, какие в Англии приняты названия для кабачков. Я упомянул о «Синих львах», «Красных львах» и «Черных коровах». Я был вознагражден за мои старания, когда через несколько дней двое из друзей моего ученика уведомили меня,

2 О'Конрой. «Японская угроза» 76.

что их отцы категорически заявили им, что во всем мире, не говоря уже об Англии, не было никаких синих львов.

Японцы вообще не хотят верить тому, что рассказывают иностранцы о своей стране. Они доверяют только рассказам своих собственных писателей, и японское правительство тщательно следит за тем, чтобы в книгах, которые читают в школах, сравнение с Западом всегда было в пользу Японии. Один из японских писателей заявляет: «Нас, японцев, все критиковали как народ неспособный дать своего вклада в мировую цивилизацию, как народ, умеющий только перенимать достижения других. А разве западные народы не заимствуют столько же у нас? То, что наши заимствования состояли в большинстве случаев из заметных материальных ценностей вроде велосипедов и грамофонов и что западные народы восприняли главным образом наши культурные достижения и наше искусство, не должно было бы давать повода к заключениям в пользу одной или другой стороны». Самым удивительным в цитированных мною выше отрывках является то, что все они были написаны или проредактированы известным лицом или деятелем, имевшим университетское образование. Приведенная выше цитата, в которой изъявляется претензия на то, что японцы равны другим народам в качестве создателей мировой цивилизации, является еще сравнительно умеренной по сравнению с другими претензиями. Эти претензии японских авторов стимулируются и поддерживаются правительством, которое пользуется ими в качестве пропаганды против Запада. Трудно поверить, но только пять лет назад военное министерство наградило некоего г. Ниномия двумя серебряными вазами за то, что г. Ниномия изобрел аэроплан в 1894 г. К сожалению военное министерство упустило из виду, что братья Райт предупредили этого господина на несколько лет. Г-н Чубачи Ниномия был офицером в отставке и проживал неподалеку от Кобэ. Объявление о награде и комментарии газеты, в которых воздавалась похвала правительству за выдачу награды, по иронии судьбы появились в «Джапан адвертайзер» 1 апреля 1927 г. В том же году некий г. Минамото подал в суд на Форда за то, что тот украл его изобретение. Я приведу сообщение, разосланное токийским агентством печати «Ниппон демпо»: «Г-н Джизуке Минамото из Токио подал иск в районный суд Иокагамы, обращенный к Генри Форду. Автомобильного короля мира обвиняют в диффамации и материальном ущербе предприятию. Г-н Минамото недавно изобрел угольную горелку для автомобилей в целях экономии топлива. Генеральное агентство Форда в Иокагаме намеренно подделало его изобретение. Поэтому Минамото подал в суд на американского автомобильного короля».

Заслуживают внимания также комментарии сотрудника «Джапан адвертайзер» (издается в Токио), скрывающегося под инициалами «О. Д. Р.» «Из сообщения «Ниппон демпо» мы можем получить некоторое представление о новой модели Форда. Повидимому новый форд будет снабжен «хибачи» (печка для дре-

весного угля, применяемая в японских домах) вместо двигателя внутреннего сгорания. Пройдет еще несколько месяцев и кому-нибудь в Японии дадут серебряную вазу за изобретение Форда. Мы надеемся, что г. Минамото выиграет свое дело. Это лишь типичный пример того, что случилось с тысячью других японских изобретений. Только шесть месяцев назад это были аэропланы. Несколько недель назад мы читали в печати об изобретении телескопа японским офицером, об изобретении беспроволочного телеграфа, об улучшении передачи фотографий по радио и т. д. во всех случаях японцами, причем проклятые западные народы «украли» эти изобретения много лет назад. Так было в течение веков. У Японии украли гораздо больше, чем она заимствовала. Даже лошадиное ржание было изобретено в Японии и украдено лондонским извозчиком в 1791 г.».

Меня часто спрашивали мои ученики: «Есть ли автомобили у вас в стране?», «есть ли нефтеналивные станции в вашей стране?» и задавали мне сотни других вопросов в том же роде. Несколько студентов прочли где-то, что мы, англичане, спим в сапогах, и несмотря на настойчивые опровержения с моей стороны, так-таки не были полностью убеждены в том, что их сведения не соответствовали действительности. Другой профессор — Танака — уведомил своих японских слушателей, что на Западе никогда не моются; он пошел даже дальше и, ожидая опровержения от одного из «варваров», заявил, что европейцы, живущие в Японии, стремясь защитить своих соотечественников от разоблачения их низкого культурного уровня, вероятно будут отрицать его слова. Так по всей империи людей убеждают в одном и том же, навязывают им определенные мысли, причем власти делают это преднамеренно, с определенной целью в качестве средства прославления своей собственной страны. Примеры этого бесчисленны. В марте 1932 г. некий г. Явая написал статью в журнале «Фуджин клуб», пользующемся значительным распространением в Японии. В этой статье он писал: «Женщины на Западе носят меха потому, что они сами так близки к животным, что носят шкуры своих близких на себе; животные — братья этих глупых иностранок». До каких пределов японцы доходят в этом отношении просто удивительно, а в данном случае это особенно поразительно, принимая во внимание, что принцессы императорского дома чрезвычайно любят носить меха.

Другим примером своеобразной психологии народа является случай с одним из моих немецких друзей. Этот господин нуждался в новой паре брюк. Он отправился к портному в Токио, который снял с него мерку. Я должен упомянуть, что немец был не слишком хорошо сложен, и когда он стоял, то колени его настолько расходились, что между ними можно было просунуть кулак. Когда заказчик явился за своими брюками, оказалось, что портной тщательно и аккуратно выкроил брюки по фигуре. Разгневанный заказчик объяснил, чего он хотел, и удалился из мастерской. Че-

рез неделю вернулся за брюками и убедился, что закройщик соорудил пару брюк, в которых каждая штанина выпирала в сторону, для того чтобы «исправить уродство достопочтенного немецкого господина». В конце концов мой приятель обошел это затруднение, использовав другого человека такого же роста.

Я указал выше, что японцы не умеют логически мыслить, но я не хочу создать впечатление, что они вовсе глупы. Они способны думать и составлять планы, но, придя к решению, они скорее ограничатся началом дела, чем продумают его окончательные результаты. После великого землетрясения 1923 г. они решили, что Токио должен быть тотчас же восстановлен. Решив этот вопрос, они приказали построить целый ряд мостов через реки и каналы. Была проявлена такая спешка в постройке, что по крайней мере с десяток мостов оказались никуда негодными.

Подобные вопросы столичного благоустройства не являются вопросами достаточной важности для настоящего правительства. Этот вопрос был по всей вероятности разработан чиновниками, которые имеют некоторое влияние, хотя и ограниченное областью вопросов местного значения. Чиновники поместили однажды в печати сообщение о том, что «не будучи удовлетворены успехами, достигнутыми Японией в области культурной, чиновники определенного учреждения заявляют, что если удастся улучшить и научно рационализировать питание страны, то этим будет сделано многое». К сожалению эта счастливая мысль не привела ни к чему, и дело ограничилось опубликованием ее в печати. Расследование вопроса о том, о каком учреждении шла речь, привело к разоблачению, что вся фраза была заимствована из иностранного журнала и слово «Япония» было помещено вместо названия другой страны.

Как я уже указывал, одной из основных задач правительства, помимо обычной деятельности государственных учреждений, является воспитание патриотизма и преданности императору посредством пропаганды. Один из членов правительства г. Кобаши, который в качестве министра народного просвещения нес ответственность за это дело, начал кампанию в пользу поднятия уровня нравственности. Он несколько раз выступил публично и в речах перед токийскими учебными заведениями, призывал народ к поднятию уровня нравственности. Едва только началось это движение, как «Джапан кроникл» установил, что сам министр живет со своей прислугой. Любовница-прислуга продолжала жить в том же доме, что и его семья и произвела на свет двух детей от министра. Его законная жена была широко известна в качестве лектора по вопросам народного образования и воспитания детей. Затем одна из законных дочерей министра сбежала с шофером, и г. Кобаши был так возмущен этим семейным позором, что публично отрекся от нее. Я рад иметь возможность заявить, что министр был удален с своего поста, после того как стал известен этот факт и его связь с прислугой.

Г-н Кобаши один из немногих примеров государственного деятеля, который перешел все границы, так как в Японии нужно сделать довольно большой шаг в сторону от общепринятых принципов морали и нравственности, чтобы заслужить подобную известность. Тот факт, что японской печати запрещено публично говорить о том, что «такого-то министра обвиняют во взяточничестве», говорит сам за себя. В 1930 г. «Джапан кроникл» жаловался на то, «что почти невозможно помнить все то, о чем в печати нельзя упоминать. В печати запрещается говорить о всех новых вещах, и даже самые тривиальные вещи подвергаются торжественному запрещению... Нам говорят, что японцы — самый законопослушный народ в мире, а с ними обращаются так, как будто это наименее лояльный народ, как будто на японцев менее всего можно положиться».

Помимо запрещения определенных сообщений в печати японское правительство также любит прибегать к «опровержениям». Покойный барон Хаяши, бывший посол в Лондоне, рассказал великолепный анекдот об одном из своих коллег, который был послан с официальной миссией в Вашингтон и получил инструкцию «опровергать все вообще». Японский премьер Хара заявил в парламенте, что «политика открытых дверей» в Манчжурии не может быть сохранена и что державам было об этом хорошо известно. Совершенно естественно об этом сообщили в газетах и через агентство печати всему миру. Хотя в точности этого сообщения нет никаких сомнений, японское посольство тотчас же выпустило опровержение того, что премьер выступал с подобным заявлением. Кстати сказать, конечно в Манчжурии нет никакой «политики открытых дверей».

Япония не лишена мыслящих людей. Всегда были и все еще есть японцы, которые понимают всю нелепость методов, применяемых японским правительством. В самом деле многие из двухсот политических убийств, о которых я упоминал выше, должны быть отнесены за счет убеждений, которых придерживались убитые. Доктор Нитобе и член палаты Озаки являются двумя наиболее выдающимися людьми, сожалеющими о той политике, которой придерживается их страна. Их обоих считают предателями, и я советовал бы им внимательно следить за собой в своих письменных и устных выступлениях, поскольку ближайшее будущее Японии несомненно является критическим. Я готов пойти даже дальше и сказать, что по всей вероятности г. Озаки умрет первым, хотя он и моложе д-ра Нитобе. В 1930 г. д-р Нитобе заметил, что «японцы должны остерегаться опасности самообмана, вызываемого расовой гордостью». Он занимал пост заместителя генерального секретаря Лиги наций в течение семи лет и хорошо знал Запад и Восток. В том же году, когда он сделал такое предупреждение своим соотечественникам, он выступил со многими горькими нападками на правительство. В одном интервью с сотрудником газеты «Майничи» он заявил: «Около 20 лет назад мне хотелось

шутки ради написать книгу под заглавием «Юмористическое государство» (Коккеи-коку), где я хотел изобразить страну, в которой правительство и народ говорят громкие фразы и делают очень мало, где искусство управления страной основано на лжи, а самоуправление представляет собою фарс. Как мог я думать тогда, что мне останется подождать всего лишь 20 лет — до 1930 года — и я смогу подобрать хорошие примеры у себя дома! Да, даже в нашей собственной стране, даже в палатах наших законодательных учреждений, даже в поведении политической партии, которая претендует на наибольшее число сторонников и на самые значительные средства, партии, которой руководит способный и активный политик, можно было бы найти немало примеров для моей предполагавшейся книги». В другом интервью д-р Нитобе заметил, «что политические деятели Японии представляют собою наиболее отсталую группу населения. Это они ставят палки в колеса государственной машины, это они отравляют умы нации». По его мнению «открытие парламента представляет собою собрание дюжины настоящих политиков, нескольких десятков специалистов по боксу и четырехсот марионеток». Я должен указать, что и д-р Нитобе и г. Озаки вызвали к себе презрение в глазах своих соотечественников, женившись на представительницах варварских рас. Д-р Нитобе женат на американке, а г. Озаки был женат на англичанке, которая умерла.

Благодаря опубликованию небольшого отрывка из одной исторической работы д-ра Инуе, этого крупнейшего ученого Японии, настоящего националиста, профессора императорского университета, члена палаты лордов и Академии наук, заставили оборвать научную карьеру. Д-р Инуе был обвинен в том, что «сделанные им замечания направлены против основных начал японской империи, потому что они выражают сомнения в непогрешимости трона». Вот извлечение из книги д-ра Инуе, вызвавшее это обвинение: «Священное императорское послание, о котором можно сказать, что оно олицетворяет основные начала нашей империи, упоминается в «Нихон-джи». «Нихон-джи» написана в 720 г. н. э. и относится к периоду Нара, хотя самая идея послания не возникла в течение этого периода. В период Нара идея послания считалась уже вековой традицией». Ученый подвергся нападкам за то, что он поднял вопрос о происхождении императорского послания, которое исходило якобы от богини солнца. На него донесли генерал Кузау, г. Момоки и знаменитый г. Тояма из общества «Драконов». Эти три лица добились того, что д-р Инуе подвергнут полному остракизму.

Д-р Нитобе следующим образом охарактеризовал японскую психологию: «Наш народ лишен чувства юмора, японцы отличаются чрезмерной обидчивостью; они чрезмерно злоупотребляют личным моментом в споре и исключительно легко обижаются на других в общественной жизни. Не будет удивительным, если в один прекрасный день социалоги найдут, что между быстрой го-

товностью японцев к тому, чтобы окончить жизнь самоубийством и их недостатком чувства юмора существует тесная связь». Г-н Саго идет даже дальше и говорит о своих соотечественниках как о людях, у которых «отсутствует великодушие», и прибавляет: «Вскоре может наступить время, когда я предпочту жизнь в аду жизни в Японии». Этот недостаток чувства юмора истолковывается лояльным японцем как доказательство чувствительности. Нитобе утверждает: «Немногие народы мира более чувствительны к мнениям других, чем мы. Насмешливая улыбка, которой англичанин и не заметит, является для нас ножом в сердце. Горе тем, кто обманывает себя, прислушиваясь к голосу одной лишь лести». Должно быть есть много японцев, даже среди простого народа, которые видят всю опасность той политики самообмана, которую проводит страна, но эти люди не решаются высказать свое мнение. Они боятся, что на них донесут соседи. В 1930 г. императорское правительство обратилось к населению с предложением сообщать в полицию все, что дошло до их сведения. «Осака Майничи» пишет: «Недавно полицейские власти Токио объявили, что «отныне они охотно будут получать тайные сообщения от граждан», что означает создание общенациональной системы шпионажа, доноса и полицейского наблюдения. Эта система даст возможность злым людям наносить ущерб другим ради мести». Западный наблюдатель будет удивлен, почему народ не борется за свои права. Я должен еще раз повторить, что психология японских масс находится всецело под влиянием правительства. Полиция в глазах японцев является представителем правительства, а правительство является олицетворением непогрешимого божественного императора. Мнения народа, как мы его понимаем, в Японии не существует; народ находится всецело под влиянием чиновников и тайных обществ, действующих в согласии с полицией. Тояма и Учида — два руководителя тайных обществ или каи — применяют обычно метод доноса в догматической форме, не допускающей никаких споров. Всякая защита объявляется ложной без всяких доказательств. Система шпионажа предоставила этим лицам громадную власть. Я расскажу в доказательство этого один простой случай.

Глубокий старик Сакае Осуджи, бывший школьный учитель, жил уединенно со своей женой и племянником, мальчиком 10 лет, зарабатывая на жизнь частными уроками. Он был счастлив: разве он не прожил счастливую трудовую жизнь в течение более чем 50 лет? Сосед, быть может конкурент по частным урокам, какой-нибудь низкий человек — враг Осуджи, донес полиции, что семья по убеждениям не лойяльна по отношению к императору. Никто конечно не слышал, чтобы Осуджи и его семья высказывали свои революционные мысли, но было известно, что они не одобряют мероприятий правительства. Все трое были арестованы и брошены в тюрьму. В их камеру явился капитан Амакасу. Он предложил старику папиросу, жене и красивому мальчику—чашку

чаю. Осуджи и его жена успокоились: почтенный капитан убедил их в том, что он добьется для них справедливости. «В чем дело?» спросил их капитан. Их, изволите ли видеть, обвинили в том, что их мысли направлены против божественного императора из страны богов. Это неправда, разве он, старый человек, не послужил хорошо своей стране, не был верен императору в течение многих лет? Ведь он всегда учил своих учеников преклоняться перед божественным императором. Почтенный капитан обошел старика, похлопал его ласково по плечу, а затем задушил его. Потом он задушил старуху и наконец ребенка. После недолгого заключения капитан Амакасу был освобожден, и было заявлено, что Осуджи и его семья признали свою вину. Газета с наибольшим тиражем в Японии воспроизвела эту историю и указала — в согласии с истиной, — что капитан «воспользовался только своими руками». А в конце газета заявляла: «Нет сомнения, что капитан Амакасу — национальный герой». Теперь почтенный капитан занимает высокий пост в Манчжурии. Он один из трех советников японской армии в Манчжурии.

В XVI столетии Монтан писал: «Японцы находят удовольствие в жестокости, кровопролитии и т. п.». Это верно и теперь. Их жажда крови не ограничивается их восхищением перед убийством, внушенным политическими или патриотическими целями. Я никогда не смогу забыть массовых убийств беззащитных корейцев после землетрясения 1923 г. Мы с женой находились на корейском полуострове во-время землетрясения и резни. Не было оставлено ни одного здания; огонь пожрал почти все дома; люди лишились одежды, пищи и крова. Неизвестно, как возник слух в Японии, что корейцы намеревались совершить немедленное нападение на острова. Как могли корейцы осуществить это нападение, когда у них не было судов, не было пищи,—оставалось тайной. Но слухи распространялись, и японцы вооружились мечами. Они отправилсь убивать каждого — мужчин, женщин и детей, — кто не мог бы доказать своего японского происхождения. Они убивали даже своих собственных соотечественников, если они не могли представить удостоверение личности. К счастью, хотя я потерял все мои бумаги, я нашел в своем кимоно старую визитную карточку. Мы с женой нашли два травяных матраца, которые мы связали в форме арки, и укрылись под ними. Когда явились погромщики, я показал им мою карточку, и мы оба получили по голубой повязке в доказательство того, что мы не корейцы. Через час погромщики явились вновь, и нам дали повязки другого цвета в качестве предосторожности против того, что корейцы узнают цвет и избегнут смерти. Каждый час они меняли цвет повязок, и каждый раз погромщики появлялись, держа обнаженные мечи, на которых была кровь; их одежды были в крови, остатки человеческого мяса покрывали их. Они были пьяны жаждой крови. Их волосы, руки и лица потемнели от крови. Не смея выражать сомнение в необходимости погрома, я спросил о при-

чинах его. Мне сказали, что «корейцы уже совершили нападение на Японию, что корейцы виноваты в землетрясении». Не менее 8 тысяч корейцев было убито. Ни один из них не был вооружен. Не стоит добавлять, что через японских послов были посланы настойчивые опровержения во все другие страны. Эти убийства, якобы, были результатом «обычных беспорядков, неибежных при такой катострофе», и число убитых было преуменьшено почти на 90%.

Такова психология современной Японии. Это—психология народа-дикарей, воспитанного в современной военной обстановке, внезапно воспринявшего результаты западной машинной цивилизации. Но угроза заключается не только в этом. За внешним лоском скрывается убеждение в том, что японцам принадлежит божественное право управлять миром, убеждение в превосходстве над другими народами мира; это сделало их религиозными фанатиками, божеством которых является Япония.

ГЛАВА III

ИНОСТРАНЕЦ В ЯПОНИИ

Отношение Японии к иностранцу является на сегодняшний день парадоксальным. С одной стороны, имеются государственные туристкие агентства, пытающиеся завлечь иностранцев в Японию и оставить у них приятные воспоминания о посещении страны, в то время как, с другой стороны, имперская полиция как будто ставит своей задачей всячески помешать успеху этих агентств. В 1930 г. глава официального японского Бюро туризма в Токио жаловался в «Джапан аднвертайзер», что полиция мешает сделать Токио привлекательным для иностранных туристов. Несколько сыщиков все время вертятся вокруг Имперской гостиницы, наблюдая за тем, чтобы иностранцы не преступили законов нравственности.

Нет никакого сомнения, что присутствие иностранцев в Японии для большинства населения вообще исключительно неприятно. Это главным образом объясняется правительственной пропагандой, о которой говорилось в предшествующей главе. В представлении японцев народы земли разделяются на три категории К первой и лучшей из всех относятся они сами, «дети богов»; затем идут варвары, включающие желтую и белую расы всего остального мира, и к последней принадлежат народы Корумба, состоящие из народностей Индии, Цейлона и всех негров и черных рас вообще. По последней переписи населения представителей последних двух категорий в Японии постоянно живет около 6 500 человек. Они делятся по переписи следующим образом: американцев—1 870, англичан—1 610, немцев—930, русских—850, уроженцев Британской Индии—230, швейцарцев—170, канадцев—140, португальцев—130, датчан—90, итальянцев—45 и норвежцев—45.

Это очень небольшое число по сравнению с населением Японии, состоящим примерно из 90 млн. человек, и все же для наблюдения за ними учрежден специальный отдел столичной полиции, а для японской печати нет лучшего удовольствия как сообщить что-нибудь оскорбительное для этих гостей Японии. Почти не проходит дня, чтобы не появилась какая-нибудь фантастическая выдумка, в которой иностранец является предметом насмешек и оскорблений. Если не представляется возможным сочинить

что-либо новое, то выкапывается из архивов какой-либо случай, происшедший несколько лет назад, и преподносится под новым соусом. В 1922 г. был напечатан красочный отчет о нападении двух служащих британского посольства на полицейского в Токио. Случай был расследован репортером, который сообщил, что по сведениям, полученным от прислуг посольства, в эту ночь, как это часто бывало и раньше, все члены посольства пришли в пьяном виде. В результате давления сверху газета признала, что у нее не было никаких оснований для этого утверждения. В сентябре 1926 г. та же выдумка была воспроизведена вновь. В октябре того же года другая газета повторила историю об английской пьянке. Немного позже эта выдумка стала достоянием малой печати.

Когда Соединенные штаты в 1924 г. провели закон об иммиграции, японские газеты пришли в исступление. Были напечатаны «Критические комментарии» в выражениях, которых нельзя воспроизвести в книге. Одно газетное сообщение заканчивается несколько странным утверждением, почти признающим, что японская цивилизация является лишь внешним лоском. Так газета писала: «В Соединеных штатах проведен закон, который фактически утверждает, что японцы являются низшей расой, и который каждый японец должен считать оскорбительным для своей национальной чести. Наши дипломаты и государственные деятели пожимают руку американским дипломатам и государственным деятелям и говорят, что все хорошо. Это ложь. Это низкая выдумка! Японцы в течение многих веков жили в атмосфере шинджу и фукушу (злопамятство и месть). Злопамятство и месть глубоко проникли в душу каждого нормального японца, он все еще носит их в себе, как бы он ни был внешне вылощен, как бы он ни был замаскирован внешними аксессуарами современной культуры».

В течение первых дней после решения, принятого Соединенными штатами, Япония была в истерическом состоянии. Чувства достигли столь бурного проявления, что американский флаг был сорван с посольства и разорван толпой. Офицеры, моряки и полиция внедряли ненависть в душу народа. Ненависть и месть были лозунгами всех патриотических собраний. Аристократы, которые были председателями Общества американо-японского сближения, были вынуждены выйти в отставку. Все богатые пожертвования Америки деньгами, достигавшие 11 302 848 долларов, съестными припасами, одеждой, постельными принадлежностями и материалами первой помощи во время великого землетрясения, случившегося всего лишь год перед тем, были забыты: страну богов оскорбили. Япония даже обратилась к Востоку; страна божественного императора, детей богов, искала моральной поддержки у Востока. Некоторые патриотические общества расклеили по всей стране объявления со следующими словами: «Японцы никогда не должны забывать даты 1 июля, когда Америка нанесла Японии несмываемое оскорбление. Готовьтесь к таким действиям, которые

смогут понадобиться для защиты чести вашего отечества в нужную минуту. Каждый японец должен помнить следующие правила:

«Измените свой образ жизни так, чтобы запечатлеть навсегда эту дату в нашей памяти».

«Питайте ненависть ко всему американскому».

«Отказывайте себе в роскоши».

«Никогда не забывайте национальную честь ради частной наживы».

«Никогда не входите в храм, поддерживаемый или руководимый американскими миссионерами».

С этого времени нападки печати на иностранцев не усилились сколько-нибудь значительно, но действительное отношение к ним японцев стало еще более недружелюбным. До того времени царили недоверие и презрение; теперь мы видим ненависть. Я уже упоминал о жалобах Бюро туризма на полицейских шпиков вокруг отелей, и в то время, когда я имел дело непосредственно с иностранным отделом центральной полицейской организации, я имел возможность часто наблюдать за слежкой и обращением чинов полиции с иностранцами. Многие европейцы покидали свой отель, чтобы купить папирос или выпить что-нибудь, и в каждом случае они становились предметом наблюдений какого-нибудь мелкого сыщика, состоящего на службе полиции. Стоило инотранцу вскочить в трамвай сыщик следовал за ним. Если иностранец шел пешком, сыщик шел по его пятам. Иностранец не мог укрыться от сопровождения своего сыщика, пока не возвращался в свой отель.

Таким образом положение белого человека, проживающего в Японии, нелегкое. Вообще говоря, если он служит у компании, центр которой на его родине, ему платят хорошо, но хороший оклад редко компенсирует его за те мелкие унижения, которые ему приходится испытывать от японцев. Обычный турист может никогда не знать о тех оскорблениях, которым его подвергают, и только тот, кто прожил долго среди японцев, поймет, каково мнение японцев о других народах. В своем обращении с иностранцами японцы и в особенности японские чиновники редко употребляют обычные слова учтивости, с которыми они обратились бы к своим соотечественникам при тех же обстоятельствах. Они думают, что поскольку иностранцы не догадываются об этом, это ничего не значит. Во всяком случае, разве главный управляющий иностранным отделом столичной полиции г. Мишима не написал в «Джапан таймс», что «все иностранцы ниже япнцев».

Когда полицейские входят в дом иностранца, женатого законным браком на японке, им даже не придет в голову обращаться к ней иначе, как если бы они говорили с проституткой. Полицейский спрашивает женщину: «Же ва? Джоро ка? Со ка? «Какова твоя безнравственная профессия?» «Проститутка ли ты?» Для полицейского, приученного ненавидеть и презирать иностранцев, представляется невозможным, чтобы другая женщина, не прости-

тутка, могла жить с белым человеком. Проследуйте за европейцем или американцем, идущим по улице с японкой, и внимательно прислушайтесь к замечаниям толпы. Все время вы услышите однообразное: «Ха, джоро даро» «Должно быть это проститутка». Мне самому часто приходилось слушать подобные замечания толпы. Существует еще одно выражение в японском языке, употребляемое исключительно для описания женщин, имеющих дело с иностранцами. Это выражение «рашамэн»; оно непереводимо, но указывает на женщину, достигшую последней степени падения. Смысл его гораздо обидней, чем слово проститутка, и оно подразумевает нечто отталкивающее.

В 1930 г. отношение прохожих на улицах Токио вызвало даже протест в газете «Майничи». Одно из многочисленных писем, посланных по этому поводу в редакцию газеты, я приведу здесь: «Дорогой Аманаджаку, ваши замечания по поводу невежливости по отношению к супругам японской и иностранной рас являются чрезвычайно своевременными и будут прочитаны здесь сотнями людей, страдающих от незаслуженных насмешек, публично направленных против них. Это грязное и презренное состояние ума наблюдается не только у кули или в низших слоях населения; в доказательство этого пусть каждый, кто сомневается в этом, присмотрится и поймет, что происходит, когда иностранец в сопровождении своей жены-японки входит в трамвай или выйдет на бульвар, где гуляют японцы.

«Я давно уже перестал выходить со своей женой, уверенный, что придется услыхать унизительные оскорбления. Пусть кто-нибудь из японцев объяснит автору этого письма, почему иностранец, гуляющий со своей женой-японкой, обязательно подвергается оскорблениям?»

Эти факты может быть помогут рассеять мнение, которое я так часто слышал от американцев и европейцев, что белому мужчине легко войти в избранные касты японского общества путем брака на японке. Мой личный опыт — один из редких удачных случаев — слишком близок мне, чтобы я мог забыть о нем. Противодействие семьи моей жены, предание гласности по всей империи, невыразимые оскорбления и мелкие унижения, которым подвергались я и моя жена, не легко прощаются.

Газета «Джапан адвертайзер», долгое время сохранявшая молчание по этому поводу, в 1930 г. наконец осознала тот факт, что туземная печать распускает клевету об иностранцах, и произвела по этому поводу расследование. В результате этого расследования появилась следующая статья: «...В настоящее время существует около сотни секретных обществ, которые всецело заняты нападками на иностранцев. Ничто так не бесит японца, как зрелище европейца или американца, танцующего с японкой. Они — «избранный народ». Одно из секретных обществ попыталось уничтожить этот безобразный обычай. В самом разгаре танцев, происходивших в полдень в воскресенье в «Имперском отеле»,

группа вооруженных саблями людей в черных масках ворвалась в отель с полной решимостью учинить избиение танцующих; единственно, что остановило защитников расы от выполнения своего плана, была поистине блестящая мысль заведующего гостиницей. Он велел оркестру играть национальный гимн без перерыва в течение некоторого времени. Ни один японец не позволит себе оскорбить императора ни одним движением во время исполнения гимна, и положение было спасено».

Помещенное в газете «Майничи» длинное письмо одного немца, написанное в 1930 г., заканчивается следующими словами: «Я никогда не испытывал ничего подобного ни в одной стране. Я скорблю о Японии. Возможно, что у меня будут неприятности за то, что я об этом пишу, но мне кажется, что это лучшая услуга, которую я могу оказать Японии, а полиция может лишь выслать меня из страны, что она косвенно делает уже и теперь. Я рассчитывал прожить в Японии несколько месяцев, но теперь я рад, что уезжаю в Китай через несколько недель. (Подпись) Вернер Циммерманн. Токио, 5 мая 1930 г.».

Случай, известный под названием дела «Риччи», превратился в национальный праздник. Эта жалкая грязная история ссоры между мужчиной и женщиной до того взволновала Японию, что имперская полиция не была в состоянии выполнять свои обычные обязанности в столице. В дом каждого иностранца, которого подозревали в каких-либо сношениях с упомянутыми лицами, врывалась полиция и подвергала хозяина или хозяйку дома перекрестному допросу о его или ее привычках и образе жизни.

Повидимому Риччи и его японская подруга проводили этот вечер вместе. Слишком много было выпито вина, зашел разговор о каком-то кольце, и оба участника драмы разгорячились. Истерическая молодая женщина выстрелила из небольшого револьвера, и пуля попала в ногу мистеру Риччи. Как я уже говорил, случай этот жалок и незначителен. Но вся страна перестала нормально работать. Газеты продавались, как никогда раньше. «Страна, развращенная безнравственностью варваров» — пестрели заголовки передовиц.

Главным пунктом в деле Риччи было обвинение иностранца. Вот то, что нравилось народу. Иностранец, варвар нарушил закон! В глазах японцев это был случай для ликования. «Если иностранцев обвиняют в нарушении закона,— писал «Адвертайзер»,— их будут судить согласно закону. Но пока на них нападают на улице; их пригвоздили к позорному столбу в печати, вокруг них подняли оргию репортеры — творцы газетных сенсаций». Другая газета, описывая подобный случай, указывает: «Изображен иностранец, борющийся с полицейскими (как будто есть смысл бороться против такого количества людей), которые очевидно держат его таким образом, чтобы его можно было сфотографировать. Вся шумиха поднята содержателями публичных домов. У Японии нет интереса охранять мораль. Фактически

после целого дня допроса в полицейском участке господин X. был предоставлен нежной заботливости оравы репортеров, и казалось, что полиция скорее помогала, чем останавливала искателей сенсации. Преследуемый по улице репортерами, господин X. должен был положительно пробивать себе путь. Его ударили по голове и сильно ушибли в ногу». Оказалось, что г. X. был сыном доктора и занимал видное положение в крупном акционерном обществе. После дальнейших расследований начальник полиции вынужден был признать, что все дело было сильно преувеличено и что не было достаточных показаний для возбуждения судебного дела.

Это организованное издевательство над иностранцами не ограничивается лишь публичными оскорблениями и нападками. Там, где возможно, иностранцев отстраняют от участия в официальных торжествах или местных празднествах. В 1929 г. Токийская консерватория, как и большинство других культурных учреждений, построенная при содействии иностранцев, справляла свой пятидесятилетний юбилей. На празднестве присутствовали принцы и принцесы царского дома, но служащие в консерватории иностранные профессора не были приглашены на торжество. Гг. Верхмейстер, Шольц и г-жа Петцольд проработали несколько лет в консерватории. Несколько месяцев до юбилея они посвятили разучиванию с учениками отрывков, предназначенных к исполнению перед членами царского дома. Но принцы не должны были однако быть оскорблены приглашением трех «варваров», и их не пригласили.

Недавно его императорское величество микадо должен был проехать по улице Тор Отель в Кобэ. За несколько дней до торжественной процессии в полдень, когда народ находился на работе, полиция решила посетить дома и комнаты иностранцев. Там она учинила настоящий погром, перевернув все вверх дном. Затем был отдан строгий приказ, чтобы ни один иностранец не смел выходить на улицу, не смел открывать окон, не стоял на балконе или в открытом месте до тех пор, пока не проедет его величество. Это не было вызвано страхом перед анархистами или опасностью покушения на жизнь императора, это была лишь возможность еще раз подчеркнуть перед народом превосходство японцев над другими расами. Недавно я слышал разговор между иностранкой и полицейским на этой же самой улице Кобэ. Разговор был несколько односторонним, так как знание языка у дамы было строго ограниченным. Ее мужа не было в городе. Офицер начал разговор следующими словами: Вы должны пойти со мной в полицейский участок. Зачем вы приехали в Японию? Чтобы торговать? Зачем ваш муж открыл этот магазин? Сколько денег вы зарабатываете? Может ли ваш муж представить поручительство на 1000 иен? Где ваши деньги? Зачем вы вывозите деньги из нашей страны? Зачем вы делаете сами всю работу? Почему вы не даете работы японцам.

В другом случае один шотландец был комиссионером по про-

даже ценного сорта дерева в Японии — такого дерева, которое там не растет. Крупная фирма, директора которой часто встречаются с послами, просили его приехать в Токио. В кабинете правления он вскоре узнал, зачем его вызвали. Он услышал там, что был единственным агентом для японцев. Затем ему сообщили: «Мы сами хотим владеть этим агентством». Он отказался продать свое право, на что последовал ответ: «Мы возьмем его у вас; мы уничтожим вас в два или три месяца, а затем непосредственно напишем вашей фирме в Бирме». Далее последовал его допрос в полиции, который закончился следующим разговором: «У вас есть деньги?» «Да, но они в Шотландии». «Но у вас есть чудесный дом, вы должны продать его».

Антииностранные настроения настолько глубоки, что английские названия были сняты со всех железнодорожных станций, трамваев и автобусов, вероятно для того чтобы еще немного затруднить положение иностранца в Японии.

Говоря об иностранцах, необходимо упомянуть о японских колониях, главной из которых является Корея. Корейцы составляют часть подданных японской империи, но они не считаются соотечественниками расы богов. У них нет права голосовать, как у японцев, каков бы ни был их социальный, интеллектуальный или экономический ценз. Они не знают расового равенства. Их посылают в особые школы, где не встретишь ни одного японца. Для них закрыта карьера чиновника, каковы бы ни были их дарования. Все государственные учреждения и выборные должности для них закрыты. Корейским рабочим платят меньше половины ставки японца за ту же работу; их или поселяют чуть ли не в хлеву, как скотов, или совсем не дают помещения. Если часть из них работает на постройке надземных железных дорог в Японии, они вынуждены искать убежища под арками мостов, не защищенными ни от ветра, ни от дождя.

Об отношении японцев к корейцам не стоит распространяться; мы напомним лишь, что последних японцы считают варварами. Может быть следующий процитированный мною отчет миссионера, жившего на полуострове, даст некоторое представление о положении дел в этой самой большой колонии Японской империи. «В Корее народ лишен какой бы то ни было самостоятельности, он целиком находится во власти военщины... мы были свидетелями зверств, совершаемых солдатней. Нам трудно видеть добро в людях, которые являются притеснителями: в нашем сочувствии к народу, который мы любим, нам трудно любить тех, которые, по нашему мнению, являются его обидчиками».

Политика Японии в Китае и Манчжурии будет впоследствии разобрана более подробно, но здесь следует упомянуть, что в Собственно Японии ни один китаец не может наняться на работу. Малочисленных китайцев-лавочников почти выживают, но зато если китайцы помешают японцу наживать деньги в любой части Китая, то это считается дипломатическим оскорблением япон-

ской расы, и об этом посылаются запросы Китаю через посольство.

В число иностранцев я готов включить также касту Ета. На самом деле Ета чистокровные японцы, но с ними обращаются очень плохо. В религии шинто ритуал требует избегать контакта с тремя источниками осквернения: с осквернением кровью, физическим увечьем и смертью. В самом деле каста Ета является наследием старой Японии, но предубеждение против Ета почти так же сильно, как и прежде. До 1818 г. японцы никогда не ели мяса, и прикосновение к нему считалось осквернением. Дело Ета было хоронить людей и животных, и таким образом они сами стали нечистыми. До сегодняшнего дня они отделены от остального населения. Они живут в обособленных районах и деревнях. Браки между японцами и представителем касты Ета воспрещены. Если отец узнает, что его невестка рождена от родителей Ета, то это является достаточным поводом для развода, и отец не успокоится до тех пор, пока не добьется путем развода восстановления чистоты семейного имени. Если узнают, что солдат в армии происходит из касты Ета, его жизнь превращается в сплошной ад.

Официально в Японии насчитывают один миллион человек из касты Ета, но я считаю, что их число превышает три миллиона человек. Другими словами, есть три миллиона японцев, которые не считаются японцами, которые не имеют прав гражданства, которые не могут заниматься своим делом без оскорблений и надругательств. Этому трудно поверить, но это так. Существуют традиционные предубеждения; но даже тогда, когда в Англии сжигали ведьм, оставляли в покое детей и по крайней мере всегда рассматривали профессию гробовщика достойной и необходимой, хотя и несколько мрачной. Несомненно, что японцы «находят наслаждение в жестокостях, кровопролитиях и т. п.», как писал Монтанчи в XVI в., и это является причиной того, что они сохраняют традицию нечистой касты Ета до наших дней.

В корне всего этого антииностранного движения заложена расовая гордость, культура патологически извращенная и взращенная государственными мероприятиями. Ее внедряют в сознание каждого японца при его рождении и любовно культивируют в течение всей его жизни. Это воздействовало на мозг и мировоззрение народа и сделало его жестоким. Это возвеличило японцев в их собственных глазах и преуменьшило значение всего остального мира; это помогает японцам забывать то, чего японцам не хотелось помнить, это дало им силы, позволяющие по-своему психологически обособиться от действительности. Такие факты, как то, что имперский флот был организован благодаря тому, что японцев обучали и тренировали 32 британских офицера; что армия была организована как гибкая организация благодаря французам и немцам; что почтовое и телеграфное обслуживание являются результатом американского гения, — совершенно игнорируются. Некоторое время назад японцы начали выделывать некоторые вещи сами, а впоследствии их изворотливые умы сочли себя

изобретателями и владельцами патентов на изобретения. Ведь фактом, не требующим доказательств, является то, что Япония по отношению к иностранцам не соблюдает ни фабричных марок, ни патентов, ни прав на торговлю. Японские купцы не считаются с правами иностранцев и подражают всему, что могут перехватить, основываясь на мнимом превосходстве своей расы. Фрэнк Фокс в газете «Бриттиш эмпайр» писал следующее по поводу японцев, живущих в Канаде: «Ревнивое оберегание национальных черт делает японцев исключительно ненавистными в Британской Колумбии. Никто не отзывается о них хорошо, они известны как беспощадные и наглые наниматели, как купцы или фабриканты, занятые недобросовестной конкуренцией, как люди, бойкотирующие всякие европейские начинания». В самой Японии такое поведение рассматривается в газете «Кроникл» как «недостойное нации поведение ради того, чтобы нанести ущерб нескольким иностранцам». Г-н Уэнода в своей статье о росте патриотизма, напечатанной в газете «Джапан адвертайзер», рассматривает войну с Китаем (1894 г.), как один из наиболее важных периодов в истории Японии. Он пишет: «Японцы необычайно тонко воспринимают величие Дай Ниппон Тейкоку (Великой японской империи). Иностранные критики изумлялись и не жалели слов, восхваляя и преувеличивая способности японского народа, проявленные им в победе над соседом-гигантом. Японию подстрекали, за ней ухаживали иностраные наблюдатели. Она стала изображаться как «вундеркинд». Десять лет спустя, одержав победу над Россией в русско-японской войне, японский народ окончательно потерял голову от величия своей страны. Япония перестала быть просто «вундеркиндом». Она превратилась в глазах всего мира в ужасного и опасного «вундеркинда». Сами японцы были неудовлетворены простым названием Дай Ниппон Тейкоку. Для них Япония, прекрасная и ни с чем несравнимая, стала уже Дай Ниппон Тейкоку Бан-Банзай, что буквально означает «Великая Японская империя десятки и десятки тысячелетий», а по существу: «Великая Японская империя превыше всего». Новый рост патриотизма начинается в связи «с последними беспорядками на Востоке». Весь мир в лице Лиги наций и САСШ выразили Японии свое осуждение. Вся японская нация узнала об этом осуждении, но она продолжала свою политику покорения Востока с полным хладнокровием. Она презирала всех варваров и не считалась с их осуждением. Япония еще раз доказала своему народу, что она всемогуща. Великобритания сделала слабую попытку вынести приговор и запретила вывоз оружия как в Китай, так и в Японию. Лейбористы, находясь в оппозиции, запротестовали и потребовали применения эмбарго лишь по отношению одной Японии. Никто не последовал этому примеру, и эмбарго было отменено. Япония назвала этот поступок Англии благородным, но бесполезным; ребяческий, — но без эпитета «благородный» — правильное определение этого поступка.

Я полагаю, что существование англо-японского союза поро-

дило в известной степени восхищение Японией в Англии. Самый факт того, что Великобритания обменялась обещаниями заключить союз со страной Востока, несомненно, сыграл в этом отношении свою роль. В добавление к этому следует отметить поразительную способность, с которой Япония приспособилась к современной цивилизации, и быстроту, с которой она присвоила себе и использовала неисчислимые усовершествования Запада, не говоря уже о необыкновенных военных успехах Японии. Эти успехи, как отмечал г. Уэнода, увеличили восхищение и заслужили одобрение всего мира. Поклонники Японии смогут спросить нас, каким образом Япония подписала договор со столь ненавистными ей иностранцами? Даже если все приведенные факты правдивы, спросят они, почему об этих фактах не было известно до опубликования этой книги? Ответ на первую часть вопроса, разумеется, вполне ясен. Договор был выгоден обеим сторонам. Ксенофобская политика Японии помимо насмешек и оскорблений в печати воспитывает патриотизм, который выражается в Японии в превознесении собственного народа над народами иных национальностей. Японский патриотизм имеет целью внушить каждому японцу уверенность в его превосходстве не только по происхождению как потомка богов, но и во всем остальном; Япония стремится искоренить такой патриотизм, который существует в других странах и который заключается в обсуждении «правильности или неправильности поступков отечества», с тем чтобы всегда признать себя сыном отечества; японский патриотизм создает уверенность о несовместимости таких представлений, как «Япония» и «неправота». Об англо-японском договоре «Джапан кроникл» писал: «Договор был выгоден для обеих сторон, но Японии иногда он сильно мешал. В 1915 г., когда Китаю было предъявлено 21 требование, японцы открыто хвастали, что японское правительство, чтобы закрепить свои интересы в Китае, воспользовалось тем, что Англия была занята европейскими делами». Вмешательство Англии по поводу 21 требования вызвало крайнее неудовольствие. Японцы этого не простили Англии и по сей день. Газета «Кроникл» продолжает: «Когда было обнаружено, что союз с Англией может помешать осуществлению интересов Японии, он был открыто призван помехой для Японии». Среди японского народа на этот союз всегда смотрели с неодобрением. Я слышал, как такое мнение, порожденное японским патриотизмом, высказывали на улице. В течение любого периода дипломатических разногласий с Англией почти все в Токио восклицали: «Когда же наконец кончится этот проклятый союз»?

В ответ на вторую часть вопроса, почему эти факты не появлялись раньше в печати, я укажу на несколько причин. Во-первых, необходимо взглянуть на карту мира. Япония далеко отстоит географически от Англии и от Европы. Наука даже на Западе в течение последних двадцати лет двигалась слишком быстро, для того чтобы Европа успела приучить себя к мысли, что далекое

расстояние в настоящее время ещё не обязательно обеспечивает неприкосновенность. Совсем еще недавно Япония была слишком далека, чтобы заслужить интерес английской печати. В течение долгого времени известия о Японии пересылались в Англию агентством «Кокусаи цушинша». За «Кокусаи цушинша» стоял некий виконт Шибузава, человек очень богатый и разумеется патриот. Совершенно ясно, что поскольку его служащие дорожили своим местом в агентстве, они не смели посылать известий в какой бы то ни было мере неблагоприятных для Японии. Теперь это агентство носит название «Ренго». Взвесим далее ценность официальных новостей, которые поступают в печать через министерство иностранных дел. Разумеется, министрество в данном случае зависело в значительной степени от своего посольства, а британский, да и всякий другой посол, является в Японии последним человеком, имеющим возможность получить истинное представление о настроениях японцев. Посол окружен шпионами, как я узнал во время моих сношений с полицией, и в отношении его система шпионажа в Японии доведена до совершенства. Шпион «А» может быть назначен для наблюдения за посольством; в этом случае «Б» будет назначен наблюдать за «А», третий шпион «В» получит приказ наблюдать за «Б», а четвертый «Г» наблюдает за первыми тремя. В добавление к тому существуют еще тайные общества, задачей которых является наблюдение за иностранцами. Кроме того японец всегда рад донести полиции о чем-либо подозрительном в поведении варвара или японца, друга варвара. Что касается иностранных чиновников в Токио, то они вращаются только в официальных кругах и никогда не могут почувствовать истинного отношения к себе со стороны народа. Трудность изучения языка также является помехой для всех иностранцев, которые не соприкасались близко с японцами и которые не могут оценить всех оттенков оскорблений в японском языке, на которые не способен ни один другой народ за исключением пожалуй китайцев. Наконец последним источником известий, которые все же попадают за границу и которые неугодны Японии, является «официальное опровержение». Упомянем также о постоянных корреспондентах европейской и американской печати. Большинство из них живет в отелях отнюдь не в японской атмосфере. Они создают в Японии подобие маленькой Англии, маленькой Германии, маленькой Франции или Америки. Они окружены шпионами, они не знают языка или если они и знакомы с языком, то в очень малой степени. Один или двое из них, с которыми я хорошо знаком, жили в стране в течение 20 лет и все еще не могут правильно произнести ни одной фразы по-японски. Если вы зададите им вопросы по истории страны, они почешут затылок и, подумав хорошенько, рискнут выразить мнение, что реставрация произошла в 1868 г. или что в этом году американская эскадра посетила Японию. Чтобы в большей степени удовлетворить своим изложением этих поклонников Японии, я должен напом-

нить им, что когда Япония стала предметом интереса со стороны печати, на страницах газет замелькали термины «от нашего специального корреспондента», «от специального информатора в Японии». «Дейли мейл» отправила даже Уорда Прайса для ознакомления с положением в Японии, и ему удалось получить «интервью» императора — достижение, которым, могу я прибавить, могут справедливо гордиться и он, и его газета. Нет сомнения, что японское правительство видело в этом средство заполучить союзника во враждебном лагере, забывая, что предсмертные признания известного убийцы представляют равный, если не больший интерес и для редактора и для широкого круга читателей. Единственный иностранный журналист, который среди тех, с кем я встречался, отдавал себе в какой бы то ни было степени отчет в японской угрозе, был лорд Нортклиф. В последнем разговоре, который был у меня с ним в Токио утром того дня, когда он уезжал, он сказал мне, что японцы, по его мнению, были «величайшими режиссерами мира». Что касается японских репортеров, то достаточно будет для меня процитировать слова одного британского консула в Корее, который однажды заметил, что «единственная ценность сообщений японского корреспондента заключается в их отрицательном достоинстве, т. е. его сообщения безусловно лживы».

В заключение следует сказать несколько слов о пошлинах на предметы роскоши. Этот специальный тариф представляет собой опыт законодательства, проведенного повидимому с целью сделать существование иностранцев в Японии еще более неприятным. Посредством этого тарифа правительство установило пошлину почти на все, что является необходимым для иностранцев в Японии. Тариф включает даже сыр, который никогда не едят сами японцы. «Джапан кроникл», комментируя вопрос о тарифе, писал: «Тариф на предметы роскоши сам по себе является конечно возмутительным. В качестве источников государственного дохода он не заслуживает внимания. Попросту люди изучили, как живет горсточка иностранцев в Японии, и установили, без каких вещей им было бы особенно трудно обойтись, а затем обложили эти товары стопроцентной пошлиной. Ни в одной стране не было установлено более гнусного закона. Благодаря болезненному культу патриотизма в Японии поддержать сопротивление иностранцев какому-либо шагу Японии означало бы проявить наихудший недостаток патриотизма вне зависимости от того, на чьей стороне право. В подобных случаях даже сами иностранцы опасаются навлечь на себя недоброжелательство окружающих». Я мог бы привести еще многие случаи унижений и нападок на иностранцев, но книга разрослась бы до размеров своеобразной энциклопедии, и я полагаю, что приведенных мною немногих примеров достаточно, чтобы дать ясное представление об отношении Японии к другим странам, и чтобы разоблачить угрозу, кроющуюся в этом отношении.

ГЛАВА IV

НАРОД И КОНСТИТУЦИЯ

В ЯПОНИИ семья всегда оказывала глубокое влияние на жизнь всей страны, и семейный уклад является областью, с которой иностранцы имели чрезвычайно мало возможности ознакомиться. В огромном большинстве японских семей муж представляет собой неограниченного хозяина и пользуется всеми привилегиями. Он является единственным владельцем всего имущества, а жена — не больше как слуга мужа. Существует правило, которое гласит, что женщина имеет три обязанности: подчиняться отцу в молодости, мужу — в замужестве и сыну — в старости. Она не имеет собственного имущества и вследствие этого находится в полной зависимости от мужа. Она прислуживает ему за столом и садится после него. Она ради него рано встает и поздно ложится. Несмотря на то, что в стране существует принцип единобрачия, мужчина может иметь несколько наложниц. Гражданское право не признает наложницу членом семьи, но ее сын может быть признан законным ребенком. Муж может развестись с женой, если он сам того хочет; согласие же жены не является необходимостью. Чтобы развод состоялся, совершенно достаточно так называемого «письма в три с половиной строчки», сообщающего о желании мужа развестись; изгнанная жена становится предметом насмешки и презрения общества. Дети живут в почтении и страхе перед отцом, который требует от них абсолютного подчинения. Брак, являющийся основой всей японской семейной жизни, обычно решается родителями, и молодая пара остается в доме, чтобы прислуживать своим родителям. В некоторых более современных домах молодая, только что вступившая в брак, пара немедленно же покидает родительский дом, но это является скорее исключением, чем правилом. Во многих случаях сына женят с единственной целью иметь еще одну работницу в доме, причем с ней обращаются скорей как с приемной дочерью, чем как с невесткой. Молодая жена обязана обращаться со своими новыми родителями более внимательно, чем с мужем, а главным предметом заботы молодого мужа все же остается его отец. Эта сыновняя зависимость не прекращается и со смертью родителей, а продол-

жается и в отношении духа умерших. Право первородства строго соблюдается в японской семье, и братья и сестры обязаны относиться к «главе семьи» (старшему сыну) с таким же уважением, как к своему отцу. Само собой разумеется, что дети должны заботиться о своих родителях в их старости. Такова в нескольких словах картина японской семьи и ее многочисленных недостатков. У членов семьи уничтожен дух независимости.

Такая семейная жизнь в конечном итоге совершенно уничтожает инициативу у отдельных членов семьи. Мысль японца ограничена, а интенсивная патриотическая пропаганда прививает ему мирное самодовольство, лишает его каких-либо желаний или стремлений к знаниям. В добавление к этому состояние здоровья среднего человека в Японии находится на очень низком уровне. В своем никогда не прекращающемся «тренировании» мировоззрения японцев правительство совершенно игнорирует их физическое состояние. Посещение д-ра Эджертона Грея в 1927 г. (по поручению Лиги наций с поручением ознакомиться с причинами высокой смертности в Японии) было первым случаем, давшим возможность убедиться, что состояние здоровья населения в целом— плохое. Это особенно интересно еще и с той стороны, что это был первый случай в истории Японии, давший возможность тщательного изучения качества пищевых продуктов этой страны. Результаты этого изыскания чрезвычайно интересны и говорят о том, что «японское население живет в условиях систематического недоедания». В питании населения всех сельских районов нехватает витамина «А», в то время как в питании городского населения нехватает витамина «В». Отсутствие витаминных веществ может быть на первый взгляд незаметным. Оно может оставаться скрытым источником зла, постепенно подрывая состояние здоровья общества, и может быть косвенно причиной многих недостатков.

«В прямой связи с качеством пищи мы имеем примеры желудочных и кишечных заболеваний, общее количество которых в Японии, по сведениям автора, значительно выше, чем в какой-либо другой стране. Нет ничего невероятного в том, что от неправильного питания в Японии умирает больше детей в возрасте до пяти лет, чем где-либо в других странах земного шара. Смертность от кишечных заболеваний в Японии выше даже, чем от туберкулеза. Идут разговоры о назначении комиссии для обследования условий снабжения пищевыми продуктами в Японии.

«Японская проблема качества пищевых продуктов возникла в связи с низким уровнем их питательных свойств, а также в связи с различными способами приготовления, которые лишают пищу витаминов. Опасность положения Японии зависит не только от отсутствия основных витаминных факторов, недостаточность которых чрезвычайно велика. Недостает также белков, жиров, извести, фосфора, железа и щелочей. Что нужно сделать для того, чтобы покрыть эти недостатки? В связи с естественной недоста-

точностью питательных свойств пищевых продуктов и способом их приготовления (90% из них лишаются витаминов) население Японии живет под угрозой серьезных заболеваний».

Это состояние здоровья населения остается неизменным в течение почти 2 000 лет, и я беру на себя смелость предположить, что оно является причиной низкого умственного развития этого народа. Детская смертность была всегда чрезвычайно высока в Японии, а в настоящее время она без сомнения выше, чем в какой-либо другой стране. Согласно отчету обследования окраинных районов Северной Осаки из 366 рождений 60 детей родятся мертвыми и 86 умирают в течение ближайших нескольких месяцев. Одной из причин этого надо считать чрезмерную работу женщин в период беременности. Подсчитано, что в одном из трех случаев беременности, плод гибнет еще до рождения.

Как и всякая другая страна, Япония имеет свою проблему безработицы; известно, что в Японии многие миллионы людей сейчас не имеют работы. Абсолютно ничего не предпринимается для помощи им. Английское издание «Майничи» говорит по этому поводу: «Несчастное население, потерявшее работу без всякой вины со своей стороны, оставлено на произвол судьбы — умирать с голоду или кончать жизнь самоубийством. Наши общественные места кишат нищими; многие падают в грязь на улицах и дорогах, истощенные голодом. Все это люди — граждане гордой империи».

Через два года в этой же газете появилась другая статья: «Утверждают, что вопрос безработицы в Японии никогда не будет таким острым, как в иностранных государствах благодаря традиционной семейной системе. Рабочие возвращаются в свои родные деревни, где получают помощь от своих родных. Острота наших индустриальных проблем может быть таким образом несколько смягчена, но какова цена, которой страна за это расплачивается, позволяя и без того обедневшим сельским районам выносить на своих плечах всю тяжесть безработицы? Не только крестьяне вынуждены поэтому снизить свой жизненный уровень до предельной границы поддержания своего существования, но и административные органы начинают быстро терпеть банкротство и почти перестают функционировать. Многие деревни совершенно не в состоянии собирать налоги, а в случаях конфискации властями имущества крестьян совершенно невозможно превратить его в наличные деньги. Чрезвычайно серьезное явление представляет собой закрытие начальных школ из-за недостатка средств».

С момента опубликования этих статей положение сельского населения еще более ухудшилось. Военная группа считает настоящий момент самым подходящим для подготовки масс к войне. Маклера в городах видят в этом подходящий момент для использования рынка. Около 80 миллионов иен было в 1930 г. потрачено на демпинг; 5 миллионов коку риса было вывезено в Китай, в то время как миллионы японцев умирали с голоду. Для поддержания

своего существования многие деревенские районы прибегают к натуральному обмену, однако крестьяне должны иметь и наличные деньги. В результате этого чрезвычайно возросла торговля живым товаром. О сущности этой торговли девушками мы будем более подробно говорить ниже, здесь будет достаточно только указать, что существуют районы, где вы можете видеть только стариков. Вся Ямагата лишена своей женской молодежи, проданной торговцам живым товаром и агентам публичных домов. В Ициго, где также совершенно нельзя встретить молодую девушку, покупатели предлагают за гейшу особенно высокую цену. Ныне несчастный крестьянин и его жена, вместо того чтобы, как раньше, просить бога послать им сына, молят о дочери. Дитя продается еще прежде, чем оно родится. Оба родителя обходят шинтоистские алтари и буддийские храмы, моля только об одном предмете, который имеет готовый рынок. Однако цена и на этот товар упала, поскольку обход богов оказал чрезвычайно плохую экономическую помощь, и уже становится вопросом, дает ли предлагаемая родителям цена возможность воспитывать ребенка до начала действия договора. Воспитывать мальчиков совершенно невозможно, для них нет рынка, а стоимость жизни чрезвычайно высока. Отсюда возникла новая отрасль торговли. Правильнее будет сказать, что возродилась старая профессия. Я говорю о торговцах детьми. Эти люди собирают нежеланных детей и передают их палачу. Этот обычай всегда существовал в Японии по отношению к незаконнорожденным детям, но в деревне теперь он распространяется и на законных детей. За несколько серебряных монет торговец забирает ребенка и больше о нем уже ничего не слышно.

В наши дни жутко посмотреть вокруг себя в вагонах городских железных дорог или в деревенских автобусах. Горе смотрит на вас со всех сторон. Уныние и отчаяние стало стилем нынешнего дня. «Величайший скульптор наших дней не мог бы изваять маску, так патетически молящую о милосердии, как лица этих угнетенных людей», говорит г. Сато. Г-н Кайахара, описывая жизнь японцев, замечает, что его соотечественники живут «в поклонении судьбе, их религией является религия смерти, они борются, пытаясь найти пути жизни, но жизнь под влиянием их мрачной религии для них только обуза. Религия Запада есть религия жизни, поэтому на Западе умели развить энергичную экономическую жизнь». Тем не менее именно эта религия, эта вера помогает японцам выносить эту жизнь. Сознание, что они являются детьми богов, что Япония есть страна богов, управляемая божественным императором, помогает японцам стоически выносить их ужасные лишения. С самого рождения японцу внушают, что патриотизм является его первой обязанностью по отношению к божественному императору, что Япония всемогуща, что со временем она будет владычицей мира. Возможно, что низкий уровень, к которому привыкли японцы, является причиной такого слепого при-

нятия этого учения. С самого начала положение масс было чрезвычайно тяжелым; может быть, если бы их жизнь была легче и реки для них текли молоком и медом, у них нашлось бы время подумать и понять политику, которую преследуют их правители.

Здесь в аспекте только что сказанного будет уместно познакомиться с конституцией Японии. Разбирая этимологически это слово, мне хочется сказать вместо «конституция» или данный государственный строй, «институт», или извечные государственные учреждения.

Д-р Вашио, один из тех немногих людей в Японии, у которых логика является врожденным качеством, с большим трудом вскрыл неправильность иероглифического изображения слова «конституция» и дал в точной и почти математической форме анализ японских законодательных норм. Совершенно естественно, что божественное послание богини солнца Аматеразу-О-Ми-Ками появляется в самых ранних писаных законах государства. Послание это воплощено в первом параграфе японской конституции и читается следующим образом: «Благословенная и плодородная страна будет вечно управляться моими потомками. Мой дорогой императорский внук, ты будешь управлять и царствовать над ней, и трон твой будет незыблем, как небо и земля». Параграф IV говорит: «Император является главою нации и имеет суверенные права, которыми пользуется согласно правилам этой конституции». В оригинале не предусматривается никаких ограничений суверенных прав императора, которые являются безусловными. Принц Ито, составитель конституции, комментируя этот параграф, сравнивает суверенную власть императора с отношением головы к остальному туловищу человека. Вывод отсюда таков, что император не обязан считаться с параграфами конституции, но может ими пользоваться. Они могут быть его дарами, но не вынужденной уступкой.

Параграф V гласит: «Император пользуется своими законодательными правами при содействии (куозап) или сотрудничестве императорского парламента». Японское слово «куозап» не означает «согласие», как если бы оно было употреблено в контексте «управлять с согласия оппозиции». «Согласие» в японском смысле означает «равенство сторон» при условии, что император стоит выше парламента, как отец стоит выше остальных членов семьи. Он просит от парламента сотрудничества, а не ищет его согласия или разрешения. Принц Ито отрицает теорию «общественного договора», которую на Западе защищал Руссо как основу современной политической демократии. «Подобная идея, — пишет принц Ито, — является непозволительным непониманием единства суверенных прав». Отсюда начинает казаться, что парламент существует скорее для информации о желаниях населения, чем для совета. Короче говоря, японская конституция является установлением, которое определяет обязанности парламента без определения его прав в отношении трона. Теоретически монарх явля-

ется абсолютным автократом. Императорский манифест 1868 г. нельзя и сравнить с английской Великой хартией вольностей. Он просто выражает добровольное желание императора совещаться с народными представителями по вопросу о ведении государственных дел. Это не хартия, если слово хартия предусматривает какой-либо договор между императором и его подданными. Даже бюджет теоретически не санкционируется, а обсуждается парламентом по императорскому приказу. Мнение, высказанное парламентом, приобретает характер закона только в том случае, если император его санкционирует. Другими словами, японская конституция является документом, обязывающим императора только морально, и взаимоотношения между троном и парламентом также носят характер моральных обязательств и никак не узаконены. Тем не менее на протяжении всей японской истории император редко правил лично. Единственным номинальным и фактическим правителем был Джиму Тенно — первый император — бог в образе человека. Даже в момент реставрации император не был главным действующим лицом, таковыми были узурпаторы, которые захватили суверенные права государства в свои руки и правили страной с помощью силы и хитрости.

Доктор Вашио, анализируя японскую конституцию, пишет: «Наше правительство имеет один из самых централизованных аппаратов власти в мире. Даже при разрешении чисто местных вопросов обычно требуется санкция высших токийских властей. Существующая ныне бюрократическая система является естественным громоздким последствием излишней централизации. У нас имеется парламент, который должен выражать волю народа. Но как печально мало эти представители высказывают свои мнения и проявляют инициативу! Такого положения вещей следовало однако ожидать, поскольку сама система, при которой наши представители получают политическое воспитание, лишена всякой возможности создания личного мнения по общественным вопросам. Каковы же результаты существования этого недееспособного парламента? Подчинение народной воли воле небольшой группы людей, в руках которых находится исполнительная власть!». «Санторо», говоря об одном предвыборном собрании, типичном для большинства подобных собраний по всей стране, рассказывает: «Ни один из ораторов, которых я в ту ночь слышал, не соответствовал своему назначению. Некоторые были настолько невежественны, что беспрерывно говорили о «Сейюкай» (одна из партий), когда имели в виду «Минсейто» (вторую партию). Они неправильно произносили имена министров и известных политических деятелей — ошибки, непростительные для человека, который выступает в пользу кандидата на предвыборном собрании». Тот же автор дальше утверждает, что выступления зачастую бывали больше против, чем за кандидата, которого они пришли помочь избрать в парламент. Я лично слышал многие подобные выступления, где оратор бывал настолько невежествен, что цити-

ровал слова оппозиционных министров, путая имена, неправильно произнося их и упоминая имена давно умерших политических деятелей, как ныне существующих. Слушатели же конечно еще более невежественны, чем ораторы.

«Парламент или палата общин состоит из дюжины политических деятелей, десятков отличных боксеров и четырех сотен марионеток»,— говорит наш старый приятель д-р Нитобе. Заурядный член японского парламента не мог бы вам сказать, кого он представляет. На мой вопрос по этому поводу, обращенный к подобному джнтельмену, он изумленно на меня посмотрел и начал что-то бормотать о том, что это составляет государственную тайну. М-р Озаки, о котором я упоминал выше, заметил, что единственная разница, существовавшая между двумя партиями, сводится к тому, что одна из них является «бандой разбойников», а другая — «бандой воров». О верхней палате придется сказать очень мало. Я могу ее охарактеризовать только как группу реакционеров, которая зубами и когтями защищает права своего класса, и единственным стремлением которой, кажется, является возможно больше скрывать от масс настоящее положение вещей. Существует еще одна группа, о которой следует упомянуть, поскольку она является частью конституции — я имею в виду тайный совет. Совет этот состоит из двадцати четырех человек, средний возраст которых достигает 72 лет. Это собрание старцев, которое по моему больше чем четырнадцатилетнему наблюдению, кажется, увлекается только одним из своих прав — отказывать законодательным реформам в утверждении. Может быть это осталось их единственной радостью в жизни, но я не преувеличивая должен сказать, что нет ни одной мельчайшей возможности, как бы она ни была незначительна, которую они не пытались бы использовать, чтобы провалить тот или иной законопроект.

Я дал только набросок японского парламента, но вовсе не хочу этим создать впечатления, что страна на самом деле управляется этими недееспособными и невежественными группами, которые я здесь охарактеризовал. Я только пытался доказать, что при такой группе «народных избранников» действительная власть находится или должна находиться в руках нескольких сильных людей, оперирующих за кулисами. Ни один народ не может совершить скачок от феодального примитивного государства, каким была Япония до конца прошлого столетия, к положению мировой державы в промежуток времени менее пятидесяти лет без научных званий, без организованого законодательства, с населением, прикованным к своей собственной провинции, под властью князьков, без того чтобы правительственная власть не перешла в руки наиболее дальновидных, проницательных и сильных людей. Японцы напоминают героя из сказки, который заснул в XV столетии и проснулся в 1933 г. В Японию неожиданно вторглись все изобретения Запада, и японские массы оказались не в состоянии охватить все их значение и по сей

день. До введения всеобщего обучения в Англии наблюдалось очень мало рабочих конфликтов. Говорят, что газета «Дейли мейл» является причиной всех ее индустриальных проблем вследствие проводимой этой газетой кампании за улучшение просвещения. Если вы можете представить себе Англию с народом в состоянии полного невежества, просвещаемым согласно японским методам, т. е. убежденным, что ее король божественен, что каждый англичанин разделяет это божественное право, что, далее, Англия является единственной страной в мире, населенной божественными существами, тогда вы можете себе представить картину Японии после реставрации. Предоставьте ее населению неожиданно представительство в парламенте, покажите ему аэропланы, автомобили, радио, телефоны, которых оно никогда в жизни не видело, и вы получите картину современной Японии. Совершенно неизбежно, что его представители в парламенте должны быть столь невежественны и благодаря своей власти гораздо более опасны, чем сам народ. Одинаково неизбежно, чтобы власть перешла в руки тех, чей ум более приспособлен для того, чтобы охватить все возможности западной цивизации. Мне придется еще говорить об этой группе, которая правит Японией из-за кулис, в данный же момент достаточно отметить, что в ее интересах поощрять дух патриотизма до крайних пределов. Этим она добилась того, что имеет 90 млн. человек, на которых в надлежащий момент она сможет опереться, 90 млн. человек, в крови которых горит пламя патриотизма, которые *знают,* что они имеют божественное происхождение и готовы сражаться за своего божественного императора.

ГЛАВА V

ДУША ЯПОНИИ

КАЖЕТСЯ профессор Какехи сказал: «Понять шинтоизм — значит добиться глубокого понимания Японии и сокровенных тайн, движущих жизнью ее народа. Ни при каких обстоятельствах нельзя игнорировать шинто, так как это было бы равносильно отрицанию национальных особенностей японцев». Сэр Гарри Паркс, человек сильный и поистине неукротимой воли и вероятно самый выдающийся посол, которого Англия когда-либо посылала в Японию, однажды выразил свое разочарование в том, что он «вместе с другими оказался не в состоянии понять, что такое шинтоизм. Японцы вообще совершенно не в состоянии объяснить его». Я уже пытался дать некоторое представление о шинтоизме в предыдущих главах. Это скорее культ, чем религия, скорее сознание и представление о действительности, чем вера. Имперское правительство не разрешает называть шинтоизм религией. Принимая во внимание патриотизм, который составляет столь важную часть его, нет ничего удивительного в этом решении правительства. Если бы шинтоизм был сведен до уровня религии, он был бы приравнен к буддизму и христианству. Он мог бы стать одной из трех религий и как таковая потерял бы свой престиж. Имеется специальный министр, единственной обязанностью которого является охранение всего, что касается этого расового культа Японии. Шинто — это Япония, и Япония — это шинто. Глава шинто — живое божество, верховный жрец, прямой, кровный потомок самой богини солнца, воплощенный в лице императора.

Я собираюсь позволить себе некоторую вольность с историей и впервые сошлюсь на культ современной Японии как на неошинто. Шинто старых времен, т. е. шинто Джимму Тенно вплоть до момента реставрации как таковой — мертв. Он был поглощен буддизмом, но с возвращением императорского дома к власти он возродился в форме более определенного, более активного учения — неошинто. Шинто было просто подсознательным фактором, хоть и чрезвычайно важным, чистой и простой смесью поклонения предкам и природе с благоговением перед троном. Нео-

шинто выросло на основе этого более старого верования и может быть лучше всего охарактеризовано следующей выдержкой из «Джапан таймс». Эта газета, говоря о новых веяниях, пришедших с Запада, пишет, что европейцы «склоны забывать основы нашей японской расовой натуры. История отмечает, что разного рода иностранные учения время от времени распространялись в народе, но незыблемо, как солнце, вокруг которого эти учения на протяжении долгих веков находили свое подчиненное место, стоял императорский дом. Вне всякого сомнения никакое чужое учение — буддизм, христианство, демократия, социализм—не может обосноваться в нашей стране и пустить корни в сознании японского народа, если оно не подчинится этому неопределенному, тем не менее все пронизывающему духовному элементу расы Ямато, который кристаллизуется и символизируется в личности и традициях его императорского величества. В нашем народе глубоко укоренилась вера, что император есть потомок самих богов, которым мы обязаны своим существованием. И действительно даже звуки слов «Тенно Хейка» или «Шизон» производят на нас торжественное и глубокое впечатление и затрагивают в нас самые глубокие чувства. Объяснять эти чувства бесмысленно; они действительны и правдивы, потому что они существуют». Таково старое шинто дореставрационных дней. Оно определяет чувства этого безмолвного, бездоктринного культа. Расовая натура, расовая душа, раса — таково шинто.

Неошинто более конкретно. Оно является оправданием для преследования иностранцев, для политических убийств, что стало довольно частым явлением. Оно является основанием для излюбленного обвинения в «опасных мыслях», которое приводит к аресту граждан по доносу соседей. Оно является причиной шпионажа среди народа при помощи самого народа. Оно внедряется в население путем введения «дня армии», «дня флота», всякого рода церемониями, в дни праздников. Конкретным примером этой новой фазы шинто являются поздравления императорского дома по случаю рождения принца или принцессы, когда все газеты печатают свои лучшие пожелания и говорят о ликовании населения. Ниже приводится одно из тысяч появляющихся в таких случаях в печати поздравлений: «Мы, подданные его императорского величества, выражаем ему наши сердечные поздравления. Мы гордимся причастностью к национальной генеалогии, тем, что мы все происходим от тех самых предков, от которых берут начало наши знаменитейшие августейшие правители. Наша любовь к родине, наша преданность государю рождены сознанием национального единства, неразрывной связи родства. Япония является в одно и то же время семьей и нацией. Какое счастье, какое блаженство! Да здравствует императорская семья! Да здравствует Япония!». И как еще более конкретный пример этой новой формы мы имеем случай с г. Учимура, японцем-христианином, который, будучи преподавателем первой высшей школы в Токио, вынужден был

подать в отставку потому, что «не склонил достаточно низко своей головы перед портретом императора по случаю дня рождения последнего».

Как и шинто, неошинто не может быть рассматриваемо как религия. Как я уже указывал выше, это есть убеждение, национальное сознание, мироощущение в таком же смысле, как мое мироощущение говорит мне, что я ирландец, и как ваше мироощущение может подсказывать вам, что вы англичанин. В этой неопределенной, бездонной силе нет ни основания, ни существа, которое имело бы начало или конец, или какое-либо иное ограничение, за которое мог бы ухватиться западный ум, так же как он примерно мог бы воспринять психическое возбуждение негров, вызываемое их национальными танцами. Оно абсолютно чуждо всем нашим формам культуры и мысли. У меня напрашивается сравнение с укутыванием нагой, дрожащей, только что рожденной души тончайшим шелком, с попытками убедить ее, что шелк этот является ее естественным покровом, что она родилась с ним. Люди с подобным укладом ума движимы эмоциями, отличными от наших или каких-либо других людей в мире, и оценивать эти эмоции следует при помощи критериев, отличных от обычных критериев разумности.

Ряд элементов конфуцианства давно проник в шинто. Конфуций был китайским учителем, жившим с 551 по 479 г. до нашей эры. Шестнадцать столетий назад его учение начало просачиваться из Китая и Кореи в Японию, и на сегодня оно стало, вплетаясь в неошинтоизм, частью японского маросозерцания. Причина этого переплетения сводится к тому, что учение Конфуция очень близко подходит к идеям шинто. Конфуций учил о том, что государям должно оказываться глубокое уважение; он учил о почитании семьи, живых и умерших ее членов. Японцы поняли, что подобное учение усиливает шинто, и таким образом сделали его составной частью последнего.

Ныне существуют не две школы или секты, а два рода шинто. Один род — это шинто алтаря, где справляются все ритуалы; как таковое шинто известно всему миру, хотя и не имеет отношения к тем соображениям, которые я хочу ниже привести. Другое шинто не проявляется ни в каких ритуалах и является собственно неошинто, алтарь которого находится в глубине души каждого современного фанатического патриота Дай Ниппон (Великой Японии). Прежде чем приступить к рассмотрению этого культа со всех сторон я должен отметить, что в то время как неошинтоисты не являются обязательно шинтоистами старого толка, представители последнего являются неошинтоистами в душе и на деле. Я могу их только сравнить с христианами, регулярно посещающими церковь, и христианами, не посещающими церкви, но являющимися в душе искренними приверженцами этой религии. Многие из наиболее фанатических лидеров неошинтоизма не посещают храмов за недостатком времени, и делают это главным

образом люди суеверные. Этот род верующих, так же как и христиане, имеют свои секты. Сектантское шинто имеет очень скромное прямое отношение к мировой политике; напротив атмосфера неошинтоизма окружает японца, будь он у себя на родине, или в другой стране. Японец—буддист или христианин — должен быть прежде всего шинтоистом. Каковы бы ни были его взгляды или религия, поскольку он японец, он — шинтоист. Он может ничего не знать об истории этого культа или о политической философии неошинтоизма, но, будучи членом японской расы, он родится шинтоистом. И здесь я должен повторить, что основой данного культа служит патриотизм, что уже в достаточной степени объясняет нам странную аномалию в духе христианского шинтоизма. Я выше сказал, что не обязательно знать что-либо об истории культа, и это на самом деле не так странно, как это может показаться на первый взгляд. Многие католики абсолютно ничего не знают ни о церковных соборах, ни о суждениях этих соборов, ни об истории папской власти, но они тем не менее могут быть фанатически верующими людьми. Они могут оставаться добрыми католиками, хоть и предпочитают один порядок другому. Это имеет очень большое сходство с шинтоизмом, с той только огромной разницей, что католицизм не является расовой церковью, в то время как шинтоизм может быть верой только японцев. Ни один иностранец не может стать шинтоистом, даже если бы он стал фанатическим почитателем этого культа и искренне верующим в него. Он не является представителем японской расы, а шинто предназначено только для японцев.

Старое шинто — основа неошинто — представляет собой форму поклонения предкам и природе. Боги этого рода шинто — бесчисленны; есть боги человеческого духа, боги деревьев, камней и различных предметов. Естественным последствием убеждения японцев в своем божественном происхождении прежде всего является почитание предков. Величайшим существом из числа живых считается император, поскольку он по прямой линии происходит от Теншо Дайджин, богини солнца, и поэтому его чтут превыше всего. Этим объясняется включение учения Конфуция в религиозный культ, особенно в той части, которая предписывает уважение к властям. В частности из этого учения развилась лестница различных церемоний, известная под названием «реи». Обращение становится более почтительным, более вежливым, когда говорят с лицом высокого общественного положения. Отсюда явствует, что в обращении с живым богом-императором необходимо прибегать к наиболее почтительным выражениям и наиболее изысканным формам вежливости.

При попытке изучения и объяснения шинто следует иметь в виду работы д-ра Катсухико Какехи, Гино Танака и Генчи Като — трех величайших знатоков шинто в Японии. Их мнения могут послужить солидным основанием для связного представления о шинто и в то же время служить примером того, какое

влияние имеет этот культ даже на таких вдумчивых исследователей-профессоров. Д-р Какехи объясняет шинто «как универсальный идеал жизни японцев, указанный божественной Аматеразу-О-Ми-Ками и переданный земной империи Японии посредством учений императора Джимму Тенно». Д-р Танака говорит, что «шинтоизм — великое учение, свойственное только Японии и состоящее из трех главных элементов — политики, религии и этики. Своеобразная национальная структура японской империи была создана в связи с существованием шинто». Д-р Като, автор «Учения о шинто — религии японского народа», описывает этот культ с трех сторон: 1) как «своеобразный религиозный патриотизм японского народа, заключающийся в прославлении своего императора, центра всего вероучения»; 2) как «своеобразную японскую политическую философию» и 3) как «могущественную политическую машину, призванную служить стране в форме защиты ее существующих институтов. Шинто всегда, тесно и нераздельно, представляет собой японскую расу, откуда и вытекает сопротивление правительства тому, чтобы называть этот культ религией.

Нет никакого сомнения в том, что изучать японский народ, не учитывая шинто, совершенно невозможно. Неоспоримый авторитет этого культа находится под защитой конституции, которая в некотором смысле является письменным оформлением шинтоистского понимания национальной жизни Японии. Этот факт, больше чем что-либо другое, придает конституции величие и неприкосновенность в глазах всего народа. Верховным правителем страны и народа является император. Император — это божественная и неприкосновенная особа — предмет национального обожания и уважения. Император представляет собой центральную фигуру шинто. Он в то же время является предметом поклонения в различных цермониях как олицетворение всех божеств. Следует помнить, что он представляет собой все, чем страна была и будет — он вместилище Аматеразу-О-Ми-Ками. В ее лице представлены все боги шинто, и, происходя от богов, она возвышается над ними и занимает особое положение. Все другие боги существуют как ее проявления или как проявление ее высшей божественной воли. В этом заключается сущность учения в изложении доктора Какехи. Пока живет шинто, будет существовать и Япония, умрет шинто, погибнет и Япония — такова другая аксиома этой расы. При таких взглядах, привитых народу, можно себе представить, насколько крепко последний придерживается своего примитивного культа и насколько он готов до конца следовать за своими правителями.

Я уже говорил о традиции различных форм вежливости, которая составляет часть шинто благодаря поглощенной им конфуцианской морали. Шинто требует величайшей вежливости во всех начинаниях, будь то дело, брак, спор или даже жестокая ссора. Благодаря этому с европейской точки зрения японцы мо-

гут показаться самым саркастическим и ироническим народом из всех. Это правило позволяет им совершать любое дело насилия или мести с холодным безразличием, с тем самым выражением лица, с которым они бы собирали цветы или писали любовную поэму. Монтан и в этом отношении кажется видел японцев насквозь, поскольку, пользуясь своеобразной фразеологией своего времени, он сказал: «Когда мысли их полны различных злых планов, когда они несут в себе закоренелую злобу, их речь, лицо и жесты не изображают ничего, кроме глубочайшего уважения, любви и почета. Это настолько распространено между ними, что те, кто позволяет себе поступать просто и честно, говорить, что думает, исполнять, что обещает — те становятся посмешищем».

Однако следует помнить, что всякий акт насилия является нарушением правил шинто, за исключением случаев, когда этот акт совершается во имя самого культа. По выражению одной из газет, когда человек «стреляет из револьвера, он совершает акт, который абсолютно выше нашего понимания, поскольку в прошлом Японии нет ничего такого, с чем можно было бы сравнить его поступок. Когда однако реакционер совершает во имя империи и государя какой-либо акт насилия, он действует так, как действовали бесчисленные самураи и герои японского прошлого». Для человека западного склада ума чрезвычайно трудно совместить массовое убийство корейцев, уничтожение и убийство незаконных и нежеланных детей торговцами детей, убийство школьного учителя и его семьи капитаном Амакасу, да и вообще всю историю за последние десять лет с подражанием самураям и борьбой «в честь императора». Тем не менее японцы совершенно убеждены, что подобные действия ни в какой мере не нарушают законов шинто. Создается впечатление, что у японского народа нет сознания греха. Не существует даже понятия греха, судя по тому, что, объясняя это слово, японский профессор назовет грех «преступлением». Отчет Литтона говорит, что у них нет сознания совершаемого зла. Народ не совершал никакого зла против государства, государство не может совершить зла, государство — это шинто; вот что так трудно воспринимает западный ум. Японцы — божественная раса и следовательно не могут совершить зла. Весь остальной мир состоит из варваров, и священным правом Японии является господство над миром. Таков смысл неошинто, воинствующего шинто. Верховным алтарем во всей империи является Изе — алтарь, посвященный богине солнца. В 1930 г. он был восстановлен, и пресса по этому поводу с ликованием сообщала о том, что день совершения «церемонии» устанавливается с расчетом его совпадения с «днем армии». Японцы в своей тщетной попытке превратить шинто в вероучение в нашем понимании этого слова внесли в него отрывки из греческой мифологии, кусочки буддизма, осколки христианства. В результате этого конгломерата клочков выросло пугало, которое, подобно вооружению Дон Кихота, может быть разрушено при самом лег-

ком натиске разумной критики. Однако спорить на эту тему с самими японцами почти безнадежно. Это галлюцинация, охватившая 90 млн. человек, под влиянием которой вся масса в один прекрасный день может поднять бурю и нарушить равновесие большей части вселенной. Мне вспоминается выражение: «Не говори о здравом смысле с влюбленным человеком и не проповедуй разум пьяному», но я готов скорей вступить в спор с целым народом пьяных и влюбленных, чем с одним японцем.

ГЛАВА VI

БУДДИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

БУДДИЗМ в современной Японии теряет почву, но все же остается еще религией. Буддизм не имеет никакого отношения к вопросам расы и патриотизма. В свое время он имел большой успех, и в период, когда узурпаторы держали страну под своим влиянием, а император стал почти только преданием, буддизм олицетворял собой духовную жизнь страны. Он вполне отвечал политическим целям различных кланов узурпаторов тем, что отвращал умы людей от их расовых богов. На протяжении почти четырнадцати столетий буддизм играл роль дурмана для народа, в то время как власть находилась в руках правящих семей и верховных жрецов.

По вине самих буддийских жрецов религия потеряла влияние на народ. До сих пор например не существует ни одного перевода Сутр, ни одного намека на какой-либо синтез веры. Буддизм оставил немало отпечатков на духовной жизни, искусстве, поэзии, главным из этих отпечатков является сознание, что высшее животное — человек — отличается от собаки тем, что имеет душу. Под влиянием буддизма император Котоку в VII столетии освободил рабов. Но узурпаторы, несмотря на то, что буддизм вполне отвечал их требованиям, совершенно игнорировали чрезвычайно важную духовную сторону этой религии, в результате чего императорский эдикт, снова после реставрации признавший шинто как официальную религию, не встретил никакого сопротивления со стороны народа. Буддуизм пал и чрезвычайно мало надежды на то, что он когда-либо снова воскреснет в Японии. Как я уже сказал, вина за это лежит на верховных жрецах и их предшественниках. Они расчленяли эту религию на составные части до тех пор, пока в последовавшей путанице она совершенно потеряла свою первоначальную форму. На сегодняшний день лозунгом жрецов повидимому является: ешь, пей и будь весел, потому что завтра ты умрешь. Однако есть одна секта, которая продолжает существовать в прежнем виде и которая называется зен. Среди ее членов воспитывался воинственный дух еще во время периода Комакуры, когда власть находилась в руках

узурпатора Иоритомо. Именно в период Иоритомо эта секта начала существовать, и в течение многих веков ее поддерживали военные вожди. Зен требует от своих последователей строжайшей дисциплины как духовной, так и физической. Иоритомо ухватился за это как противодействие против разлагающего влияния придворной жизни. Секта требует от своих последователей того, чтобы они посвящали определенное время созерцанию. Это достигается пребыванием в холодной комнате, лишенной всякой мебели. Созерцатель садится на полу в ортодоксальной буддийской позе, поместив пальцы правой ноги высоко на левом бедре, а пальцы левой ноги высоко на бедре правой ноги и глубоко скрестив руки. Он садится таким образом против пустой стены и смотрит на нее часами. Постепенно его мозг освобождается от всех мыслей, частое прибегание к такому созерцанию вытравляет всякую способность к воображению, и человек, как и следовало ожидать, становится прекрасным солдатом. Здесь следует указать, что хотя современная японская армия обучается немецкими и французскими офицерами, последние вряд ли будут утверждать, что нуждались в подобном помощнике или лучше сказать сотруднике для морального воспитания западных народов; я этим вовсе не хочу сказать, что среднее развитие японского воина ниже нашего; я уже сказал, что умственное развитие всего народа вообще очень низко.

Былая слава буддизма утеряна. В смысле формы или ритуала от этой религии осталось очень мало как в городах, так и в деревне. Исчезли также и жрецы. Они не проявляют никакого религиозного энтузиазма при совершении богослужения. Их можно сравнить со строго отрекающимися от мирских дел монахами, которые ставят себя выше людских страданий. Тем не менее они не отказываются от мирских удобств. Не нужно колокола, чтобы звать их к трапезе. Они хорошо разбираются в сельском хозяйстве, т. е. хорошо понимают, хороша или плоха репа, принесенная женой нищего-фермера в дар церкви. У них есть аппетит к хорошему рису, но они проявляют застенчивость в расспросах о том, полон ли амбар крестьянина, доставившего им рис. Эти вопросы чрезвычайно пахнут мирскими делами. Они знают свой ритуал, но не имеют понятия о своей вере. Есть такие, которые на вопрос любопытного иностранца ответят, что секрет их религии заключается в проповедывании секрета жизни, в учении, что «конец есть начало, а начало есть конец». Они воспользовались невежеством своего народа, чтобы сделать из своей религии мистическую микстуру, которую не могут объяснить ни ее последователи, ни они сами, ни народы Запада.

В Киото существует одна великая буддийская секта. Ее бывший верховный жрец Отани — родственник императора по жене и человек в высшей степени светский. Его дворец — «Ватикан» секты — является чрезвычайно важным фактором в жизни этого интересного старинного города, а Отани является образцом сов-

ременности среди буддийских «священников». Он имеет текущий счет в одном из крупнейших банков. Он пришел к заключению, что религия состоит из поклонения маммоне и метафизике и решил изучать эти два аспекта веры в строгой последовательности. Решив расширить свой кругозор, он совершил путешествие в Турцию. Там он был принят со всеми полагающимися ему по рангу церемониями и, не теряя времени, пустился в изыскания финансовых возможностей. В Брусе, в Анатолии, он открыл шелковую фабрику, причем его положение дало ему возможность получить в этой стране значительный кредит. К несчастью полнейшее отсутствие практических знаний вскоре стало совершенно очевидным, и дело начало шататься. Под уважительным предлогом выплаты недельного заработка рабочим он занял крупную сумму денег у м-ра Ясуи, официального японского главы коммерческого музея в Стамбуле, и поспешил обратно в Японию. На протяжении короткого времени он сосредоточил свое внимание на метафизической стороне своей религии и уединился в стенах своего храма, отказываясь видеть даже тех лиц, которые не были его кредиторами. Между тем м-р Ясуи был отозван в Японию и почти разорился в связи с той ролью, которую он играл во всей этой афере, в то время как эксцентрические проделки родственника императора были вскоре замяты. Верховный жрец увлекался также и другого рода искусством и удовольствиями и оставил стране богатое наследство в виде многих отпрысков.

Среди его потомства имеется несколько актрис, сценический талант которых является, кажется, их единственным наследством, полученным от отца; после того как суд наложил арест на его дворец и банковские счета, для священника не оставалось ничего другого, как снять рясу, что он и поспешил сделать.

В мире японского буддизма существует много типов священнослужителей, из которых новому и развивающемуся типу дано название «намакура бонзе» (слово «бонзе» означает «священнослужитель»). Шинтоистские или ритуальные жрецы называются «кануши». Жрецы намакура широко известны своей склонностью к удовлетворению плоти как в плоскости чревоугодия, так и в отношении женщин, хотя оба вида этой любви строжайше запрещены святым учителям. Они вращаются в чрезвычайно ограниченной сфере; они больше не являются желанными лицами в придворном обществе — живое воплощение бога шинто не может позволить члену другой веры приблизиться к его императорской священной особе. Для того чтобы наилучшим образом изучить практичность священнослужителей в их заботах о душах японцев, стоит присутствовать при совершении ими обряда над мертвыми. Этот ритуал совершается в строгом соответствии с суммой, пожертвованной храму родственниками умершего. Даже интонация при пожертвовании пяти иен дает почувствовать, что дано только пять иен.

С другой стороны, если сумма велика, слуга господа поднимает такой шум, чтобы привлечь внимание бога, что родственник может оставить храм вполне удовлетворенным, ибо после подобной атаки на всемогущего не может быть никакого сомнения в вечном спасении. Я слышал замечание одного американского наблюдателя о том, что богу потребовались бы дьявольские нервы, для того, чтобы выдержать атаку на все 100 долларов.

Каждый храм имеет свои специальные сроки постов и празднеств, причем для этих церемоний имеются группы молодых девушек, соответствующих весталкам древности. В течение праздничных вечеров я наблюдал так много случаев сексуальных оргий между этими девушками и священниками, что неизбежно напрашивается мысль о существовании какой-либо примитивной уходящей в глубокую древность причины возникновения и развития этой веры для объяснения этих дебошей. Как я уже говорил в предыдущей главе, все буддийские жрецы в то же время шинтоисты и являются лучшими пропагандистами этого культа. Они подымают исключительный шум о Ямато-дамаши, т. е. о неошинто, шум, далеко превосходящий то, что имеет место даже в связи со святым Буддой. Если принять во внимание, что в Японии насчитывается 7 314 буддийских храмов и 35 029 часовен, то станет понятным, почему их терпят. Религиозный японец расстанется со своими деньгами, со своей пищей, чтобы вымостить себе дорогу к небесам, где он будет сидеть в буддийском раю на цветке лотоса, но он редко поднимет руку, чтобы помочь своему земляку в беде. Как я уже подчеркивал, моральная сторона жизни как священников, так и народа не требует особенно глубокого изучения, поскольку сама японская религия, благодаря врожденному поклонению природе включила в себя широко распространенный и активный культ фаллуса.

Служители японских храмов невежественны, подкупны и порочны. Г-н Унода произвел обследование их подкупности и в 1928 г. опубликовал свой отчет. Он только подтвердил самые тяжелые мои обвинения. Он говорит: «Многое было сказано об разложении буддийских священнослужителей в Японии. Мыслящие буддийские священники, признающие широко распространенную подкупность, добавляют, что разложение это продолжает усиливаться. Тревожным фактом является и то, что большинство священников не имеют намека на то глубокое религиозное убеждение, которое могло бы сделать духовенство «солью земли». Я слышал от буддийских священников, а большая часть моей информации получена от более или менее высокопоставленных духовных лиц, которые имеют возможность вблизи познакомиться с буддийскими учреждениями, что от 70 до 80% буддистов в духовном отношении еще не прозрели. Подкупность священников объясняется покровительством и привилегированным положением, которое в течение столетий предоставляло им правительство; у них совершенно уничтожена духовная жизнь. На сегодня можно сказать,

что главная обязанность буддийских священников ограничивается совершением похоронных церемоний и чтением литургии над умершим.

«Доходы многих храмов в больших городах от похорон, литургий и денежных пожертвований поломников довольно значительны. Мне рассказывал один известный буддийский критик, что старшие священники больших храмов имеют крупные сбережения. Положение старшего священника в некоторых храмах настолько выгодно, что должность эта часто продается за 50 тыс. иен. Правда, светскую жизнь священников в общем стало трудно поддерживать обычным церковным доходом. Положение по сравнению с прошлым изменилось, и большинство священников слишком стало занято мыслями о еде, питье и одежде. Большинство буддийских храмов в городах и деревенских районах связало свою судьбу с различными суевериями, в связи с которыми народ устраивает целые паломничества к ним. Эти суеверия представляют собой большой источник дохода для храма. Большинство священников поддерживают эти суеверия или смотрят на них сквозь пальцы и делают то, во что верит народ, покуда деньги сыпятся в руки сборщика перед алтарем. Во многих храмах эти суеверия являются главным источником дохода, и поскольку священники этих храмов чаще всего бедны, им приходится даже насаждать эти суеверия. Некоторые реформаторы настаивают на том, чтобы храмы были объединены в компании подобно деловым предприятиям для совершения погребальных церемоний. Совершение похоронных и других богослужений часто проводится священниками по-деловому. В особенности это относится к деревенским районам.

«Недавно несколько братьев и сестер отправились в свой родной город, чтобы отметить первую годовщину смерти их отца в том доме, где он родился и умер. Священник в назначенное время не явился. Посланный за ним человек в храме его не нашел. Его жена, со свертком в руках, отправилась к одному из соседних домов, чтобы напомнить мужу об его обязанности. Он был занят игрой в «го» в доме приятеля. Через полчаса он явился в дом, где должен был выполнить соответствующие церемонии. Он надел свое священническое одеяние, принесенное им в свертке, и в течение получаса читал Сутры. После этого был сервирован обед, и ему передали деньги, завернутые в белую бумагу. Выпив три бутылки вина, он весело укатил на велосипеде со свертком, в котором находилось его священническое одеяние.

«Большинство священников предаются пьянству, и все они могут в любом месте появляться в мирском платье. Перед священником теперь предстала новая перспектива и новый ряд соблазнов. Финансовые затруднения церкви являются удобным оправданием для его подчинения миру соблазнов, перед которым он стоит. Здесь следует сказать, что денежная подкупность буддийских священников является причиной духовной и физической

пустоты их храмов. Реформатор убежден, что праздная жизнь священников в полумраке храмов совершенно безнадежна. Он конечно вовсе не желает, чтобы подкупные священники немедленно погибли бесславной смертью, но он находит утешение в мысли, что они не могут жить вечно. Буддийские священники и преподаватели первоначальных школ считаются наиболее невежественной частью населения».

Из приведенного выше отрывка можно усмотреть, насколько тяжелым бременем стало духовенство для бедного люда. Следует помнить, что население суеверно и что оно готово собрать любой ценой пожертвования для храма. В деревенских районах в настоящее время крестьянин едва ли в состоянии платить ренту, но священник придет и безжалостно потребует своей десятины. Я посетил в течение последних нескольких лет тысячи японских крестьянских хозяйств и видел всюду одну и ту же картину запустения. Старуха-жена сидит, скорчившись, на грязной цыновке, надеясь на лучшие дни, когда она сможет купить новую, когда можно будет сэкономить для этого одну или две иены, но прежде всего нужно накормить, напоить и одеть священника. Уже прошли годы с тех пор, как ее муж в последний раз пробовал вкус сакэ (водки). Все тело ее ноет от работы в поле и дома. Она садится за ужин. На ужин нет того мелкого белого риса, который посеял ее муж; этот рис слишком хорош и пошел священнику или земледельцу в уплату ренты. Пища крестьянина состоит из импортированного риса «сайгона», или «сингапура», более дешевого и менее питательного. Крестьянка кладет в пищу маринованную сливу, которой она должна питаться несколько дней; по крайней мере слива придает какой-то запах бесвкусной каше. После принятия пищи она идет к «хибачи» (угольной жаровне) и прижигает концы своих кровоточащих пальцев, чтобы дезинфицировать их: священник сказал, что так безопаснее. После этого она идет к мешку в углу, чтобы приготовить на завтрак рис для священника. Она смотрит на маленькую девочку в углу комнаты; она должна поститься весь этот год; в этом году ее очередь. В прошлом году очередь пала на ее отца, а в этом году на нее. Церковь не должна нуждаться. Вскоре будет «годовое собрание» душ и что-нибудь придется сделать для достопочтенного бонзы (священника), что-нибудь особенно хорошее, какие-нибудь особенно вкусные печения. Если они не смогут этого сделать, соседи будут зубоскалить. Во что бы то ни стало для священника должно быть что-нибудь приготовлено. Она смотрит на своего мужа. Он подходит к свертку и вынимает оттуда бумажную иену, спрятанную от землевладельца, и осторожно расправляет ее морщинки. Он разогревает утюг и разглаживает бумажку. Священник может быть оскорблен помятой бумажкой. После того они моются и моют детей.

Застенчиво они присоединяются к группе молящихся и усаживаются на полу. Священник говорит; он рассказывает им величайшую новость этого дня, новость о том, что их приятель

принес ему какие-то особенные сладости... Они удивляются, как и где он мог достать эти сладости. Священник собирает их приношения и одно за другим прячет их позади себя. Он съедает принесенные ему лакомства и остатки прячет в свой глубокий рукав. После этого он снова обращается к ним с речью, рассказывая им о славе Дай Ниппон, о том, как должны они быть горды званием граждан Дай Ниппон. Он говорит об их богах — богах шинтоистских, не буддийских. В конце он снова напоминает о праздновании годовщины основателя этого храма и других храмов, о верховном жреце, о необходимости дать своему сыну образование — все это требует денег, напоминает он. Он незаметно приводит их к выводу, что пожертвования в этом году не так щедры, как в прошлом... Он говорит о том, что храм нуждается в ремонте, крестьяне должны еще раз попытаться отказать себе еще в чем-нибудь, но не доводить своего священника до нужды. Слова льются безостановочно, по мере того как он затрагивает все более близкие ему темы. Он говорит им об «О Бон» — возвращении душ; о «Шо-гатсу» — новом годе; о ежегодном «Хо-Он-Ко» — жертвоприношении рисом для Будды; о первой пшенице, о первой «дайкон» (репе), о церковных доходах, об «О-Фузе» — деньгах, которые должны быть принесены в белой бумаге; о «Но-Э» — ежемесячном приношении денег, масла, риса; об «Экобукуро» — о любом добровольном приношении, когда имя приносящего заносится на деревянную таблицу для всеобщего ознакомления. Все влечет за собой приношение; наконец народ отпускают на волю. Общий мотив: священник не должен нуждаться.

Я закончу упоминанием о буддийской секте ничирен, о которой говорят как о самой суровой и строгой из всех. Ее главный храм находится в Чибе, недалеко от Токио. В течение многих лет н был закрыт для публики, его священники вели самый замкнутый образ жизни, и его территория была приютом для больных женщин. Психически больные женщины присылались сюда со всей Японии. и члены секты ничирен ухаживали за ними. Злоупотребления, которые здесь совершались, чрезвычайно многочисленны. Нежеланные жены объявлялись психически больными и присылались в заточение к жрецам. Жрецы получали за это хорошие деньги. Однако зло этим не кончалось. В 1928 г. «Осака Асахи» напечатала разоблачения об этом храме, но полиция немедленно запретила перевод этого документа. В нем был разоблачен разврат, царивший среди священнослужителей. Документ сообщал о таких сексуальных оргиях, рядом с которыми бледнеют рассказы о временах падения Рима. С обитательницами священного приюта священники обращались так, что этого не может себе вообразить даже самый развращенный западный ум. Нагих женщин заковывали в цепи в самом храме, и священники обращались с ними, как чудовищные садисты. Насилие, сексуальные извращения и унижения — это только некоторые из гнусных деяний, которые там совершались. Разложение самого отвратительного характера,

поступки, описывать которые невозможно, были повседневными происшествиями в этом святом месте. Во время налета полиции на этот храм в темных углах были найдены искалеченные помешанные женщины, в то время как их «охранители» были застигнуты за азартной игрой на бумажные деньги, обагренные кровью. Монахи испражнялись на группы беспомощных женщин, из которых многие были мертвы, некоторые уже долгое время, и тела их разлагались.

Обращаясь к христианским миссионерам, я говорю: таких людей не стоит спасать: они неисправимы. Миссионеры в Японии делают то же самое, что делают представители прессы: они строят себе маленькую Англию или маленькую Францию в Японии и ничего не знают о народе. Они и не представляют себе всего невежества и суеверия народа и надеятся быстро сделать прозелита из человека, который не способен к быстрому восприятию мыслей другого. Мне хочется сказать им: «Горе тому, кто учит людей быстрее, чем они думают». Мне хочется им напомнить, что вряд ли даже один из десяти новообращенных японцев искренен, что «японец никогда не станет настолько предателем, настолько не забудет свои обязанности, чтобы смотреть на иностранца как на высший авторитет». Я прошу их просмотреть японские учебники, одобренные министерством просвещения; они найдут там для себя много интересного, вроде следующего например изречения: «Англиканская церковь является продуктом похотливого и жестокого ума короля Генриха VIII». Склад ума японцев отличается от нашего; полезно напомнить миссионерам, что для японцев наша библия представляет собой одну из наиболее нечистых книг, которые были когда-либо написаны, и что самое главное для японцев заключается в том, чтобы «бонза» ни в чем не нуждался.

ГЛАВА VII

ПРОСВЕЩЕНИЕ

САНТАРО когда-то спросил: «Кто велик в Японии? Что такое великий человек? Я думаю, что японское понятие о величии, если сказать с английской откровенностью, заставит среднего западного человека недоверчиво изумиться». Понятие «великий человек» несколько неопределенно, но я под ним подразумеваю тех, кто пользуется в какой-либо области деятельности доверием народа или по крайней мере значительной части его. В политическом мире Англии Болдуин, Гендерсон, Ленсбэри, Ллойд Джордж, Макдональд, Макстон, виконт Сноуден и Джим Томас, все — каждый в своем роде — являются великими людьми (я спешу оговориться, что имена названы мною в строго алфавитном порядке). Каждый из этих господ имеет своих поклонников. Каждый из них обладает определенными способностями, знанием людей и твердым убеждением в правильности своих взглядов. В Японии, если мы возьмем соответствующий перечень выдающихся имен, мы убедимся в невозможности различить их по степени их бездарности. Каждый из них пуст до слабоумия, неспособен до нелепости, обнаруживает полное невежество в существенных вопросах, исключительную неотзывчивость к человеческим чувствам и полное непонимание смысла точных наук.

Сочетание величин с абсурдной бестолковостью в глубинах каждого японского ума является наследием шогуната; просвещение в современной Японии ведет к тому, что это сочетание становится все более частым и что воспитываются скорее люди грубо невежественные, чем культурные. По недосмотру редактор пропустил на страницах «Майничи» нижеследующую статью, причем самый факт ее появления является примером некомпетентности. С японской точки зрения эта статья должна была пройти жестокую цензуру или быть вовсе забракованной, и тем не менее она прошла незаметно для ответственных сотрудников газеты. Заголовок статьи гласил: «Просвещение в Японии — пустая фраза». Статья утверждала: «Падение ценности серебряного доллара сделало невозможным для многих китайских студентов продол-

жать свое образование в Японии. Они должны найти большое утешение в том факте, что образование, полученное в японском колледже или университете, не может подготовить их к будущей карьере и даже может оказаться преградою для нее. Во всех японских школах главное внимание фиксируется на полнейшей преданности микадо, и студенты обязаны поклоняться ему как представителю бога. Японские университеты не могут предложить миру ничего нового. Ни один курс по искусству и наукам не дает ничего оригинального и является лишь подражанием Западу. В то же время японские преподаватели переводят европейские и американские труды, выдавая их за японские. В японском образовании нет ничего оригинального. Для китайских студентов нет никакого смысла ехать в Японию разве только, чтобы познакомиться со страной».

Этот отрывок был написан неким варваром-профессором и представляет собою мнение любого иностранца, который занимался в Японии преподаванием; любого из тех, с кем я имел возможность поделиться своими выводами. Каждый добросовестный преподаватель японской школы должен обладать большим моральным мужеством, чтобы продолжать честно работать на бесплодной почве умов японской молодежи. Что касается изучения английского языка, то профессор Гарольд Е. Пальмер, советник по языковедению при министре просвещения, замечает, что «в Японии преподавание языков потерпело крушение. Таков фактически вывод всех тех, кто знаком с этим делом». О японских преподавателях английского языка профессор Пальмер говорит, что обычно они проводят время в расшифровке непонятных философских произведений, обучая слушателей идиомам, которые употребляет средний говорящий по-английски человек не более двух раз в год, а сами не употребляют более пятидесяти английских слов в течение урока. В результате экзаменов по переводу с английского на японский и с японского на английский язык в четвертом классе группы А средней школы оказалось, что из нескольких сотен подвергавшихся экзамену только шесть учеников получили более или менее удовлетворительные оценки. Количество не выдержавших экзамена было поражающе велико, и тем не менее в «Бюллетене Исследовательского института по обучению английскому языку» было отмечено: «Бесполезно игнорировать тот факт, что экзамены в Японии систематически и бесчестно подтасовываются, для того чтобы пропустить возможно больше учащихся».

Характер комедии носит не только преподавние языков или гуманитарных наук. Во всех областях японского образования мы наблюдаем ту же картину. Приведем отчаянный вопль о помощи со стороны оскорбленного профессора, также помещенный в «Бюллетене». Я сам часто бывал в состоянии, когда в отчаянии готов был бросить все, и глубоко сочувствую этому несчастному, когда он говорит: «Я был бы бесконечно благодарен любому из

ваших читателей, который осветил бы вопрос о программе преподавания для студентов третьего года Кото Гако (высшая школа). Большинство из них не знают, чего они хотят. Один хочет знать ваши взгляды на Бернарда Шоу, другой хочет познакомиться с «английскими традициями», третий жаждет изучить «социальные проблемы» и т. д. Затруднения еще осложняются тем, что имеешь дело с людьми такого склада ума, которые убеждены, что Чарли Чаплин—величайший герой (если не считать японских) XX века». Может быть здесь необходимо объяснить, что возраст студентов, о которых идет речь, колеблется от восемнадцати лет и выше, и подчеркнуть, что их мнения о Чаплине основаны просто на восхищении и являются результатом отрицательных рассуждений нелогичного по природе японского ума, после того как японцы видели Чаплина в кино.

Как я уже сказал, эти чудеса невежества не ограничиваются одним только английским языком, но распространяются на всю систему образования.

Во время выборов в парламент часто привлекаются временные писцы для составления плакатов и памфлетов. Слова «кандидат в палату представителей» переводятся как «Шуджин джиин кохоша», и я видел, как для слога «шу» был употреблен иероглиф того же произношения, но имеющий значение «слон». Это случалось сотни раз. На другом плакате вы с изумлением увидите иероглиф слова «крыса». Широкая публика читает эти плакаты как приглашение избрать кандидатов в «палату слонов» или в «палату крыс». Во время экзаменов для призванных на военную службу слова «право» и «обязанность» были правильно написаны только в 28 случаях из 100. Торжественные слова «Великая японская империя» — «Дай Ниппон Тейкоку» были неправильно написаны в 46 случаях из 135, в то время как в 59 случаях из 119 призывники совсем не знали, как написать слово «Тейкоку».

Все вышеуказанные лица получили приличное образование. Составители плакатов были специально отобраны как наиболее способные и успевающие. Время, потраченное заурядным ребенком в средней школе, можно считать просто потраченным впустую. Большая часть времени тратится на то, чтобы привести в смущение учителей, и на то, чтобы строить различные каверзы им и своим же товарищам. Дисциплина почти отсутствует, а преподаватель имеет очень мало влияния на учеников. Трагическую картину описывает один юноша, который, будучи не в состоянии найти работу, понял всю бесполезность затраты времени на обучение в школе. «Под заголовком «Обезьяны в заточении» он пишет: «На протяжении всей моей жизни я не могу вспомнить о более глупо проведенном времени, чем то, которое я провел в токийской средней школе. Мы не имели ни малейшего уважения ни к одному из наших преподавателей. Наоборот, мы считали, что преподаватель гораздо более достоин презрения, чем самый тупой мальчик в школе. Обычно учителя кончали слезами, что

доставляло нам большое удовольствие. Однажды из школьного окна я видел, как упал военный аэроплан, и слышал, что летчик разбился, но я при этом ничего не почувствовал. Состояние моего ума было таково, что я не испытывал ни сочувствия, ни грусти. Один учитель бледнел от страха и гнева, выслушивая насмешки и издевательства, другой помешался и стал тихим забитым человеком, но не сдался до тех пор, пока мы не спустили его с лестницы, избивая его камнями, завернутыми в полотенце. Такова была наша первая инстинктивная и несознательная месть, направленная против извращенной системы образования, которая подавляла всякое наше желание и отнимала у нас свободу.

«В северном углу прилегающей к школе площади был большой пустырь. На этом маленьком участке каждая группа имела свой уголок.

«В нашем классе был один развитой мальчик, у которого были какие-то убеждения. Это было в то время, когда Япония посылала свои войска в Сибирь. Мальчик написал громовый протест в школьном журнале. Мы этого не поняли, мы усмотрели в этом только непризнание нашей национальной конституции. Среди нас, без того чтобы кто-нибудь высказал по этому поводу хоть одно слово, возникло желание наказать его. С бледными лицами мы окружили его. Гнев наш разгорелся, и мы вернулись в школу, терзаясь жаждой его крови. Мы обсудили вопрос, как нам его убить на следующий день во время обеденного перерыва.

«На него посыпались обычные, заранее подготовленные бранные слова и насмешки, но он стоял перед нами со спокойной и строгой улыбкой. Один из нас спросил: «И ты называешь себя японцем? Хотя мы этого не хотим, но мы вынуждены убить тебя, так что берегись». После этого началось страшное избиение многими одного или убийство,— назовите это, как хотите. На протяжении какого-то недолгого времени я все еще видел его улыбающееся лицо, мелькавшее под градом ударов. Но вскоре оно скрылось, залитое кровью, раздавленное и растоптанное под множеством тяжелых сапог. Вскоре это зверство кончилось так же неожиданно, как и началось. Кто-то вытащил кинжал, и учителя, которые до этого момента наблюдали молча, подбежали к месту драки.

«Мальчик, который таким образом чуть не был убит, был исключен из школы».

Живое описание обычного типа преподавателя средней школы, данное одним из учеников, может быть применено к огромному большинству преподавателей этого разряда. Профессора высших школ и университетов не менее невежественны, но, к счастью, более строги. Они пользуются теми же привилегиями, как чиновники и офицеры. Некоторых из них командируют за границу для «наблюдений». Выражение «наблюдения» употребляется правительством сознательно, так как ни один уважающий

себя японец не сознался бы, что целью его путешествия является необходимость поучиться у варваров. Количество командируемых увеличивается ежегодно и в 1928 г. превысило 600 чел. Они совершают свое путешествие с вполне естественной мыслью воспользоваться им как отдыхом и проводят свои дни и ночи самым разгульным образом. Дома их жизнь сера и однообразна. Те, кто обладает поверхностным знанием иностранного языка, и не подумают расширить свои познания сверх непосредственно необходимых слов.

Так как перевод иностранных книг требует продолжительной затраты времени, то когда они новы в Японии, они уже устарели по существу. Японский ум не может воспринять идиоматических метафор английского языка. Один преподаватель английского языка — японец, мой каллега, однажды в моем присутствии объяснил своей группе, что в переводе фраза: „he cannof teach French for nuts означает: «он так беден, что должен обучать французскому, получая орехами вместо денег»[1]. Если японцу удается получить командировку за границу, он почти неизменно проводит свое время с какой-нибудь проституткой. Его знакомство с Лондоном сведется к маленькому грязному ресторанчику, дешевому пансиону, поездке в метрополитене от Рессель сквера до площади Пикадилли, которую один мой коллега охарактеризовал как «место, где стоят все женщины», и к детальному и близкому ознакомлению с районом улиц Вордор и Лайль[2]. Перед возвращением он набирает целый сундук брошюр, объявлений и любого печатного материала. Расписание поездов и бланки для писем всегда составляют неотъемлемую часть его коллекции. Первым его шагом по возвращении домой является устройство лекции. Это самый торжественный момент его жизни. Он важно расхаживает на кафедре и рассказывает зевающим студентам все, что он знает об Англии. Главной темой его рассказа является аморальность этого народа — во всяком случае об этом он рассказывает на основании личного опыта. К счастью для Англии, наиболее часто посещаемой страной является Америка, вследствие чего в Японии сложилось мнение, что она населена народом, страдающим нимфоманией. Главная опасность этих профессорских путешествий заключается в том, что по возвращении домой они считаются экспертами по той стране, которой сделали честь своим посещением. Любое сообщение или факт, рассказанный мной об Англии, немедленно передается моему коллеге, прожившему в Лондоне один месяц. Если он не соглашается с чем-нибудь из сказанного мною, мне перестают верить. Каждый профессор носит с собой так, чтобы все видели, толстые книги. Длинные ногти служат признаком высокого образования. После заграничной коман-

[1] Приведенный английский идиом означает «он не может преподавать французского языка даже едва удовлетворительно» (ср. с русским идиомом: «ему досталось на орехи»). — *Прим. ред.*

[2] Район лондонской проституции. — *Прим. ред.*

дировки в руках профессоров появляются иностранные книги, названия которых просто изумляют; в течение долгого времени мой коллега хранил экземпляр расписания поездов Брэдшоу, выпуска 1913 г., и я видел переплетенный том детского журнала «Chumo», аккуратно носимый на сгибе профессорской руки, выставленный на показ всему миру.

Если мы признаем общее умственное развитие японцев низким, то у нас нет однако никакого сомнения в том, что сложность китайских иероглифов до некоторой степени объясняет слабую грамотность народа в том смысле, что иероглифы не стимулируют мышления и способности рассуждать. Японское образование стремится развить в учениках скорее память, чем самостоятельную мысль, и от начальных школ до университета преподаватели и профессора повторяют заученные слова, как граммофоны.

Один европейский доктор медицины, долго проживший в Японии, высказал мнение, что «китайские письмена представляют собой устарелый способ учиться и мыслить. Они препятствуют первому и превращают второе в шаблон; они напрягают и искажают молодые умы, набивая их изучением иероглифов, столь несвязанных с изображаемыми ими понятиями. Многое можно было бы об этом сказать, но достаточным осуждением будет признание, что эта система образования вызывает необходимость огромной потери времени и труда в самый критический период человеческой жизни. Нельзя отрицать, что долгие ученические годы при условиях, которые вызывают заботу, уныние и неврастению, должны способствовать распространению туберкулеза и высокой смертности. Трудная письменность определенно объясняет тот факт, что ученические годы японца могут затянуться до тридцатипятилетнего возраста, но не объясняет полностью причин поразительного невежества, обнаруживающегося постоянно на экзаменах. Я читал тысячи сочинений японских студентов, присутствуя на их экзаменах, и из года в год я оказывался не в состоянии определить, о чем идет речь: о стране или о болезни, об автомобиле или о животном. Они не в состоянии описать даже кимоно, которое носят, без того чтобы не пересмотреть толстые томы огромной научности. Это относится в одинаковой степени к студентам и к отечественным преподавателям.

Одна только вещь фиксирована с некоторой определенностью в уме каждого студента, кончающего школу или университет. Я говорю конечно о шинто. Студента пичкали патриотической пропагандой всю его жизнь, и к моменту окончания школы он уже стал фанатиком. Все это, вместе с обрывками сведений о других странах, и ложью, рассказанной ему профессорами, делает из него ту угрозу, которую он сегодня представляет. Примите также во внимание его невежество в элементарных вопросах, вы увидите, что он равноценен опаснейшему безумцу. Я уже говорил, что японцы с целью ознакомления наиболее часто по-

сещают Америку. Англия также является страной, на которой японские лекторы концентрируют свое внимание. С кроткой улыбкой японский лектор объясняет восхищенной аудитории качества своей страны. Он говорит о недоразумениях между Японией и Америкой, которые, как выражается граф Соешима, «являются следствием некомпетентности контрразведки, созданной со специальной целью рассеять недоразумения с иностранными государствами». Естественно, что аудитория не знала того факта, что граф сам является чиновником контрразведки, о которой он говорил. Он уснащает свою лекцию такими общими местами, как заявления о том, что «война иногда вызывается неразумными случайностями»... Он насмешливо отбрасывает в сторону манчжурский вопрос и, пожимая плечами, говорит о том, что «мои соотечественники склонны придавать большое значение «особому положению» или «особым интересам» в Китае и особенно в Манчжурии и Монголии, но интересы на бумаге имеют мало смысла, если они не поддерживаются реальной силой». Другой джентльмен имел нахальство довести до сведения Соединенных штатов, что Великобритания и Франция заинтересованы в возникновении войны между Америкой и Японией, но, добавил он с улыбкой, «конечно это было с их стороны большой ошибкой».

Теперь вернемся в Японию и почитаем, что эти самые лекторы говорят, когда они возвращаются домой. «В некоторых частях Соединенных штатов люди не лучше диких животных, их мысли низки и вульгарны, и перед своими соотечественниками я должен выставить Америку как плохой образец для народов Азии». Эти слова появились меньше чем три года назад в «Осака Майничи», имеющей ежедневный тираж в 1 миллион экземпляров и издающей специальный выпуск на английском языке исключительно для иностранных читателей. Дальше статья говорит: «Американцы злопамятны, как змеи и гадюки. Мы считаем правительство Соединенных штатов мошенническим. Мы не остановимся перед тем, чтобы назвать его состоящим из намеренных лжецов». Г-н Кавашима, писатель по военно-морским вопросам, состоящий в близких отношениях с закулисными властями, заявляет: «Соединенные штаты являются злым духом, угрожающим существованию Японии, которая вынуждена в настоящий момент померяться с ними силой. Война с Соединенными штатами является абсолютной необходимостью, и японо-американское столкновение предписано небом». Профессор Мураи, проживший некоторое время в Америке, где он был прекрасно принят, писал по поводу своего визита в журнале для профессоров и студентов «Эйго Сейнен». Он заявил, что «вся образованная молодежь — мужчины и женщины (Америки) — состоит из дегенератов и развращена. Трудно найти среди молодых девушек такую, которая не носила бы в своей сумочке набора противозачаточных средств». Некоторое время спустя он поместил в этом же журнале еще одну статью, в которой говорит: «В письме, написанном мною в

прошлом году «О моих американских впечатлениях», я заявил, что в Америке нельзя найти ни одной девственницы. После моего теперешнего посещения я имею основания подтвердить, что то, что я тогда говорил, не было преувеличением... В Стэнфордском университете существовало правило, что ворота запирались в 1 час ночи, но студенты восстали против этого правила, и в результате университет вынужден был уступить студентам и оставить ворота открытыми, так как студенты подобны совам...».

Возможно, что эти необычайные утверждения относительно безнравственности других народов могли бы быть приняты, если бы Япония сама отличалась особой нравственностью, но дело обстоит совсем не так. Вопросу о японской проституции мною уделена отдельная глава; однако здесь следует упомянуть, что этот самый профессор Мураи имеет возможность купить свою соотечественницу в качестве пожизненной наложницы за сумму в десять иен, или один фунт стерлингов. Слишком много японских пропагандистов посетили Соединенные штаты, для того чтобы я мог дать полный их перечень, но я не могу обойти упоминанием г. Цуруми. Он, по моему мнению, является самым крупным и самым умелым японским пропагандистом, не исключая даже г. Каваками, хотя последний более известен благодаря своим произведениям. Цуруми хорошо говорит по-английски и много путешествует, хоть и не обладает для этого собственными средствами. Он распространял слухи по всей Японии, что не согласен с агрессивной политикой генерала Танаки в Китае. Он добился избрания в парламент, организовав независимую партию. Ныне он очень популярен как представитель интересов подданных его императорского величества. Он имеет доступ в некоторые семьи в Соединенных штатах и пользуется в этой стране репутацией лектора по японским вопросам. Он читал лекции в Чикагском университете. В одной из них на вопрос: «Что Япония думает об Америке?», он заявил: «Мы знаем, что вы думаете о нас, потому что мы знаем ваш язык, в то время как очень мало американцев знают достаточно хорошо японский язык, чтобы понимать, что мы думаем, говорим и пишем о вас. (Здесь я бы сказал: и слава богу.) Это неравенство знаний является причиной многих недоразумений и подозрений». В том самом году, когда г. Цуруми огласил это достойное произведение риторики, он имел несчастье вызвать небольшое недоразумение с своей собственной полицией «и должен был предстать перед Осакским окружным судом в связи с обвинением его в соучастии г. Шима (богатому гражданину, находившемуся в то время в тюрьме) в попытке привлечь партию Мейсейкай к поддержке правительства Танаки. Предполагают, что г. Цуруми предстанет на очной ставке со своим младшим братом, г. Садао Цуруми, находящимся в настоящее время в тюрьме. Г-н Цуруми старший получил от г. Иошиа Эйба чек на 100 тыс. иен, которые были переданы г. Эйбу г. Шима. Г-н Цуруми, опасаясь возможных последствий, просил своего брата сопровождать

г. Эйба в токийское отделение Корейского банка для инкассирования чека».

Я неоднократно упоминал о японской системе шпионажа. Недавно одна знакомая дама посетила полицейский участок, на черной доске по обыкновению мелом были написаны текущие распоряжения. Главный параграф гласил «Караберу Форбс», причем слово «караберу» означает: «тщательно следи, следуй за каждым движением и наблюдай». Г-н Форбс — посол Соединенных штатов в Японии.

В Японии имеется «Японское общество», главной заботой которого является ведение пропаганды. Один американский гражданин пишет в «Кроникл» о своей встрече с этими поклонниками Японии:

«Я видел Гриффитса и Каваками, а также Линдсея Ресселя на обеде в «Японском обществе». Мацудайра и Цуруми уверили 1 100 присутствующих в том, что Япония в китайском вопросе преследует самые филантропические и альтруистические цели и что обвинение Японии в позитивной политике совершенно несправедливо и неправильно. (Это было написано пять лет назад.) Председатель общества Александр Тисон повторил старую точку зрения Линдсея Ресселя, что Японии как наиболее добрососедской из всех стран можно вполне доверить заботу о несчастном заблуждающемся Китае. Мы обедали под длинными флагами, украшенными знаками императорского дома, и все кругом было очаровательно. Непостижимо, как ухитряется «Японское общество» при годовом взносе в пять долларов устраивать такие обеды, раздавать бесплатно экземпляры новой книги Цуруми о японской политике, книги Леду «О японском искусстве», Мориса Голланда «Обследование экономического положения Японии», производить бесплатную подписку на ньюйоркский журнал «Япония» и ежемесячный бюллетень. Я желал бы быть таким бережливым в своих собственных делах... На обеде были также Бронсон Ри вместе с Ламонтом (от Моргана и К°), Эптон Клозом, Адачи и всеми остальными боевыми представителями международных дружеских взаимоотношений».

Г-н Бруно Шварц, другой американец, не запутанный японцами, дал чрезвычайно дельный набросок о своем соотечественнике, Джордже Бронсоне Ри, который издает журнал «Фар Истерн ревью». Он назвал свой набросок: «О том, как Джордж Великий у воров дубинку украл» и пишет следующее: «Теперь я расскажу вам один секрет. Я прожил в этой стране девять лет и сегодня впервые увидел экземпляр литературных упражнений Джорджа. Когда я ознакомился со всеми приятными сведениями о наших младших братьях-японцах, посмотрел на все прекрасные портреты великих японских баронов и генералов, прочитал все прекрасные истории, написанные лучшими экспертами японской пропаганды, помещенные в этой книжке, я сказал себе, что здесь что-нибудь да есть, — Джордж совсем непохож на того шведского

фермера, который заплатил сто долларов железной дороге за то, что его корова набежала на поезд. О нет, сэр, честное слово (by Georg). Здесь будет небезынтересно отметить, что «Джордж» занимает высокое положение в «Манчжоу Го».

К сожалению имеется слишком много людей, готовых верить всему, что им говорят. Некий г. Франсис Бушман поместил большую статью в «Туристе». Из этой статьи вы выносите впечатление, что г. Бушман во всемирном признании занимает второе место после бога, спорным является только вопрос о том, кто из них больше известен. «Кроникл» называет Бушмана «идеальным туристом», и так как никто не знает всего, то следовательно нет никаких оснований стыдиться своего невежества в таких вещах, которые многим известны. Это соображение удерживает нас от того, чтобы мы впали в уныние по поводу того, что нам незнакомо имя г. Франсиса Бушмана. Его собственное похвальное слово начинается с информирования читателей о том, что он известен в «самых отдаленных местах». «Мой гид, — говорит он, — познакомил меня со многими местами, которых никогда не посещали туристы. Этого лучшего гида в Японии предназначают для приезжающих знаменитостей. Он признался мне, что проведенные со мною три недели являются самыми интересными во всей его тридцатилетней карьере, потому что меня всюду узнавали и всюду обо мне говорили». Он делает бесчисленное множество поразительных выводов, вроде: «их отношение к полам и степень их нравственности резко отличается от наших»; или «у японцев большие семьи и они не знают разводов»; или «кругом нас стоял веселый топот деревянной обуви, который мне чрезвычайно нравится». Его последний взрыв чувств, сопровождающийся, я уверен, слезами, гласит: «Здесь нет такой вещи, как толкотня, сборище, теснота; не слышно поднятых в гневе голосов; нет вовсе нищих». Для пользы м-ра Бушмана я позволю себе процитировать д-ра Нитобе по этому вопросу. Он говорит следующее: «Во всех моих путешествиях вокруг света — на север и на юг, на восток и на запад — нигде я не видел такого умения держать себя, как в Японии. Это неприятное заключение относится не к иностранцам, а к нашему собственному народу, не к женщинам, а к мужчинам, не к крестьянам и рабочим, но к тем, кто считает себя джентльменами». Другой японец замечает: «Я не встречал такого неучтивого народа, как японцы, во всем мире, включая Африку и Австралию, где живут еще не затронутые цивилизацией народы». Г-н Каяхара считает, что «беспорядочный этикет, неестественный и врожденно лицемерный, является символом того духа, который приводит к фальши во всей системе нашей страны». Что касается г. Франсиса Бушмана, то для меня является тайной, как подобные люди в своем восхищении ухитряются воспринять так много вещей совершенно неправильно. Каждый год бывают в Японии тысячи людей, которые отдают себя в руки местных гидов, разъезжают по всей стране со своими фотографическими ап-

паратами и дневниками, весело машут руками «смешному маленькому народу», который в свою очередь удовлетворенно смотрит на этих странных варваров и смеется над их выходками. Иногда я перестаю удивляться, что японцы называют их «сару», что означает «обезьяны». Каждый раз, когда я вижу такую группу людей, собирающих впечатления, я с грустью вспоминаю марктвеновских «простаков за границей».

ГЛАВА VIII

ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНИИ

1. Девушки, жены и матери

«Влекомая могучей силой,
Влачу я жалкую судьбу
И на пути моем постылом
Следов моих не обрету».

Я ПРЕДПОСЛАЛ этой главе четыре строки японской поэмы потому, что они не только выражают печальную судьбу японской женщины, но и всю тайну ее существа. На взгляд быть может несколько старомодный она представляется как живой дух женственности, существующий только для семьи, как та опора, на которой держится весь домашний очаг, как предмет оскорблений мужа с его верховной властью распоряжаться ею и его привилегией навязывать ей свою волю. Она — та скала, на которой построена Япония; но сама она остается на заднем плане, у нее нет желания власти; исполненная решимости нести свой жребий, она вынашивает сыновей для империи. У нее мы встречаем сознание долга, чувство материнства и готовность жертвы; эти чувства в большей мере способствовали укреплению Британской империи, нежели все спортивные стадионы. Женщина Японии — это поэма, но история ее жизни похожа на надгробную песню.

Лефкадио Херн неоднократно пытался определить сущность японской женщины. В своем последнем наиболее критическом произведении «Япония, попытка истолкования страны» он частично разрешил эту проблему, заявив, что «японская женщина так отлична от мужчины, что производит впечатление существа другой расы». Один очень смелый автор присоединился к этому мнению и заявил, что «почти все иностранцы наблюдают контраст между нашими мужчинами и женщинами и приходят к выводу, что Херн был прав. Мужчины обыкновенно неряшливы, у них жестокое выражение лица, их манеры грубы, их речь необуздана и их поведение в обществе непристойно. Женщины скромны и рассудительны, в своей частной жизни они гораздо более сдержанны и целомудренны. Если принять наших мужчин с их скрытой вульгарностью и бесстыдными манерами за обычный тип че-

ловека, то о наших женщинах надо сказать, что они ангелы». Таково мнение автора-японца. Здесь уместно привести мнение знаменитого и наблюдательного иностранца, графа Кейзерлинга. Граф Кейзерлинг был, как впрочем почти все иностранцы, в восхищении от утонченности японской женщины. У него не было необходимости или возможности долго наблюдать японок, чтобы составить себе лестное представление об их очаровании. И все же картина, которую он рисует, не слишком преувеличена и неприкрашена. Он заявляет: «Доставляет наслаждение встретить женщину, не претендующую быть больше того, что она есть на самом деле, не рисующуюся, скромную, с очень нежным сердцем. Совершенство японской женщины есть прямое следствие того положения в жизни, которое она занимала в течение веков; что бы мы ни возражали против этого положения — именно оно создало японскую женщину такой, как она есть». Несравненно правильнее кого бы то ни было понял душу японской женщины д-р Нитобе, который по своему душевному складу способен постигнуть внутренний мир женщины и все тонкости и оттенки ее мыслей. Он пишет, что японская женщина представляет собой «проблему для мира, проблему для своей страны и проблему для себя самой». Он заявляет, что все ее существо поглощено супружеской жизнью и детьми. «Вся ее жизнь есть одно бесконечное самопожертвование; это — добровольная смерть».

Мы имеем следовательно три указания, позволяющие нам попытаться разобраться в этом шествии миллионов японских женщин, про которых можно сказать, что могучей силой «влекомые, изнемогая, бредут они спотыкаясь по пути своему». Перед нами панорама света и тьмы, слез и тихой скорби. Панорама умирающих заживо женщин не имеет ничего равного себе еще где-либо в мире. Она раскрывает перед нами нравственную добродетель и порок, где первая светит наподобие звезды сквозь ту мрачную тучу, которую представляет собой жизнь женщины в Японии.

Японская женщина развила в себе указанные качества вопреки тем силам, которые стремятся ожесточить, сломать и убить ее больше, нежели воспитать. В Японии женщину не оберегают и не развивают в ней женственность. Наоборот, женщины поставлены в такое положение, в такие условия, что они скорее должны были бы огрубеть и ожесточиться. В общественной жизни женщин отталкивают и отстраняют более сильные мужчины, и они предоставлены самим себе в своей борьбе против жестоких самодовольных мужчин. В школе девочки обучаются отдельно от мальчиков, и там им прививают искусство послушания и самопожертвования. В то время как женщина несет суровое наказание за измену, измена не считается преступлением, когда речь идет о мужчине. Подобно тому, как мужчина и женщина кажутся принадлежащими к различным расам, их общественное положение так же различно, как если бы они принадлежали к различным национальностям.

С 1854 г., когда Япония была открыта Соединенными штатами, японская женщина стала своего рода козлом отпущения ради морального блага всей нации. В этом виноваты японские законы. Закон совершал и совершает до сих пор ежедневно и ежечасно преступление против лучшей части населения островов Ямато, против женщин, от которых государство ожидает будущих поколений детей богов. «Если бы женщины могли управлять этой страной, это была бы счастливая земля» — вот замечание, которое мне приходилось слышать иногда в клубах и на собраниях. И действительно вряд ли найдется хоть один иностранец во всей Японии, который не выражал бы таких чувств. Женщины более гуманны во всех отношениях. Психологическое различие между ними и мужчинами отражается даже в языке. Выражения, которые употребляют женщины, часто не похожи на те, которые употребляют мужчины, даже тогда, когда они говорят об одном и том же. Как будто внутренняя мягкость японки ищет себе выхода и придает содержанию и тону речи отпечаток женственности. У европейской женщины один и тот же вопрос одинаково звучал бы и в обращении просто к мужчине и в обращении к королю, японка же употребила бы два различных выражения. Своему собственному ребенку она сказала бы «назару» или даже «суру», но она редко обратится к мужу с таким же словом. Свою маленькую дочку она спросит: «Ику кай?» (идешь ли ты), но, обращаясь к своему маленькому сыну, она вероятно употребит более вежливую форму того же глагола: «Ирашаймазу кай», воздав ему больше уважения, как это подабает его полу. Японец, говоря о луне, скажет просто «цуки», но жена его, говоря о ней же, вероятно, скажет «о цуки сама» или «достопочтенная госпожа луна». Все это лишь примеры психологии японской женщины, отражающейся в каждом движении ее жизни. Таким образом женственность ее отражается не только в лице, формах, тоне и движениях, но и в употребляемых ею выражениях и тембре голоса. На Западе мужчина бесконечно ближе к женскому миру. В Японии эта близость скорее исключение, чем правило; муж уходит развлекаться один или в обществе мужчин; женщина же сидит всегда дома, она есть собственность, которой владеют, предмет, который должен быть всегда на своем месте.

Когда японка приезжает в Европу, разница между ее манерой держать себя и нашими женщинами стирается, но когда она возвращается обратно в Японию, она снова занимает свое положение подчиненной в семье. Женщине Ниппона приходится редко видеть лестную для нее картину того, как мужчина с поклоном открывает женщине дверь комнаты или дома. Именно она, а не он, должна делать такого рода услуги. Она и думать не смеет итти впереди своего господина: ее место позади него, и ее обязанность следовать за ним. Сотни лет развили в ней привычку к послушанию и к покорному и безоговорочному подчинению

мужчине, в руках которого находится попечение о ее судьбе. Говорить о ее неиссякаемой доброте — это то же самое, что утверждать, что солнце греет. В течение пятнадцати лет я жил среди них, и свыше четырнадцати лет я имел счастье жить с женой-японкой. Опыт близкого знакомства с различными типами японской женщины не повлиял на мои выводы. Я не могу сказать, что средняя японская женщина блистает своими умственными способностями; такое впечатление было бы неправильно. Она не блистает ими по той причине, что ей этого не позволяют. В тех редких случаях, когда ум ее освобожден от внешних оков, можно лишь удивляться глубине ее понимания. Это выявляется на испытаниях, устраиваемых для мужчин и женщин как государственными органами, так и крупными коммерческими организациями в поисках выдающихся по своим способностям лиц. Эти испытания показывают, что по своему душевному складу в основном и самом главном японка стоит значительно выше, чем мужчина-японец.

2. *Женщина у домашнего очага*

Самые главные обязанности жены в том слое японского общества, который можно назвать рафинированным, заключаются, во-первых, в уходе за мужем, во-вторых, в уходе за детьми; в-третьих, в уходе за домом; в-четвертых, в изучении реи; в-пятых, в изучении искусства, называемого «церемонией цветов»; в-шестых, в знании функционального ритуала, называемого «церемонией чая». Последнее не является всеобщим требованием и распространено главным образом в таких семьях, которые имеют репутацию «высоко интеллигентных». В этом перечислении женских обязанностей и способностей первая несомненно является самой важной. Забота о муже — вот главная обязанность замужней женщины. Если она не будет исполнять ее самым тщательным образом, властелин дома немедленно обратит на это внимание. Ни один муж в мире не требует вероятно столько ухода и внимания от своей жены, как японец. Знакомство с западной цивилизацией не отразилось на требовательности японца в этом отношении, присущей ему от раннего юношества до самой старости. Когда муж дома, обычны частые оклики жены и постоянное хлопанье в ладоши. Он не унизится до того, чтобы протянуть руку и взять что-нибудь самому, даже если тот или иной предмет и находится рядом с ним. Он неспособен на это, и его ум неспособен ни понять разумность этого, ни считать возможным такой случай. Такое понимание своих домашних обязанностей свойственно всем мужчинам, независимо от класса, к которому они принадлежат; но если бы женщина позволила себе хотя бы ничтожную часть таких претензий, на нее очень скоро посмотрели бы, как на сумасшедшую.

Японская женщина проявляет свои эмоции только по отношению к детям. Ее любовь к своему ребенку почти граничит с

верой или религиозным культом. Это есть единственная возможность проявить свои естественные, поневоле скрываемые чувства. Ее муж редко просит и редко думает о таком чувстве любви, как мы его понимаем на Западе. В японском языке не имеется ни одного выражения, обозначающего такую любовь. В нем есть резко очерченное слово и еще более точный иероглиф, содержащий откровенное представление о физическом акте между мужчиной и женщиной.

Японская женщина способна переживать чувство любви, хотя на ее родном языке нет даже слова, чтобы выразить такое душевное движение. Легко определить то, что создает такую глубину чувств в сердце японской женщины. Любовь занимает в ее душе первое место с того самого момента, когда она впервые осознает свой пол. У ее мужа имеется сотня других возможностей проявить силы своего ума и тела. Женщина вкладывает весь свой ум и всю свою энергию в своего ребенка. Ее муж видит в сыне наследника своего имени и дома, который будет продолжать его дело, человека, который может быть отдаст свою жизнь за священное дело его страны. Мать видит всю себя в своем ребенке. Муж ее может быть и не хочет вовсе, чтобы жена любила его, но дитя ее не может противостоять ее любви. Муж может резко отказать ей в ответе на такое деликатное или по его мнению неделикатное душевное желание, ребенок же спокойно воспринимает ее любовь. Любовь ребенка кроме того более или менее обеспечена ей этикой Конфуция, которая частично воспринята религией шинто. Любовь, необъяснимая и невыразимая на ее собственном языке, существует в ней с изумительной силой без грима научно-психологического анализа, и она отдается с радостью и без остатка тому, кто возвращает ей это чувство.

Вряд ли еще где-нибудь кроме Японии женщина может так любить и привязываться. После свадьбы нужно очень мало, чтобы нежный росток в любвеобильном сердце женщины развился в глубокую преданность мужу. Ни бедность, ни болезнь, ни разлука не в состоянии погасить эту любовь. Она способна к такой нежности, которая невероятна в глазах европейца, но муж-японец редко старается вызвать в ней это чувство. Для него жена бесплатная экономка и производительница его детей. Он развлекается без нее; любовь его, в самом строгом японском смысле этого слова, принадлежит его наложнице или проститутке.

Таким образом нигде во всем мире мы не встречаем ничего похожего на моральный облик японской женщины. Во время венчания женщина одевает белое кимоно. В Японии белый цвет есть цвет смерти. Вступая в брак, она умирает для всего кроме мужа; еще до недавнего времени невеста красила в черный цвет свои зубы, чтобы сделать себя по возможности непривлекательной в глазах других мужчин. Было время, когда ее наказывали смертью, если обнаруживалось, что она изменила мужу. Такой взгляд и такое понимание брака еще до сих пор живы в женщинах Японии,

и это не имеет ничего общего с чувством любви или нелюбви к мужу. Я не хочу сказать, что женщины не питают сильных желаний и любви к постороннему мужчине, который мог приобрести их привязанность благодаря привычке собственного мужа подавлять всякий признак нежности, — такая вещь вполне возможна, но всякое открытое проявление влечет за собой потерю семьи и делает женщину отщепенцем в глазах всего общества. Для мужчины в этой связи не было бы вероятно ничего скандального, но изменившей с ним женщине никогда не простят ее неосторожности. Несмотря на то, что закон о верности жены так безжалостен и не дает никакой свободы женщине, введенной в искушение, мужчина может совершенно свободно отдаваться всяким прихотям в этом отношении. В действительности жена привыкает считать любовные интриги своего мужа неизбежными. Ему разрешается иметь наложниц, и он обычно имеет их, если конечно у него достаточно средств для этого. Его ничто не ограничивает в смысле числа их, и он может иметь их столько, сколько ему позволяет его кошелек или физические возможности. Он может менять, увеличивать или уменьшать свой гарем, сколько ему вздумается. Семь лет назад ведомство императорского двора произвело перепись семей 934 пэров. Оказалось, что многие законные жены их являются таковыми лишь номинально, и что пэры живут со своими наложницами. Перепись показала, что полигамия ни в коем случае не уменьшилась, особенно среди аристократии. Оказалось, что 60% всех законных детей были рождены от незаконных жен. Такая аморальность не имела бы значения, если бы японские женщины были просто примитивны, но я уже указывал, что они значительно интеллигентнее, чем мужчины. Японской женщине знакомо чувство ревности, у нее есть самолюбие, как и у женщин Запада. Она столь же утончена и деликатна, и лишь чувство долга и в значительной степени культ шинто не позволяют ей выражать свой протест. Женщине внушен тот же патриотический пыл, что и мужчине; у нее такое же сознание величия Японии и божественных прав Японии, как и у мужчин, и, подчиняясь воле более сильного существа, она верит, что делает то, что может возвеличить Японию. Ее трагедия заключается в грубости, свойственной всем мужчинам Ниппона. Страсть японца к жестокости и убийствам уничтожила в нем всякую чуткость. Его отвратительный эгоизм не знает никаких пределов. Он в состоянии привести гейшу или джоро (проститутку) в тот самый дом, в котором его жена всячески ухаживает за ним и предоставляет ему все удобства и комфорт. Он потребует, чтобы жена ухаживала за его гостями. Он может даже приказать ей приготовить постель себе и своей кратковременной возлюбленной и держать жену поблизости, чтобы она слышала его зов или хлопанье в ладоши. Ей может быть приказано согреть вторую бутылку сакэ и принести ее ему в постель, хотя она и понимает единственную цель этого опьянения. Непослушание

может повлечь за собой развод. Муж может разойтись с женой, просто приказав ей уйти из дому, хотя обычно развод совершается при помощи трех строчек вертикального письма. Для женщины нет большего позора. Ей приходится вернуться к родителям, что для нее самое ужасное. Я никогда не забуду, как я в первый раз увидел только что вышедшую замуж девочку, ожидающую за дверью спальни зова мужа, его хлопанья в ладоши. Ей только что минуло шестнадцать лет, и она была еще совсем ребенок. Она достигла того, что ей казалось успехом, выйдя замуж за богатого купца. Она гордилась собою, гордилась своим домом, была горда своим мужем. Она окружала его чем-то вроде культа героя. Она решила, что она должна как можно скорее родить мужу сына. Всего лишь неделю была она замужем, когда муж в первый раз привел с собою в дом проститутку. Он приказал ей приготовить постель и ждать за дверью. Когда я увидел ее, она стояла на коленях на цыновке, странно покачиваясь то вперед, то назад, дрожа всем телом. Ее руки были судорожно сжаты, и при каждом наклонении она трижды ударялась головой о пол. Мне показалось, что она хочет освободиться от роящихся в голове мыслей. Вдруг горячие, блестящие слезы покатились по ее щекам. Она закусила губы, чтобы сдержать слезы, и капельки крови выступали в уголках ее рта. Тогда она схватила край своего кимоно и лихорадочно свернув всунула его в рот, чтобы заглушить крик боли... Мое присутствие очевидно было неприятно мужу, и я лишь через полгода сделал попытку снова зайти к ним. По странной прихоти судьбы повторилась прежняя история. Но на этот раз жена читала газету; увидев меня, она встала и пошла навстречу, приветствуя меня... Она поняла за это время, что ее долг повиноваться.

Повиновение всегда было евангелием японской женщины. Повиновение является суровым культом в жизни любой японской женщины, в любом углу империи и в каждом классе или общественном слое. Испытывать судьбу свою не есть удел японской женщины: ей не надо ставить вопрос «почему». Как бы поздно ночью ни вернулся домой муж, жена не смеет не встретить его, ссылаясь на усталость или головную боль. Всю ночь она должна ждать прихода мужа, чтобы быть готовой исполнить любую прихоть его, которую ему внушил алкоголь. Мужское представление о праве распоряжаться женщиной есть тот элемент духовной жизни Японии, который с трудом может постичь до конца западный ум. Я должен признаться, что сам был совершенно ошеломлен, когда впервые осознал, в какой мере распространено чувство собственности над женщиной как в физическом, так и психологическом отношении. Я приведу здесь один частный случай, иллюстрирующий многие тысячи подобных же случаев. Рассказ о нем был напечатан в «Майничи», описал его г. Сато.

«Йошико было двадцать восемь лет, когда она была отправлена в дом умалишенных. Она родилась вероятно под несчастной звездой, ибо она никогда не была весела. Судьба ей как-будто

улыбнулась, когда она в девятнадцать лет вышла замуж за купца. Когда она стала матерью, муж ее прибавил связи с женщинами к другим своим удовольствиям. Не ограничиваясь содержанием любовниц на стороне, он решил одну из них привести к себе в дом и стал жить с ней как с женой. Безрассудные траты и хроническая праздность скоро истощили благосостояние семьи. Настало время показать, подумала Йошико, что может сделать действительно преданная жена. Скромно и весело начала она говорить с мужем. Она сказала ему, что пришла к заключению, что ей не следует оставаться дома и позволять ему одному ломать себе голову, как добыть средства. Она хотела бы начать зарабатывать. Йошико увидела странное выражение на лице мужа; как будто он почувствовал угрызения совести. Она готова была броситься в его объятия; он вероятно любит ее, думала она, если он не хочет, чтобы она работала. «Я ценю твою готовность жертвы, чтобы помочь мне выйти из трудного положения, — сказал он. — Но готова ли ты сделать все, о чем я тебя попрошу?» Йошико была вне себя от счастья и уверила его, что не остановится ни перед чем. «В таком случае, — сказал ее муж, — позволь мне продать тебя как проститутку». Йошико ничего не ответила, долго и задумчиво глядя на него».

Вскоре после своего поступления в «джоройю» (публичный дом) она сошла с ума. Кто-то отправился проведать ее в больницу и нашел ее совершенно безумной. Она как будто снова переживала свою жизнь до замужества, когда изучала формы вежливости реи и церемонию чая. Мне рассказывали, что она разговаривала сама с собой. Снова и снова она повторяла: «Он красивый мужчина, он — купец. Я знаю, я полюблю его». Потом она как будто училась наливать чай, назидательно говоря себе самой: «Налей чаю в чашку. Осторожно, осторожно. Держи левую руку под чайником, подними кончик большого пальца, — я знаю, я буду его любить». Может быть Йошико — та самая очаровательная и нежная женщина, которой вы так любовались в Лондоне, Париже, Берлине или Вашингтоне. Та самая женщина, которой какой-нибудь полный японец, вежливо улыбаясь, помогал сесть в автомобиль. Она — одна из тысяч. К несчастью лишь немногие из них сходят с ума.

Япония без сомнения страна господства мужчин. Об этом можно судить по очень строгому различию между мужчиной и женщиной в высших слоях общества. Это различие все уменьшается по мере перехода к низшим классам населения. Но и там все, что носит на себе печать унизительного труда, выполняется женщиной. Она платит по счету в ресторане. Она занимается и физическим трудом; только в тех случаях, когда ее сил недостаточно, на сцену выступает мужчина... Терпение и страдание — вот большею частью начало и конец жизни женщины в Японии, где мужчина — король жизни, а женщина «влекомая могучей силой влачит жалкую судьбу».

3. Формы вежливости „реи"

В течение многих веков эта часть учения Конфуция стала частью жизни японцев. Есть нечто в самой сущности реи, что не может быть передано словами. В них есть даже нечто чарующее. Когда вы в первый раз видите эти повторные поклоны головы и тела до земли, вы получаете впечатление чего-то изысканного. Я видел, как европейцы бывали настолько поражены этой внешней формой вежливости, что они, казалось, были почти загипнотизированы. Но за этой внешней деликатностью скрывается опасная сила, своего рода гимнастика речи и движений, напоминающая прием джиу-джитсу. Эти изысканные движения часто употребляются как утонченное средство душевной пытки и в состоянии повергнуть менее искушенных в этих формах обращения в психическое состояние, граничащее с истерией. Знание церемоний реи есть часть воспитания каждой японской женщины, которая претендует на то, чтобы быть воспитанной. Таково требование моды, и общество, родители, а прежде всего сам муж настаивают на признании этих черт хорошего происхождения и хороших манер. Если о женщине говорят, что она пренебрегает всем этим, то сыпятся укоры на нее, на ее дом и на всю ее семью.

Реи не только охватывают все формы церемоний и вежливости в речи и поклонах, но и в религии они употребляются для выражения всех степеней уважения последователей Конфуция к власти; самые высшие формы выражения почтения, уважения и вежливости конечно применяются к императору. Это требование вызывает *применение различных оттенков* в формах обращения, причем слова и движения подразделяются на категории сообразно с положением лица, к которому они обращены. В речи это достигается при посредстве вежливых глаголов и прилагательных в движениях — более глубокими и многочисленными поклонами.

Вежливые глаголы часто являются проклятием для человека, изучающего японский язык, поскольку слова, имеющие одно и то же значение, глубоко различаются по произношению и спряжению. Если японец скажет: «император отправился в Киото» так же, как он сказал бы: «убийца отправился на эшафот», он был бы по всей вероятности обвинен в опасных мыслях, и его вина была бы доказана одним этим выражением. Тот факт, что эти формы вежливости становятся еще более изысканными по отношению к врагу, легко вводит европейца в заблуждение. Так например отказ в просьбе о продлении срока долга будет встречен в более вежливой форме, чем предоставление отсрочки. Причиной этого является не сарказм, а установившаяся в течение веков традиция. В истории трудно найти указания на то, выросли ли эти черты из любви японцев к мести или нет, но нет сомнения, что японец, готовящий убийство, пойдет на это кровавое дело с улыбкой на лице.

Именно благодаря всем этим правилам реи японцы заслужили славу утонченной расы. Иностранец может быть глубоко оскорблен, даже не сознавая этого. Ему могут быть оказаны формы вежливости, подобающие человеку низшего класса, и тем не менее его тщеславие будет польщено видом кланяющегося японца. Императорская полиция может без всякого повода оскорбить иностранца тем, чтобы сделать из него посмешище в глазах населения. Таким путем японцы пытаются возвысить Японию. Так как реи есть часть шинто, то этими формами пользуются для усиления фетиша культа расы. Никогда еще правила реи не внедрялись в население так тщательно, как теперь. Благодаря своим женщинам Япония снискала благорасположение в глазах мира и получила название страны лотоса, страны, где вишни всегда в цвету. Необходимо понять, что этот лоск гипнотически действует на европейца; это завеса, за которой трудно что-нибудь разглядеть. Это — лак, которым покрыто все и который радует глаз.

4. *Женщина и промышленность*

Говоря об участии женщины в промышленности, я ограничусь одной отраслью ее — текстильной, именно шелковой и хлопчатобумажной. Я не имею возможности рассматривать здесь вопрос об эффективности методов производства по сравнению с европейскими, но я могу сравнить условия, при которых происходит соревнование Японии и Европы. Остановимся прежде всего на вторжении Японии на европейский и американский рынки. Я приведу несколько выдержек из речи г. Сэмюэля Курто, произнесенной им перед акционерами его компании[1] в марте этого года. Он указал на то, что «рост японской промышленности искусственного шелка был исключительно быстрым. Шесть лет назад ее годовая продукция составляла около пяти с половиной миллионов английских фунтов, или 4% мировой продукции, и она занимала девятое место среди стран-производительниц. В 1932 г. ее производство составляло 68 млн. фунтов, или 13% мировой продукции, и она таким образом заняла четвертое место. Япония не только завоевывает восточные рынки, но она начинает вывозить пряжу из искусственного шелка в Европу. Что касается японской конкуренции по трикотажным изделиям из искусственного шелка и из хлопка, то Ланкашир терпит жестокий ущерб *от нее*. Низкая заработная плата, более продолжительный рабочий день и примитивные условия существования наряду с обесценением валюты делают соперничество с Японией невозможным для западных стран. Чрезвычайно необходимо, чтобы государственные люди Европы и Америки осознали размеры этой опасности. В то время как экспорт японских изделий из искус-

[1] Крупнейшая английская фирма искусственного шелка. — *Прим. ред.*

ственного шелка вырос в девять раз за последние пять лет, английский экспорт за тот же период уменьшился до двух третей... Другими словами, я желал бы особенно подчеркнуть непосредственную опасность, грозящую европейским рынкам... Я приведу вам несколько сравнительных данных о заработной плате в Англии и Японии по текстильной промышленности. Эти цифры почерпнуты нами из официальных источников... В 1932 г. женщины в хлопчатобумажной и шелковой промышленности в Японии получали от $1^1/_7$ до $1^1/_6$ пенса[1] в час. В этих отраслях промышленности работает сравнительно больше женщин, чем у нас».

Я привожу эту речь не в целях дискуссии по политической экономии, и я не хочу вовсе защищать введение пошлины или установление эмбарго на японские товары. Г-н Курто дал очень снисходительное по отношению к Японии объяснение сравнительных условий конкуренции в обеих странах. Приводимые им цифры заработной платы женщин высоки, даже если иметь в виду только тех женщин, которые оплачиваются деньгами. По моим наблюдениям средняя работница, т. е. оплачиваемая работница, не получает на японских фабриках и $1^1/_7$ пенса в час. В промышленности работают женщины различного возраста до девочек шести или семи лет. Последние несомненно не получают такой заработной платы. Три пенса в день — абсолютный максимум, и они работают по 12 часов в день и более. Цифры, приводимые в речи, как будто заимствованы из официальных источников; я должен указать на то, что в Японии имеются образцовые фабрики, на которых положение рабочих особенно хорошо и которые содержатся так со специальной целью, чтобы показывать их влиятельным путешественникам-иностранцам. Там существуют такие же показательные тюрьмы, исправительные заведения и т. п. Я могу с уверенностью сказать, что в среднем работница получает на хлопчатобумажных и шелковых фабриках значительно меньше одного пенса в час.

Я указывал уже на существование фабрик для показа пытливым туристам вроде какого-нибудь специального корреспондента или писателя с «именем», посланного какой-нибудь английской газетой. Эти люди, проводящие в Японии от одного дня до трех месяцев, возвращаются обратно на родину и выступают в печати и устно в роли экспертов по Японии. 7 июля этого года в «Дейли мейл» была напечатана статья под заглавием: «Может ли Ланкашир рассчитывать на успех?» Автором ее был г. Дж Уорд Прайс; он пишет: «Я обследовал силу японской конкуренции, захватывающей иностранные рынки нашей текстильной промышленности... Такие представления, как например: японские промышленники... получают государственную субсидию... у них потогонная система и рабочие там недовольны — совершенно неверны... «Скажите мне откровенно, в чем по вашему мнению причина затруднений в Ланкашире?», спросил я г. Рисабуро Той-

[1] Один пенс равен приблизительно трем копейкам. — *Прим. ред.*

ода. «Прежде всего скверное финансовое положение ваших фабрик», ответил он...

«Фабрика Тойода работает полную неделю ежедневно при двух сменах по девяти часов каждая... Девушки получают от шести пенсов в день в качестве учениц, в возрасте от 13 лет — до 1 шиллинга 10½ пенсов и выше для высококвалифицированных ткачих от 17 или 18 лет...

«Расходы компании на стол и жилище персонала составляют свыше 3 пенсов на человека в неделю, что должно быть прибавлено к заработной плате...

«Девушки живут в общежитиях. В комнатах стоят цветы, иногда грамофон и книги на маленьких столиках...

«Обе фабрики имеют выложенную хорошими кафелями купальню, которой девушки ежедневно пользуются; там имеются большие зеркала, в которые смотрятся эти красивые, маленькие, пухленькие, розоволицые, молодые девушки...».

Этого достаточно, чтобы судить о напыщенной бессмыслице статей г. Уорда Прайс. Обратимся лучше к другому авторитету, уроженцу Японии, к одной из этих «красивых, маленьких, пухленьких, розоволицых молодых девушек».

Я говорю о г-же Тсуненко Акаматсу, главе женской рабочей федерации. В «Джапан уикли кроникл» было помещено ее интервью, в котором речь шла о японской хлопчатобумажной промышленности. В этом интервью она говорила: «Относящиеся сюда цифры японского экспорта за последние три года составляли: в 1930 г. 1 571 825 тыс. ярдов, в 1931 г. 1 413 780 тыс. ярдов и в 1932 г. — 2 031 722 тыс. ярдов. В течение последнего года число веретен увеличилось более чем на полмиллиона, и предполагалось, что в следующем году должен иметь место дальнейший прирост в размере одного миллиона. Нынешнее процветание этой экспортной отрасли промышленности достигнуто за счет женщины-работницы. За 15 иен в месяц работница отдает в день 12 часов работы, а кроме того она должна платить 15 сен в день за право пользоваться спальным бараком при фабрике... Вновь поступающие работницы получают только 25 сен в день, хотя должны платить за ночлег и харчи те же 15 сен... Женщина не пользуется никакой защитой против старшинок, все работницы отданы во власть произвола работодателя».

В моих замечаниях о заработной плате работниц я совершенно сознательно употребил выражение «оплачиваемая деньгами работница». На каждой фабрике и в каждом предприятии, от публичного дома до семьи, где работает горничная, мы встречаем женщин, которые продали себя собственнику или были проданы ему своими родителями. В Японии торговля живым товаром достигла огромных размеров, причем эта торговля не ограничивается первой продажной сделкой. Содержатель «джоройи» в свою очередь может продать женщину бонзе для выполнения церковных церемоний, владельцу фабрики или завода или какому-либо

мужчине в качестве наложницы. Агент торговца живым товаром делает предложение родителям купить у них дочь. Он предлагает им определенную сумму за пользование ее телом; он покупает девочку на определенное количество лет. Цена меняется в зависимости от обстоятельств и является предметом торговли между обеими сторонами. Я знаю случай, когда было уплачено 10 иен за десять лет жизни. В течение десяти лет девушка остается рабыней своего собственника. Она должна подчиняться ему беспрекословно. В свою очередь он одевает ее, кормит и дает ей приют. Она должна работать на него любое количество часов. Если она сломает что-либо, то он взыщет с нее компенсацию в виде дополнительного срока пользования. Совершенно невероятно, чтобы эта девушка когда-либо снова увидела кого-либо из своих родителей. Собственник ее всегда найдет какой-либо предлог для того, чтобы заявить, что она должна ему еще один год службы, а к концу двенадцатого месяца — еще один год. И так будет до тех пор, пока она не будет слишком стара для того, чтобы представлять для него интерес. Тогда собственник вернет ей свободу В случае каких-либо волнений на фабрике собственник просто-напросто запирает работниц в свох ночлежных бараках, пока он их таким образом не научит уму-разуму. После нескольких дней голодовки стачка сломлена. Я знал даже случаи, когда владелец предприятия при угрозе волнений со стороны работниц выбрасывал этих девушек на улицу. Без денег, без крова они возвращались к нему, соглашаясь на все его условия. Если же девушки делали попытку бежать от него и добраться до другого города, полиция арестовывала и направляла их обратно к предпринимателю. Условия, в которых живут эти девушки-рабыни, ужасны. Их бараки переполнены, пища их недостаточна, и хозяин наказывает их за всякую погрешность и оплошность. Я заявляю, что если г. Курто назвал бы цифру в полпенни в час в качестве нормальной заработной платы японской девушки-работницы, то и это было бы еще преувеличением. Соотношение оплачиваемых и неоплачиваемых работниц естественно меняется из года в год. Но ныне, когда мировой кризис коснулся Японии, количество работниц-рабынь достигает на некоторых фабриках 50%. Возможно, что если бы все эти факты были известны, лондонские магазины не так рекламировали бы свои специальные японские шелка, продающиеся по исключительно низким ценам.

Я сказал, что собственники этих девушек-рабынь пользуются малейшим поводом для того, чтобы наказывать их. Я приведу один случай из тысячи, рассказанный в газете «Джапан адвертайзер». «Мацумото, владелец цирка, подал токийской полиции жалобу (за которой последовало судебное преследование) на семью Тарада из Кавасаки, требуя передачи ему их шестнадцатилетней дочери, Ханако, которую он купил за 60 иен десять лет назад». Такого рода сообщения часто называли необычными, но в Японии подобный случай является одним из многих тысяч.

«Походный цирк Мацумото, за исключением периодов, когда он кочует по стране, расположен в Абакуза — своего рода токийском Коней-Айленд[1]. Весь состав цирка состоит целиком из девушек, в большинстве очень молодых. Он хвалится своими аттракционами. Мацумото сам тренирует своих девушек. Он гордится тем, что умеет заставить их дрожать от страха перед собою, так что они ничего на свете так не боятся, как своего хозяина. Секрет его силы, выражающий всю его натуру, заключается в том, что он не знает ни симпатии, ни мягкости. Его девушки воспитаны в абсолютном, беспрекословном и молниеносном повиновении. Он добивается этого при посредстве телесных избиений и душевной пытки. Чтобы продемонстрировать свою силу и власть, он несколько раз показывал своим друзьям, как он, не говоря ни одного слова, лишь одним взглядом и еле заметным жестом заставит их беспрекословно повиноваться себе. Душа маленькой Ханако быть может еще принадлежала ей, но тело ее было собственностью Мацумото, и он не упускал ни одного случая, для того чтобы запечатлеть это в ее сознании; он пользовался ею и злоупотреблял ею, сколько ему было угодно. Во время его частых попоек, девушка дрожала от страха, ибо в это время в нем разыгрывались его примитивные инстинкты, требовавшие во имя удовлетворения его чувственности проявлений поистине садистской жестокости».

В этой связи может быть вообще небезынтересно рассмотреть вопрос об условиях работы японских промышленных рабочих. Не так давно я имел беседу с брэдфордским фабрикантом, который был готов клятвенно заверять меня, что, как ему точно известно, в Японии имеется рабочее законодательство. «Кроникл» пишет по этому поводу следующее: «Майничи», которая сравнительно с другими газетами развивает значительно более передовые идеи, пишет в одной из своих статей, что рабочие союзы не могут легально существовать в Японии, так как там нет закона, который специально разрешал бы подобные организации. Это характерно для Японии. Все что угодно может быть осуждено, как незаконное не потому, что это противоречит закону, а потому, что в законе это не упоминается и следовательно законом не предусмотрено. С точки зрения властей это очень удобный метод, ибо он освобождает их от какой-либо обязанности как-либо мотивировать запрещение всяких новшеств». Касаясь этого вопроса, г. Сато заметил: «Япония единственная в мире промышленная страна, не признающая права коалиции рабочих. Готовая соваться во все международные дела, независимо от их значения, Япония решила играть роль и в Международном бюро труда в Женеве. Большое расстояние однако не всегда играет роль дымовой завесы, маскирующей факты. Все чувствуют, хотя и не говорят этого определенно, что было бы гораздо лучше, если бы Япония привела в порядок свой собственный дом, вместо

[1] Увеселительные центры вблизи Нью-Йорка. — *Прим. ред.*

того, чтобы заботиться о социальной справедливости в других странах. Потрепанный тип в обществе изысканно и изящно одетых людей — таково в сущности положение Японии на конференциях женевского Бюро труда. Этот затесавшийся в приличное общество жалкий тип уверяет, что дома у него имеется прекрасный костюм и что в следующий раз он явится одетый как следует. Леди и джентльмены, — чуть не хнычет японский представитель, — я счастлив сообщить вам, что Япония насчитывает на сегодняшний день 500 профессиональных союзов с общим числом членов в 300 тыс. мужчин и женщин». Мы в Японии знаем, что это ложь, что в японской империи не существует ни одного профессионального союза; правда, то тут, то там происходят эпизодические собрания рабочих, но в таком собрании не больше устойчивости и единства, нежели в любой толпе, собравшейся вокруг какого-либо уличного оратора. Эти собрания рассеиваются без всякого труда по простой прихоти важно расхаживающих полицейских. Если же рабочие осмеливаются оказать полицейскому распоряжению какое-либо сопротивление, они окажутся тотчас же в тюрьме. Если мимолетное сборище этого рода представляет собою профсоюз, то тогда мы действительно имеем в Японии профессиональные союзы всякого рода, профессиональные союзы нищих, союзы школьников, союзы трамвайных пассажиров, может быть даже профессиональный союз собравшихся на улице собак».

«В следующий раз, когда наша делегация будет на конференции хвастливо распространяться на тему о здоровом росте профсоюзов в Японии, — пишет Сато, — г. Жуо поступил бы хорошо, если попросил бы дать более точное определение того, что же обозначает в Японии термин «профессиональный союз». До тех пор пока в Японии нет закона о профессиональных союзах, в положительной форме легализирующего их существование, в Японии не может быть нормальных рабочих союзов».

Та же газета, опубликовавшая приведенную выше статью, указывает на чрезмерную продолжительность рабочего дня на фабриках. Она пишет: «Японские фабриканты категорически отказались отменить двойные смены, мотивируя тем, что экономические и социальные условия Японии совершенно не похожи на условия жизни на Западе. Если бы двойные смены были в хлопчатобумажной промышленности отменены, количество занятых рабочих рук было бы сокращено наполовину. Правительство отнеслось бы к этому крайне отрицательно, ибо оно уже сейчас поставлено в затруднительное положение проблемой безработицы и встречает сильную оппозицию со стороны рабочих организаций».

На этих именно фабриках женщин заставляют работать, истязая их физически и нравственно. Я мог бы привести сотни примеров, похожих на случай с Мацумото и его цирком, писать об истязуемых шестилетних детях, о девятилетних девочках-работницах, лишенных невинности, детях, которых заставляют ра-

ботать без перерыва в течение 24 часов, о туберкулезных женщинах, работавших до последней минуты и умиравших на посту, о женщинах, лишившихся рассудка, которых несмотря на это заставляли работать. Таковы условия во всей японской промышленности. Шинто, этот неизъяснимый культ японской расы, поможет японцам оправдать все это. «Побивая иностранных конкурентов, Япония делает шаг к достижению своей цели — стать властелином мира. Все должно быть принесено в жертву Японии. Банзай Ниппон! Ура Япония!

5. *Проститутки*

В японской конституции есть писаный статут, который объявляет продажу людей незаконной. Как и многие другие, и этот закон давно забыт. Как отмечает одна газета, пункт этот применяется только в тех случаях, когда, опираясь на него, надо отвести «клевету» на японские условия. В остальном же «Кроникл» правильно замечает, что зарегистрированная проститутка является в Японии почти единственным лицом, к которому «железный закон контракта» применяется со всей суровостью. Даже в одном недавнем случае, где обращенная в рабство женщина искала помощи одного очень высокопоставленного лица, она смогла получить свободу не раньше, чем все ее долги были оплачены ее собственнику.

Простая история проститутки почти в каждом случае напоминает судьбу фабричной рабыни или начинающей гейши. Ее родители бедны, урожай риса плох, ее отец (или муж) без работы. В доме нет ни гроша, но зато есть девушка. Если нельзя получить деньги в обмен на труд, то всегда можно найти рынок для тела этой девушки. Агенты по продаже живого товара обладают поистине гениальным чутьем, позволяющим им безошибочно выискивать деревни, где господствует крайняя нужда в деньгах. Все остальное очень просто. Я уже упоминал о том, что в некоторых районах Японии совершенно не осталось молодых девушек и женщин. Нет ничего более жалкого в мире, нежели проданная в рабство японская девушка. Подавляющее большинство их отнюдь не сами избрали свою судьбу. Они пришли к проституции не в результате случайного падения. Многие из них были проданы даже прежде, чем родились. Агент еще до рождения девочки приобрел себе право купить ее, если он позже того пожелает. Девушки верят, что это дело чести их родины, если они пожертвуют собою ради своих родителей. Даже жены добровольно вступают в джоройю, если этим могут спасти положение своих мужей. И за всей этой системой стоит всепожирающий спрут шинтоизма.

Я должен еще раз отправиться с читателем в один из тех сельскохозяйственных районов, где голод является скорее правилом, нежели исключением. Представьте себе жалкую лачугу

или хижину, где живет стареющий крестьянин с женой и молодой дочерью. Все трое сидят около «хибачи»—угольной жаровни, стараясь хоть как-нибудь согреться. На плечи старика накинуто грубое платье из какого-то растительного волокна. Холодный ветер продувает сквозь дырявые бумажные двери. Соломенный матрац испачкан и пожелтел. Его набивка торчит сквозь рваную материю. Обе женщины хранят полное молчание, старик время от времени что-то бормочет про себя. Единственное движение, которое нарушает эту неподвижность, это дрожь от холода обеих женщин. Вдруг раздается чей-то вежливый голос; кто-то просит извинения за то, что вторгся в дом. Интонации и слова становятся все более вежливыми и внушительными, слова и знаки почета из кодекса реи сыпятся в изобилии. Старик-крестьянин идет к входу. Его гость вероятно человек не малого значения. Прежде чем он отодвинет дверь, он сплетает руки в корректной позе реи. Он склоняет свою голову, пока не коснется лбом грязной циновки. В этой позе он говорит своему гостю «добро пожаловать» и просит его зайти. Со многими поклонами и в склоненной позе гость подходит к очагу. Он садится на корточки в безукоризненно вежливой позе. Все четверо простирают свои руки друг к другу с ладонями, обращенными вниз, и пальцами, согнутыми во внутрь. Их головы касаются циновки. Хозяин демонстрирует достоинство дома и вместе с тем просит извинения за скудное убранство. Гость рассыпается в строго установленных обычаем формальных комплиментах; перед почетным посетителем с поклоном ставится микроскопическая чашечка зеленого чая. Гость занимает почетное место перед священным альковом. Чай выпивается медленно и с величайшим вниманием, с соблюдением всех церемоний. И когда полагающееся по ритуалу время прошло, гость приступает к цели своего посещения. Сама девушка не вправе и слова вымолвить. Безразлично, шесть ли ей лет или шестнадцать, или двадцать шесть, она должна беспрекословно повиноваться. Когда дело улажено, она делает поклон в сторону своих родителей и посетителя. Она сворачивает свое скудное имущество в платок и оставляет дом вместе с агентом.

Придя в публичный дом, девушка может быть даже поражена размерами здания и на протяжении получаса она может быть счастлива, что оставила свою грязную лачугу. Содержатель дома хлопает в ладоши. Появляется старая женщина. Он приказывает старухе выкупать девушку и одеть ее в кимоно. За эти кимоно девушке придется долго расплачиваться. К концу десяти лет «службы» она должна будет начать отрабатывать стоимость своей одежды. И вся эта процедура будет многократно повторена, пока болезнь или старость не позволят выбросить ее из джоройи.

Публичные дома называются в Японии «джоройя». Их можно найти в любом закоулке империи. В трамвае у кондуктора спра-

шивают билет до ближайшей джоройи. Это — самая обычная вещь. Джоройя принята во всех классах японского общества. Публичные дома более высокого пошиба, так называемые «мачта», находятся обыкновенно в тех районах, где собираются богатые люди и где можно быть уверенным в официальной поддержке и протекции. Иностранцы называют эти дома чайными домиками. Именно здесь шопотом передаются последние государственные тайны, новейшие скандалы, сплетни о взятках министров. Многие сногсшибательные частные новости рождаются именно в этих чайных домиках из уст гейш. Так например «Майничи» рассказывает следующую историю: «В один из хорошо известных чайных домиков вторглась группа молодых школьниц. Девочки хотели хотя бы одним глазом взглянуть на настоящих гейш. Случилось так, что в соседнем помещении группа высоких сановников очень весело проводила время. Сановники выразили немалое удивление, столкнувшись с этой смелостью молодых школьниц. Но лично я думаю, — пишет редактор, — что удивление должно было быть обоюдным».

Зарегистрированные публичные дома доставляют казне немалый доход. Отсюда понятно, почему эти дома пользуются официальной поддержкой. Хорошо известно, что некоторые высочайшие особы непосредственно заинтересованы в этих учреждениях. Разоблачения о подлейших случаях покупки и продажи разрешений на торговлю девушками появляются в газетах с такой же регулярностью, как и объявления о продаже молока.

Несколько времени назад в центральном зале собраний г. Осака состоялся V Национальный конгресс борьбы с проституцией. Как только г. Хаяси занял председательское кресло, часть присутствовавшей на собрании трехтысячной аудитории стала громко выкрикивать угрозы и стучать ногами. Видя, что митинг может закончиться кровопролитием, полиция оказалась «вынужденной» распустить собрание.

Подкупность среди депутатов законодательной палаты в делах, связанных с публичными домами, исключительно велика. В известном случае, когда компания «Мацусима» перепродавала свои права на квартал красных фонариков, «директор компании роздал взятки значительному числу партийных лидеров. Один из министров прежнего министерства получил взятку в 50 тыс. иен. В авангарде взяточников шел не кто иной, как бывший министр юстиции, получивший взятку в 200 тыс. иен.

Сказанное дает только частичную картину той щедрости, на которую способны люди, живущие за счет торговли молодым женским телом: престарелого джентльмена, о котором шла речь, каким-то образом уговорили выдать расписку, что он получил эти деньги в вознаграждение за содействие, которое он оказал в перепродаже прав на этот «квартал красных фонариков». Трудность разоблачений заключается в том, что в этих делах обыкновенно замешано много членов правительственных партий.

Публичные дома доставляют своим собственникам исключительно большие доходы. Тем не менее эти дома часто перекочевывают с места на место. Делается это с целью избежать правительственных налогов. Эта часть кочующих публичных домов пожалуй хуже всех. Девушкам никогда не дается уже никакой свободы. Большей частью агенты этих домов даже не покупают девушек, а похищают их на улицах. Любопытно, что руководящий персонал в этих домах обычно женщины. Обыкновенно это жены собственников, которые сами не рискуют выступать открыто от своего собственного имени. Для выслеживания, преследования и установления, насколько может остаться безопасным задуманное похищение, пользуются мальчиками. Похищенные девушки переходят из дома в дом. Их похищают обыкновенно в раннем возрасте, в шесть-семь лет или несколько старше. Их тело культивируется, чтобы привлекать мужчин. Центром публичных домов этого рода в Токио является район Шинагава.

Вернемся однако на минуту к нашей маленькой деревенской девушке после того, как ее выкупали в ванне и облачили в кимоно. Прошел всего лишь час с того момента, как она вступила в этот дом. Теперь она снова предстала перед своим собственником. Их первая встреча есть нечто большее, чем только осмотр и оценка ее достоинств. Ее владелец тщательно взвешивает ее достоинства и прикидывает, кому из его клиентов было бы наиболее правильно предложить ее невинность. Его дело с успехом вернуть каждый грош того капитала, который истрачен на нее. Первая его забота — заказать для нее печать. Эта печать предназначается для ее собственного употребления, ибо она должна подписывать ею документы. После этого хозяин отпускает ее и передает инструктору. Последний ей сообщает, что она должна принимать в день по двадцать мужчин. После урока ее отправляют в общую комнату, которую она разделяет вместе с другими девушками. Ее предупреждают, что она ежеминутно должна быть готова к вызову. С этого дня на протяжении ближайших лет единственной ее передышкой будут те дни, которые она проведет в госпитале для проституток, больных венерическими болезнями.

Япония считается раем для детей. Но здесь процветают скрытые от общественного контроля дома, где девочек воспитывают для того, чтобы они стали гейшами или зарегистрированными проститутками. Свыше четырех миллионов девочек моложе пятнадцати лет занято в этой продуктивной области национального труда.

Сато несколько лет назад указал, что «одной из причин, почему предупреждение беременности не получает в Японии широкого распространения, является то, что дети являются для взрослых источником дохода. Точно так же как одни ради денег занимаются выращиванием свиней, кур или крупного скота, так другие выращивают девочек. Раньше торговцы детьми платили за детей по 50—60 иен. Сейчас за красивую маленькую девочку восьми лет платят всего десять иен.

Несколько дней назад двое мужчин были арестованы за чрезвычайно жестокое обращение с малолетними детьми. Они купили около пятидесяти девочек в возрасте от восьми до двенадцати лет и заставили их ходить по улицам, показывать акробатические номера и попрошайничать. Оказалось, что эти мужчины занимают большие дома и живут в роскоши. По всей вероятности дело не дойдет до судебного преследования, а если дело и дойдет, то во всяком случае не за работорговлю, ибо торговля людьми представляет в Японии широко распространенную национальную практику. Ежегодно в Японии рождается свыше двух миллионов детей. Одному богу известно, какая ничтожная часть их действительно является желанной для родителей. Есть столько способов освободиться от детей. Самый простой из них — бросить их ночью или оставить их в толпе. Свыше тысячи детей таким образом в одном Токио ежегодно покидают родители. Большая часть детей умирает, будучи задушена родителями. Но подавляющую часть их либо продают, либо просто уступают детским маклерам, этим подлинным работорговцам современности. Торгуя детьми, так же как если бы они торговали собаками или кошками, эти бессовестные люди пользуются наряду с содержателями публичных домов защитой законов японской империи.

Гражданские законы Японии позволяют каждому, у кого есть средства к жизни, брать себе неограниченное количество приемных детей. Те же законы устанавливают, что «родители» имеют абсолютно ничем не ограниченную власть над своими детьми. Поэтому даже суд не вправе вмешаться в дела тех негодяев, которые продают приемных детей публичным домам, в цирк или в еще худшие места. Собственники этих маленьких рабынь обыкновенно ведут роскошный образ жизни. Их доходы очень значительны. Причем, сами работорговцы хвастают своей профессией, называя ее «утилизацией человеческих отходов»

Основными распределительными центрами, откуда развозят японских девушек, являются Токио и Осака, два самых больших города империи. Отсюда девушек рассылают по менее важным распределительным пунктам: Шанхай, Дайрен, Мукден, Харбин, Кейто, Андунь, Пекин и на острова Южных морей. Британское правительство было вынуждено обратиться непосредственно к японскому правительству с просьбой перенести центры проституции дальше от главных колониальных городов британских колоний и в частности от Сингапура.

Если японские женщины и дети по существу беззащитны перед властью мужчины, то не трудно представить себе, насколько тяжелым является положение в Японии миллионов женщин других рас. Молодые корейские девушки и девушки с острова Формоза абсолютно беспомощны. Когда одну из этих женщин похищают на улицах Токио, полиция пальцем не шевельнет, для того чтобы организовать розыски. Не стоит также на то жертвовать и сантиметр газетных столбцов! В Японии повсюду можно

встретить многочисленные семьи корейцев, работающих на японских государственных предприятиях. Как я уже говорил, они живут в шалашах, получают за такой же труд половину того, что получают японские рабочие, а в тех случаях, когда корейцы работают на железнодорожных путях, то им приходится жить под арками железнодорожных мостов. Выкрасть их детей очень легко. Шпионам за небольшую оплату поручают следить изо-дня в день за каждым движением этих бесправных, порабощенных людей. Обычно они не имеют достаточного количества пищи, и нечему удивляться, если голодная корейская девочка, в тот момент, когда мать за ней не смотрит, попытается съесть немного чужого риса. Немедленно шпионы доносят об этом в полицию, и вскоре в шалаше появляются двое людей, одетых в штатское. Родители думают, что это настоящие полицейские и позволяют им увести свою дочь, которую обвиняют в воровстве. И после этого они никогда уже не увидят свой дочери!

На острове Формоза главным поводом к восстанию было именно похищение молодых женщин-туземок и присвоение их зарплаты японской полицией. Даже такая патриотическая газета, как «Джапан таймс», напечатала сведения о результатах расследования поданных жалоб специальной комиссией, которой был поручен разбор этого дела. И хотя в Японии этого отчета через сутки «уже не существовало», но он был напечатан в Англии. Вот что читаем мы в нем: «У туземцев явился новый повод к недовольству японцами. Наиболее красивые корейские женщины похищаются японской полицией. Всякий раз, когда девушка не принимает предложения полицейского, ее принуждают это сделать, либо путем заключения в тюрьму, либо путем взыскания какого-нибудь штрафа или налога».

Грабежи, воровство, ростовщичество, обман — вот те каналы, по которым протекает деятельность японцев в Корее. Профессор Китазава из Вазедского университета во время пребывания в Корее писал в «Джапан таймс», что «в этой стране ростовщик обычно за предоставленные в заем 100 иен получает 160 иен. Ростовщик никогда не дает рассрочки платежа более чем на три месяца. Должник обязуется дать расписку в получении 100 иен, получая в действительности всего лишь 60. При возобновлении векселя должник обязывается выплатить новую сумму, будучи таким образом вынужден выплатить до 160% годовых».

В Корее существуют специальные компании, торгующие исключительно женским телом. И здесь жестокость является главным методом тренировки проституток. «Плохое состояние финансов заставляет повидимому содержателей домов терпимости прибегать к особо суровым мерам всякий раз, когда они имеют дело с бедными и беззащитными девушками. Несколько дней назад к начальнику судебного отдела Полицейского управления в Хонмаки явились две проститутки, живущие в доме терпимости в Кикумото-ро — Ван Сун дюк, 22 лет и Чом Сун — 24 лет; они

заявили ему: «С нами так плохо обращаются, что мы хотим бежать из дому. Кроме нас в доме находятся четыре девушки, которых кормят впроголодь. В тех случаях, когда в доме бывает мало клиентов, нас бьют или же заставляют в виде наказания бодрствовать всю ночь напролет». В Японии случаи подобного рода настолько обыкновенны и часты, что о них даже не сообщают в газетах, так как для общества они ничего нового и интересного не представляют. Именно японцы ввели в Корее систему узаконенной проституции и именно они особенно жестоко угнетают туземных девушек, превращая их в своих рабынь» («Осака Майничи», 1930 г.). Шансы этих девушек на то, чтобы собственными силами вырваться на волю, крайне незначительны. Содержатели домов терпимости немедленно отправляются к родителям сбежавших девушек и требуют обратно свои деньги. Лишь в случае уплаты денег девушек оставляют в покое. В противном же случае, полиция разыскивает их и заставляет вернуться к прежнему хозяину, так как судом задолженность сбежавших проституток за выданную им в доме терпимости одежду признается законной. Газета «Кроникл» пишет: «Каждый, кто думает, что он делает хорошее дело, выкупая девушку, очень ошибается, так как этим он только приговаривает другую к такому же рабству». Задолженность девушки содержателю дома терпимости навсегда становится петлей на ее шее. Кимоно продается ей с прибылью от 400 до 1 000%, а потом это же кимоно вновь и вновь продается другим девушкам.

Я закончу эту часть главы разговором (который я случайно слышал) содержателя дома терпимости с одним из его поставщиков «живого товара». Первый жил в соседнем со мною доме, и я часто видел его жену, которая играла со своими тремя маленькими девочками. Жила эта семья в довольстве и роскоши. Повидимому эти два джентльмена только что вернулись тогда из кино, где видели какой-то американский фильм. Хозяин дома был возмущен и взбешен: там в одной сцене герой целует героиню прямо в губы на глазах у публики в общественном саду. «Безнравственные животные, — брызжа слюной от возмущения восклицал мой сосед. — Мы не должны позволять нашим молодым девушкам смотреть такие отвратительные вещи. Ведь эти варвары совершенно не имеют понятия о хороших манерах». «Правда, — согласился поставщик живого товара, — это очень грязный фильм». «Я никогда не позволю никому из членов моей семьи смотреть на такую безнравственность», продолжал хозяин. «А я напишу в «Майничи», сказал собеседник.

6. Гейши

Молодых девушек продают содержателям чайных домиков совершенно так же, как продают и во всякие другие заведения, и возможно, что здесь они находят для себя более подходящее

место. Гейши требуются сюда не ради их внешности и не для чувственных удовольствий. Я не хочу сказать, что хозяин не использует любую из них, когда это ему вздумается. Ведь они находятся в полнейшей его власти. Но главным спросом в этого рода домах пользуются их ум и остроумие. Они получают очень тщательное воспитание и их обучают пению и танцам. В лучших чайных домиках им дают 10% с получаемой с посетителей платы. Их одевают, кормят и снабжают всякого рода косметикой. Долги за наряды бывают чересчур велики, для того чтобы девушки когда-либо могли их выплатить, поэтому в большинстве случаев гейши остаются в доме вплоть до тех пор, пока в них нуждаются. Тем, кто не знает, каким именно способом гейши зарабатывают деньги, я сейчас расскажу в кратких словах то, что слышал лет четырнадцать назад от одной из самых модных гейш Токио:

«Нас приглашают джентльмены для того, чтобы мы их развлекали, и платят нам по часам, причем у нас две категории обязанностей: 1) развлекать во время официальных банкетов и 2) во время частных обедов. Первые носят деловой характер и устраиваются для представителей военного ведомства, для правительственных властей, для известных общественных деятелей и т. д. На всех таких банкетах бывает очень много скучных речей, и на нас обращают очень мало внимания. Я одна из гейш, пользующаяся сейчас необыкновенным успехом, и поэтому столь дорогостою. Обычно трое или четверо из нас бывают особенно в моде, а остальных берут только для того, чтобы составить общее число, необходимое для званого обеда. Наша главная обязанность на таких банкетах следить за тем, чтобы все чашечки были полны сакэ и чтобы гости как можно больше пили. Мы должны стоять на коленях против гостя на противоположной стороне низенького стола, за которым обедают. Время от времени наступают перерывы между танцами, но сидящий за столом джентльмен должен делать вид, что не обращает на это внимания. Неожиданно он делает какое-нибудь шутливое замечание по адресу одной из гейш, и она должна ответить в почтительном тоне и в то же время остроумно. Мы единственные женщины, имеющие право получать от мужчин комплименты и отвечать на них. Остроумие — наше главное орудие.

«Японские женщины за исключением нас, гейш, слышат комплименты исключительно редко. Только в тех случаях, когда мужчина очень стар или девушка очень юна, лестные замечания и комплименты по ее адресу не считаются признаком дурного тона. Мужчина никогда не упоминает о своей жене, семье или о своих друзьях и никогда не говорит о своих привязанностях (не думаю, чтобы они вообще у него были). Муж будет скорее говорить о своих родителях, чем о своей семье, так как родители стоят у него на первом месте, и если бы ему и семье пришлось голодать, то он скорее стал бы просить подаяние для своих родителей, а о жене и детях он и не вспомнил бы. Когда вы приходите

в гости к японцу, то по всей вероятности в этот первый раз он даже и не познакомит вас со своей женой. Мы, гейши, живем в лучших условиях, чем жены и проститутки. Первые должны всю жизнь жить с одним и тем же мужчиной и ничего за это не получать. Вторые должны обслуживать огромное число мужчин, и только очень немногие получают за это плату сами. Нам же приходится иметь дело только с очень немногими мужчинами, и мы часто можем сами выбирать себе того, который нам нравится. Почти у каждей гейши есть свой любовник. Они делают нам подарки, и многие из них бывают очень добры к нам. Мне посчастливилось в том отношении, что хозяин моего чайного домика не требует, чтобы я с ним спала. Хотя, конечно, он всегда может это сделать. Он дает мне очень хорошие проценты за мою работу, — он исключительный человек...

«Официальные банкеты обычно довольно скучны. Частные обеды носят менее торжественный характер и иногда очень забавны. Нам разрешается выпить немного вина, и мы должны быть особенно внимательны к гостям. Мы раскуриваем им папиросы. Они нередко дают нам окурки и позволяют (нам) брать часть их кушаний. Мы обязаны заставлять их пить побольше сакэ. В большинстве случаев они напиваются до-пьяна. Им не полагается до нас дотрогиваться и принимать нас вообще за женщин, но в конце вечера они это делают. Некоторые хозяева чайных домиков заставляют своих гейш исполнять все желания мужчин. Так поступает большинство хозяев. Мне же везет, и я только очень редко бываю вынуждена спать с мужчиной. У меня есть постоянный любовник, который хочет на мне жениться. Моя задолженность слишком велика, и я не думаю, чтобы мне когда-нибудь удалось ее выплатить. Иногда мы ездим на пикники и развлекаем публику танцами и пением. Порой это доставляет мне удовольствие».

7. *Прочие занятия*

Существует несколько других способов, которыми японские женщины зарабатывают себе на жизнь. Всевозможные кафе пользуются услугами громадного числа женщин. Они только номинально числятся служанками. У них без конца всяких обязанностей. Между прочим им полагается следить за тем, чтобы маленькие японские музыкальные ящики были всегда заведены и это потому, что хозяин чайного домика воображает иногда, что его заведение представляет собой точную копию знаменитых ресторанов в Лондоне или Париже.

Среди «павших» женщин существует еще одна группа — в большинстве случаев девушек, — которые хотя бы поверхностно знают английский язык. Они путешествуют из бара в бар и служат переводчицами для «варваров», не знающих японского языка. И здесь дело не обходится без вмешательства полиции. Эти кафе иногда являются причиной понижения доходов владельцев

узаконенных правительством домов терпимости; они мешают им своей конкуренцией, и тогда их полиция под каким-либо предлогом закрывает. Я сошлюсь на следующие слова г. Сато: «Палата торговли и промышленности в Осака сделалась предметом всеобщего одобрения с тех пор, как она признала содержателей кафе врагами общественной морали. Когда хитрые лисы собираются вместе, чтобы защищать честь и благородство, то даже ослы и козлы не принимают их намерений всерьез. Известно, что они являются самыми частыми посетителями так называемых чайных домиков, где едва ли вообще кто-нибудь пьет чай, — домиков, число которых ничуть не меньше широко распространенных здесь кафе. Эти посетители не только оказывают покровительство «веселым» заведениям, но некоторые из них являются их общественными защитниками, — ведь многие из этих посетителей избираются голосами содержателей публичных домов и торговцев живым товаром. Слышать от представителей такой компании речи о необходимости «спасать» общественные нравы — чересчур уже смешно!

«Во всяком случае девушки, обслуживающие кафе, если и уходят подчас с посетителями-мужчинами, то это уж их личное дело. Они пользуются всеми деньгами, которые получают в результате этой добровольной сделки. Нельзя сказать того же о девушках-рабынях. Их продают торговцам живым товаром, которые поступают с ними так же, как мясники с тушами убитых животных, распродавая их желающим за наличные деньги. И не дико ли слышать поэтому из уст патронов таких учреждений патриотические речи о необходимости изгнать все кафе из наших городов?

«Граждане Осаки, да избавит нас бог от наших «охранителей». Вполне правильно поступило Общество реформы женского труда, публично запросив этих «охранителей нравов» — готовы ли они разоблачить также и узаконенную проституцию? Неустойчивые основания «крестового похода» палаты были безжалостно разоблачены этой атакой с фланга. Нужно прежде всего удалить бревно, которое торчит в собственном глазу. В заводских мастерских и на фабриках тысячи молодых девушек трудятся в поте лица за такую плату, которой нехватило бы на пропитание собаки».

На этом я закончу свою главу о японских женщинах. Возможно, что в конце концов гейшам живется лучше, чем каким бы то ни было другим женщинам в Японии: «Они не всегда бывают вынуждены спать с мужчиной. Некоторые из их любовников бывают ласковы с ними. Встречаются хорошие хозяева чайных домиков, которые далеко не всегда заставляют девушек разделять их собственное ложе».

ГЛАВА IX

ПОРОЧНОСТЬ И ЖЕСТОКОСТЬ

Японцы трубят по всему свету, что их страна управляется лучше всех других стран мира и что нигде нет такого порядка. Если это действительно так, то странно, почему этот народ так боится разбойников, шантажистов, наемных бандитов (соши) и полиции? Соши — это профессиональные бандиты, которых может нанять кто угодно. Их иногда содержит определенная фирма. Они распространяют угрозы, вымогают взятки, выступают в качестве штрейкбрехеров, частных соглядатаев, вообще занимаются всем тем, что нужно тем, кто употребляет в дело силу. Большинство из них опытные борцы, знакомые с приемом джиу-джитсу, они не гнушаются даже убийствами при условии хорошей оплаты. Это — частные японские палачи; их орудие — пытка; они — продукт той порочности, которая получила такое широкое распространение по всей империи.

В предыдущих главах я дал много примеров аморальности и подкупности как в политических, так и в деловых сферах. Напомню читателю об утверждении газеты, что «если министра-члена кабинета будут обвинять во взяточничестве, то об этом запрещается упоминать». Я указывал также на примеры той защиты, которую оказывает полиция хозяевам девушек-рабынь и содержателям домов терпимости. Мало что остается прибавить к этому списку пороков, если не считать шантажа. Что касается шантажа, то жертвами его бывают исключительно одни только японцы. Иностранцы крайне редко подвергаются угрозам профессиональных вымогателей. Это бывает только тогда, когда дело касается прав и концессий, но не об этом будет итти речь ниже. Шантаж в Японии — форменный бич каждого делового человека, независимо от того, является ли он директором компании или хозяином своего собственного предприятия. Большинство шантажистов — вымогателей денег — сотрудничает в газетах. Вот что о них говорит Хакино в газете «Адвертайзер»: «Они кишмякишат подобно мухам на прогнившей пище в жаркий летний день. Они не знают стыда. Вы можете их оскорблять, сколько вам угодно, гнать их прочь, если только можете, — все равно

они в ту же минуту вернутся обратно и будут надоедать вам до тех пор, пока вы не вынете из кармана бумажник и не откроете его им. Они разыщут вас на службе, дома, будут ждать с самого раннего утра. Сослаться на свое отсутствие вы никогда не сможете: они будут говорить с вами в то время, когда вы будете садиться в экипаж. Зайдите в приемную любой крупной фирмы и вы всегда найдете там целый десяток этих господ. Ваш отказ повлечет за собой всякого рода оскорбления. Проявите готовность тратить по тысяче иен ежемесячно, чтобы умилостивить всех этих маленьких богов, и к вам на время опять вернется спокойствие». Одни из них будут просить вас поместить объявление в их газете, другие будут просить у вас денег за несколько слов, помещенных в передовой статье. Отказ же ваш без сомнения вызовет появление в следующем же номере крайне неприятной для вашей фирмы заметки. А потом пойдут новые просьбы, отказ в деньгах всякий раз вызовет появление самых возмутительных пасквилей.

Газета «Адвертайзер» открыто обвиняла капитана Амакасу в убийстве, и на это заявление не последовало никакого ответа. Обвинение было без сомнения справедливо, но судебное следствие по этому делу виновности не установило. Нет сомнения в том, что полиция действует за одно с вымогателями или во всяком случае получает известную долю с их выручки. Крайне редко по сравнению с количеством ежечасно совершаемых преступлений привлекают к ответственности виновных в шантаже. Обыкновенный журналист и тот считает возможным потребовать мелкую взятку, если он открывает какой-нибудь скандальчик в обществе, имеющий отношение к человеку, в достаточной степени обеспеченному, чтобы заплатить за молчание. Вот почему в Японии к сотрудникам прессы относятся с презрением и отвращением. Однажды мой близкий приятель собирался подписать контракт с пожилой и очень приятной дамой, отдавшей ему в аренду свой дом. Все уже было почти закончено, когда он упомянул в разговоре о том, что он имел какое-то отношение (очень отдаленное) к одной английской газете, и назвал нескольких ее представителей. Этого было достаточно, чтобы владелица дома категорически отказалась заключить с ним сделку, объяснив это тем, что она происходит из очень хорошей семьи и никто из ее родных никогда не имел дела ни с одним «писакой». Я должен сказать, что в данном случае мой приятель только недавно приехал в Японию и не имел понятия о некоторых странностях ее обитателей. Что же касается женщины, то она знала, что если бы то, что он говорил, оказалось правдой, и если бы он был японцем, то еще вопрос, получила ли бы она деньги за аренду дома или нет.

Я припоминаю один случай преследования за шантаж. Имя шантажиста было Хаджино Бензо. Ему было тридцать девять лет. Он был издателем «Осака Хинод Шимбун» — еженедельного жур-

нала для школьных учителей. Он шантажировал учителей начальных школ, вымогая у них ежегодно более 10 тыс. иен под угрозой раскрыть несуществующие связи с учительницами. Большинство из них попадались на эту удочку и платили ему по 100 иен, чтобы избавиться только от тех неприятностей, какие мог принести им его журнал. Хаджино жил в большой роскоши с одной из гейш, за выкуп которой заплатил 2 800 иен. В одной из статеек журнала Хаджино читаем например: «Некоторые очень боятся, что преступная связь между учителями и учительницами будет обнаружена, но наш журнал всегда готов выполнить долг». Негодяй Хаджино в конце концов попался, но только потому, что он случайно избрал своей жертвой человека, который был физически неспособен к тому, в чем он его обвинял.

Существует еще одна форма шантажа, о которой нужно упомянуть и которая практикуется со стороны полиции по отношению к молодым девушкам низших классов. Я уже говорил о японской полиции и женщинах с острова Формоза. Точь в точь то же самое происходит в каждом большом городе Японской империи. Всякий раз, когда молодая девушка отклоняет домогательства чинов полиции, ее ждет арест и заключение в тюрьму в результате какого-нибудь выдуманного обвинения. По всей вероятности ее «дело» никогда не дойдет до суда. Продержав некоторое время в тюрьме, ее оттуда выпустят, но после снова грозят тем же. В 1926 г. японец из императорской фамилии, встретив вечером на одной из темных улиц Накано-чо молоденькую девушку, попросил указать ему кратчайшую дорогу к ближайшей стоянке автомобилей. Девушка исполнила его просьбу. Внезапно ее спутник схватил ее в объятия. Девушка закричала. Тогда он потащил ее в полицейский участок и обвинил в краже его часов. Перекрестный допрос представляет интерес для жителя Запада. Судья ограничился самыми поверхностными, не относящимися к делу, вопросами, так как тут была замешана видная особа. Первый вопрос касался веры. Очевидно судья надеялся поймать обвиняемую, заставив ее дать показания, оскорбительные для национального культа шинто. На счастье невежество спасло ее.

Судья. Какую религию вы исповедуете?

Девушка. Я верю в бога.

Судья. В бога какой страны?

Девушка. В японского бога.

Судья. В Японии много богов — в какого именно бога вы веруете?

Девушка. Я не знаю.

Судья. Что вы особенно любите? Говорят, что вы любите шоколад?

Девушка. Да.

Судья. А японцев вы не любите?

Девушка. Нет, люблю.

Судья. Но вам не нравятся японские платья?

Девушка. Я надеваю свои японские платья, но оби[1] давит мне грудь и делает больно.

Судья. Зачем вы стригли волосы?

Девушка. Я это сделала, когда мне было всего девять лет.

Судья. Что вы думаете при виде японских девушек в японских платьях с волосами, причесанными в японском стиле? Почему вы не носите японских одежд?

В конце концов преступление было совершено. Член императорской фамилии соблазнил молодую девушку и послал ее семье подарок в качестве вознаграждения, а девушка сделалась проституткой.

Я сказал, что Япония — страна взяточничества. Чтобы покончить с этим вопросом, я сошлюсь на свидетельство самого министра юстиции, г. Хара. Повидимому это человек, обладающий большой долей цинизма. Его пригласили на обед, который был дан представителями Ассоциации трестов и на котором присутствовали все крупные директора банков и коммерческих предприятий. Там он выступил с длинной речью, в которой, сославшись на 261-ю статью Кодекса торгового права, заявил, что «это — единственная статья, которая предусматривает меры наказания по отношению к директорам банков и компаний, но она никогда на практике не применялась». Все сидящие за столами были приятно польщены этими словами. «Но, — продолжал г. Хара, — когда я занял пост министра, я спросил должностных лиц, действительно ли не встречалось еще случая, к которому можно было бы применить эту статью? Мне ответили, что таких случаев было так много, что если бы эта статья была применена, то среди директоров не осталось бы ни одного, который не получил бы наказания». Сказав это, министр занял свое место при гробовом молчании присутствовавших.

Прежде чем останавливаться на продажности японцев, я дал немало примеров их врожденной жестокости. Я говорил о возмутительных условиях жизни на заводах и в домах терпимости, во всех тех коммерческих предприятиях, где на маленьких детей в возрасте от шести лет и старше смотрят как на зверей и подвергают их физическим и нравственным пыткам. Я представил краткий отчет о своих личных наблюдениях во время землетрясения и говорил об убийствах мужчин, женщин и детей. Я рассказывал о капитане Амакасу и о трех задушенных им жертвах. Я говорил о разврате среди священнослужителей буддийской секты ничирен. Я говорил о тех ужасных зверствах, которым подвергали женщин, содержавшихся в больницах умалищенных при храмах. Я мог еще привести не одну тысячу рассказов об отдельных случаях вопиющего варварства и жестокости, но сейчас ограничусь передачей таких фактов, которые могут быть отнесены к разряду каждодневной обычной жестокости, совершающейся

[1] Оби — широчайший японский пояс. — *Прим. ред.*

изо дня в день, из года в год, о которой знает вся страна, но против которой не предпринимают никаких мер.

Прежде всего я расскажу о корабле «Этторофу Мару», принадлежащем компании Тайама. На этом корабле от голода и жестокого обращения умерли семнадцать человек в течение пятидесяти дней. Хозяин этого корабля вместе с капитаном убивали ударами дубин тех из команды, которые от голода не в состоянии были работать, трупы же выбрасывали в море. Команда работала по двадцати часов в сутки, и в течение этих часов плеть беспрерывно гуляла по спинам несчастных. Съестные припасы были всегда гнилыми, и их никогда не давали в достаточном количестве. Люди страдали от всевозможных болезней и нередко сходили с ума. Когда же они становились буйными, то начинала снова работать дубинка, и снова трупы бросались в море.

Не менее ужасна жизнь в японских тюрьмах. Сторожа, набранные из запасных кавалеристов, вооружены длинными дубинками из вишневого дерева, с помощью которых расправляются с заключенными. Многих заковывают в цепи, причем это делают так, чтобы закованный не в состоянии был сделать ни малейшего движения. Существуют в тюрьмах и особые камеры, в которые «набивают» до двухсот, трехсот человек и в которых так тесно, что заключенные не могут двинуться. В таком состоянии их оставляют на неопределенное время. Существуют также и так называемые «водяные» камеры, в которых заключенных держат по двое или по трое суток в воде глубиной более фута. Камера абсолютно пуста — одни только голые стены, и в тех случаях, когда арестованный бывает не в состоянии преодолеть усталости, он ложится на пол и... тонет... В камерах другого типа заключенных в зимнее время раздевают до-нага и ежечасно поливают ледяной водой. Ни о какой медицинской помощи нигде нет и помину. Существуют специалисты, искусные мастера своего дела, всю свою жизнь занимающиеся тем, что вводят под ногти заключенных острые и тонко оструганные бамбуковые щепочки, чтобы этим путем заставить несчастных признаваться в преступлениях, которых они не совершали. Все это имеет место, разумеется, в таких тюрьмах, в которые иностранец-турист никогда не заглядывает. Ему показывают другие образцовые учреждения этого рода, где жестокости не имеют места и где часто заключенные вовсе не преступники, а люди, которых за вознаграждение содержат специально для таких «показных» случаев. Жестокость японцев не имеет предела, и, как я уже раньше говорил, является у них врожденной. Почти каждый день вы можете видеть на улицах Токио какого-нибудь несчастного, которого чернь осыпает побоями и топчет ногами; это не вызывается фанатизмом, которым руководствуется толпа, например, в южных штатах САСШ, где негра за насилие над белой женщиной ждет суровая расправа. Если вы спросите японцев, принимающих участие в таком уличном избиении, почему они это делают, то в девяти случаях из

десяти они вам ничего не смогут ответить. Ими руководит лишь жажда крови, вызываемая их врожденной страстью к жестокостям.

Прирожденная жестокость японцев не удовлетворяется варварским отношением к одним только человеческим существам. Они мучают также и беззащитных животных и находят удовольствие в их тщетных усилиях вырваться из рук мучителей, в их предсмертных криках и визгах. Во время «недели поимки собак», организуемой ежегодно в Токио, когда всех заблудившихся животных собирают на один определенный пункт, и одних убивают, а других продают, происходят самые ужасные сцены. Пятнадцать лет назад при виде этого зрелища меня, к большому удовольствию собравшихся, вырвало на глазах всей толпы. С тех пор я всегда старался не выходить из дому в те дни, когда происходит эта гнусная ловля собак. За каждую собаку платят 30 центов,— живую или мертвую безразлично, — и в течение всей той недели толпа находит массу предлогов для веселья и смеха. Вне столицы, по свидетельству г-жи Дуглас Адамс, народ добрее, чем в городах, и сцены такой жестокости там реже. Вот что она говорит: «Было бы восхитительно никогда не выходить из себя и не сердиться ни на что на свете, но как можно сдержать себя например при виде прекрасной собаки, которая повешена за шею на дереве и которая тщетно борется со смертью, в то время как толпа зевак весело хохочет, глядя на агонию несчастного животного». Но сказать, чтобы вообще в провинции были добрее, можно только с большой осторожностью. Вот что говорит газета «Кроникл» в своем отчете об одной сцене в Кобэ: «В этот четверг произошла ужасная сцена поблизости с почтовым отделением на улице Санномойи. Действовали местные живодеры. Они уже поймали двух собак и гнались за третьей, пытавшейся скрыться в канаве. Чтобы пойманные собаки не мешали, их связали и перебили у каждой по две ноги, чтобы предупредить всякую попытку к бегству. К такой возмутительной жестокости обычно прибегают всякий раз, когда, поймав одно животное, гонятся по следам другого. Вслед за тем живодеры принялись наносить удары той собаке, которая тщетно старалась от них спрятаться в канаве. Они били ее, сопровождая удары веселыми возгласами, и их удовольствие разделяли все зрители, собравшиеся полюбоваться этим зрелищем и громко хохотавшие при виде этих жестокостей, сопровождавшихся отчаянным визгом и стонами несчастных животных. Тут же стояли полицейские, и если они и не выражали никаких признаков удовольствия, то равным образом лица их не выражали никакого протеста. В конце концов живодеры отправились дальше, таща за собой жалобно визжавшие жертвы, которые итти конечно не могли и которых они волокли по дороге».

Пойманных собак бросают обыкновенно в так называемый собачий пруд. Я не видел такого пруда в Кобэ, но я молю все-

вышнего, чтобы он не был похож на тот, который существует в Токио, где собак избивают до смерти дубинками или всячески уродуют, разрезав их на части и радуясь их визгу и наслаждаясь их агонией. Несколько лет назад несколько человек иностранцев подали жалобу на живодеров в полицию, и спустя некоторое время полицией было объявлено, что этот пруд очищен и приведен в порядок. С своей стороны я заявляю, что пять лет спустя опять приезжали иностранцы, и вот что они написали в письме, помещенном в «Адвертайзер»: «Целая гора трупов щенят была найдена в одном темном колодце. Внизу лежали трупы повидимому давно уже околевших щенят, выше корчились в судорогах, хрипели и визжали еще живые. На самом верху находился очевидно только недавно брошенный туда щенок, смотревший на нас с невинным щенячьим выражением в глазах. На шее его красовалась яркая красная ленточка. Не понимаю, почему он не визжал от боли, так как одна из его передних лап была оторвана и кровь била ключом из ужасной раны».

Имеются другого рода живодеры, которые рыщут по ночам и ловят кошек. В Японии на кошек большой спрос. Между прочим для японского инструмента «самизен», на котором аккомпанируют танцам гейш, требуются струны, которые выделываются из кошачьих жил, и каждая кошка стоит поэтому не менее 30 сен. Ловцы кошек употребляют в дело специальные орудия, похожие на рыболовные удочки; она насаживают на зубчатые крючки маленьких рыб, и когда несчастные животные, почуяв еду, хватаются за приманку, «рыболов» сильно дергает за веревку и тянет к себе шипящую, царапающуюся и воющую кошку. Когда же она оказывается всего в нескольких футах от него, он начинает действовать с большой осторожностью и, вытащив какое-то подобие копья, вонзает его в животное, а потом разбивает ему череп.

Я знаю несколько случаев, свидетельствующих о любви некоторых японцев к животным, и об одном из них сейчас расскажу. В зоологическом саду Асакуза содержалась обезьяна, к которой сторожа относились хорошо. Это была большая любимица сторожей и публики, изощрявшаяся в уменьи воровать все, что только ей попадало под руку. Сторожа очень часто клали что-нибудь съестное в клетку медведя, после чего выпускали обезьяну из ее клетки. Обезьяна тотчас же отправлялась в гости к медведю и воровала самые лучшие из принесенных ему фруктов. И вот однажды медведь поймал обезьяну и убил ее одним ударом своей лапы. Я уже упоминал о том, что сторожа любили эту обезьяну. Цитирую из «Кроникл» описание конца этой истории: «Войдя в клетку медведя, сторожа привязали его таким образом, чтобы он не мог двинуться с места. Потом они раскрыли ему пасть и ударами молотка выбили ему зубы. Большими железными щипцами они начали потом вырывать куски мяса из его тела, проделывая это до тех пор, пока он не умер от потери крови».

Я мог бы продолжать до бесконечности все эти рассказы о бесчеловечности существ, называющих себя людьми: о воспитателях, которые, для того чтобы добиться повиновения, колют своих трех-и четырехлетних воспитанников раскаленными железными гвоздями; о том, как наемные бандиты отрезали ноги известной актрисе Мурата в наказание за то, что она осмелилась выступить против фабрикантов в защиту работниц-рабынь. И они не просто отрубили ей ноги, но медленно резали их по кускам, они выжидали каждый раз, чтобы потерявшая сознание Мурата пришла в себя и снова продолжали свою работу. Как я уже сказал, жертва была актрисой и, лишившись ног, она лишилась и заработка.

В XVI в. Арнольд Монтан писал, что «японцы находят наслаждение в жестокостях, кровопролитии, и т. п.». С тех пор они очень мало изменились, но это «очень малое» все же составляет «нечто». Так, некоторые из них научились извлекать выгоду из своей жестокости. Я не хочу этим сказать, что случай, о котором я сейчас расскажу, представляет собой такое же обычное явление, как те, о которых я рассказывал раньше. За достоверность моего рассказа однако я ручаюсь. Японец, о котором идет речь, побывал в Англии, был очень богат и потерял все свое состояние. Живя в Англии, он убедился в любви англичан к животным и, вернувшись в Иокагаму, использовал свое знание. Он приобретал старого баклана и при встрече с каким-нибудь туристом-англичанином начинал его мучить. Он предлагал ему купить птицу за 50 сен. Тот отказывался. Тогда японец вырывал из туловища птицы целую горсть перьев и предлагал купить ее за 75 сен. Путешественник отказывался вновь. Он не понимал что все это значило, он думал, что перед ним сумасшедший или что перья бакланов в Японии очень ценятся. Он хотел продолжать свою прогулку, но японец останавливал его и опять предлагал ему птицу за еще более дорогую цену. Затем он, громко смеясь, вырывал у нее глаз. Когда птица начинала кричать, он просил за нее уже две иены. Иностранцу делалось дурно. Он делал попытку скорее уйти от этого зрелища. Тогда японец, вырвав у птицы язык, просил за нее три иены, потом разбивал верхнюю часть ее клюва и, получив от иностранца 4 иены, услужливо убивал ее. Возможно, что он зарабатывал таким способом на хлеб. Не знаю. Я рассказал об этой истории профессору университета в Киото. Единственное, что он сказал мне на это, было: «Да ведь, судя по вашим словам, он выучился этому в Англии».

ГЛАВА X

РОСТ ПАТРИОТИЗМА ПОСЛЕ РЕСТАВРАЦИИ

СЧИТАЮТ, что открытие Японии произошло в 1868 г., но фактически это случилось в 1854 г., когда адмирал Перри, командующий флотом Американских соединенных штатов, вошел со своей эскадрой в запрещенные воды почти неизвестных еще островов Ямато. До этого времени Япония оставалась в течение двух с половиной столетий как бы герметически закрытой для всякого контакта с иностранцами. Это был роковой день, когда «черные суда» варваров вошли в японские воды, и адмирал Перри предъявил официальное требование открыть японские порты для торговли с Америкой. Новость о десанте с быстротой молнии распространилась по всей империи, несмотря на полное отсутствие средств сообщения. Точно электрический ток пробежал по нервам народа, и с этого момента началось объединение различных групп разрозненного до тех пор народа, известного под именем японцев. Раздробленные на кланы и руководимые родоначальниками отдельных кланов, японцы постепенно организовались в один народ с одними мыслями, с одним общим чувством. Процесс духовной консолидации естественно не мог совершиться в один какой-нибудь день. Было еще немало таких, которые жаждали возвращения к власти прежних феодалов — крупных и мелких, — главой которых был узурпатор Токугава — генерал из Иедо. Кровопролитие и всякого рода бедствия были неизбежным следствием такого крупного социального переворота. Только в одном существовало полнейшее единство — это во враждебном отношении ко всему чужеземному. Все единодушно сходились на том, что ни один варвар не должен получить ни концессий, ни власти на территории священных земель Японии.

Бесчисленные покушения на иностранцев, из которых многие были удачны, объясняют нам психологию всего населения как той части, которая стремилась к реставрации божественного даири или императора, так и той части, которая приложила все усилия к тому, чтобы сохранить старый режим, существовавший в стране в течение последних 250 лет — режим шогуната. На всех этих японских правителей как крупных, так и мелких больше всякой дипломатической болтовни производила впечатление демонстра-

ция варварами их военной мощи, их корабли, обладавшие орудиями, способными нести опустошение по воздуху и разрушать все на огромном расстоянии. Демонстрация этой грозной западной силы и страх перед ее повторением только и заставила господ японских феодалов итти на соглашение с отдельными державами, которые посылали своих уполномоченных, добиваясь открытия портов и разных других уступок. Наконец, рискуя вызвать открытый бунт и гражданскую войну, последние правители различных провинций решили передать бразды правления в руки потомка богов, который родился в древней столице, в Киото, и которого там всю жизнь держали вдали от людей, аналогично тому, как это делали с его божественными предками. Таким образом в 1868 г. божественный юноша, впоследствии известный под именем императора Мейдзи, снова взял в свои руки власть «над всеми землями Ямато», которые его небесная прародительница, богиня солнца, более двух тысяч лет назад навеки передала его династии, ему самому и его потомкам.

С этого дня, который является переломным пунктом в судьбах Японии, началась новая эра. Создалось новое умонастроение, выработались новые черты характера, появилось стремление к власти, решительность и главное — возникла новая религия — неошинто. Тотчас же после этого началось усиленное подражание Западу. Японская молодежь упражняла свои непривыкшие к такому делу мускулы и умы, стараясь одолеть множество непонятных вещей, с которыми нужно было ознакомиться, для того чтобы на обломках феодального строя в островной стране создать современную нацию. Восстановленный в своих правах император Мейдзи издал два знаменитых указа. Первый из них приказывал вождям и учителям народа «отправиться по всему свету и собирать знания». Другой указ, по всей вероятности менее известный, но оказавший несравненно большее влияние на психологию каждого японца, восстанавливая шинто. С этого дня, отмеченного красным в календаре, шинто превратилось в неошинто, и буддизм, являвшийся японской религией в течение более 1 300 лет, был уничтожен простым наложением императорской печати на клочке бумаги. С тех пор буддизм склонялся все ниже и ниже перед всепоглощающей, ни с чем не считающейся силой, которая управляет всяким японцем, — Ямато-дамаши, или неошинто.

С такой же закономерностью, как зима сменяется весной, новый дух, охвативший Японию, вызвал стремление к власти и завоеваниям. Все государственные деятели мечтали о власти; каждому кадету и гардемарину мерещились завоевания. Такое настроение неминуемо должно было где-нибудь прорваться. Выход вскоре нашелся в виде войны с Китаем. Это был первый робкий шаг, который потом так часто повторялся, что весь мыслящий мир с изумлением стал себя спрашивать, к чему это приведет. Появление этого нового идеала, мужественного и поразительно действен-

ного, вскоре стало сказываться не только в том, что Японией были восприняты у западной цивилизации научные способы разрушения. Японцы сознательно стали увеличивать свое население. Они занялись размножением избранного народа — детей богов в стране богов. Аборты постепенно сокращались. Детей уже не убивали, им давали свободно рождаться, расти и бороться за Ямато-дамаши. Будет справедливо и логично, если мы скажем, что японская нация в том виде, как мы ее знаем теперь, возродилась в 1868—1871 гг. Все чуждые духовные влияния были уничтожены, и Ямато-дамаши стали поощрять и охранять превыше всего. Под покровом старого шинто, которое теперь превратилось в неошинто, патриотизм стал модным в стране во всех классах общества.

По всей вероятности большинство западных читателей более или менее знакомо с историей современной Японии. Пусть они сопоставят то, что имеется на сегодня, с тем, что было тогда, и проследят рост и экспансию японского государства. Тогда и теперь — это как будто две разные страны, населенные двумя разными народами. Метаморфоза началась с русско-японской войны 1904 г. Но первый шаг был сделан уже за 10 лет до этого, когда Япония победила Китай в войне 1894/95 г., начавшейся из-за разногласий относительно Кореи и закончившейся Симоносекским договором, по которому к Японии отошел Квантунский (Ляодунский) полуостров. Но Япония не долго наслаждалась обильными плодами этой легко доставшейся ей победы. Вмешательство России, Франции и Германии заставило Японию вернуть Китаю его суверенные права на Ляодунский полуостров. Это вмешательство иностранных держав вызвало ожесточенную злобу против иностранцев и еще более сплотило японский народ. Японцы еще более укрепились в убеждении, что варвары должны все меньше и меньше вмешиваться в дела божественной нации. С этого времени правительство прилагает еще большие усилия к тому, чтобы вдохнуть новый дух патриотизма в японскую молодежь. Правительство приобрело средства для индустриализации страны путем вывоза шелка-сырца, оно провело на основе индустриализации реорганизацию военных сил как в части человеческих ресурсов, так и в части механических средств уничтожения, оно пополнило казну, ***готовясь к другой войне с более честолюбивыми замыслами экспансии и завоеваний.*** Эта война не заставила себя долго ждать.

Японию ни на минуту не покидало горькое воспоминание о богатых землях на Ляодунском полуострове, которые были у нее отобраны главным образом вследствие дипломатических происков России и при помощи русских денег. Теперь Япония сконцентрировала все свое внимание на возвращении обратно утраченной территории. Армия и флот были усилены и приобрели еще больший престиж, чем прежде. Ямато-дамаши продолжало развиваться, национальный дух становился все более непоколебимым и фанатичным. Населению внушалось представление о «святости

жертвы». В 1896 г. Россия заключила тайный союз с Китаем, всего лишь через год после того, как Япония главным образом по ее настоянию была вынуждена вернуть свою богатую добычу. По союзному договору Россия обязалась помочь Китаю уплатить контрибуцию за войну и взамен получила право построить железную дорогу на китайской территории, что обеспечивало ей прямое сообщение между Читой и Владивостоком. Сибирская железная дорога получила на 80 лет в свою эксплоатацию большую железнодорожную линию; по истечении этого срока она должна была перейти в собственность Китая. Китаю предоставлялось выкупить железную дорогу по истечении 36 лет по обусловленной цене. Русская железнодорожная компания толковала свои права значительно шире, чем этого хотели китайцы, и в конце концов сосредоточила в своих руках почти всю суверенную власть в городах и сельских округах, входивших в сферу влияния компании. В 1898 г. был сделан следующий шаг, приблизивший надвигавшиеся события к развязке.

Россия в это время добилась предоставления ей аренды на весьма важную часть Ляодунского полуострова, который Япония вынуждена была вернуть Китаю всего за три года до того. Вместе с тем Россия получила концессию на сооружение ж.-д. ветки, соединяющей Харбин в Северной Манчжурии с крайним пунктом Ляодунского полуострова, который русские называли Дальним и который теперь именуется Дайреном. Кроме того Россия получила разрешение провести железную дорогу до Порт-Артура и построить там морскую базу. Дальний был объявлен вольной гаванью. Таким образом иностранная и к тому же белая держава получила в свое распоряжение морскую базу и порт, которыми раньше стремилась овладеть Япония.

К этому времени Япония была уже не просто «Ниппон», а называлась Дай Ниппон, и опасная болезнь, которая с того времени развилась с такой поразительной силой, глубоко засела в умах руководителей дворянско-помещичьих групп. С этого времени они стали строить самые широкие планы. В японском парламенте никогда не существовало настоящей оппозиции в том смысле, как мы понимаем оппозицию на Западе, и честолюбивые стремления Японии мало менялись от того, какая группа стояла у власти. Японские политические деятели никогда не утруждали себя изучением весьма необходимой им науки, именуемой психологией. Им не приходилось до этого времени иметь дело с другими расами, и они не понимали, что руководителю совершенного государства знакомство с психологией необходимо. Они кое-как усвоили технику заключения союзов: последствия таких союзов они ощущали на себе — на опыте с Китаем и с Россией. К несчастью они делали лишь робкие попытки и по-настоящему не уяснили себе значения слова «союз». Они восприняли его без всякого анализа и занялись подготовкой Англо-японского союза Этот исторический союз был заключен 30 января 1902 г. Чувство

безопасности, которое автоматически создалось благодаря этому союзу, придало Японии новые силы и внушило ей новые надежды, в особенности начальникам армии и флота. Япония внимательно следила за каждым движением великой России, которая видимо стремилась забраться в самую глубь Корейского полуострова. В 1903 г. Япония потребовала от России, чтобы та вывела свои войска из Манчжурии. Другие великие державы оказали ей моральную поддержку в этом требовании. После того как дипломатические переговоры ни к чему не привели, Япония 10 февраля 1904 г. объявила войну императорской России. Напряженная борьба за преобладание в Манчжурии и в Корее продолжалась 19 месяцев. Главным образом благодаря стараниям правительства САСШ и президента «Тедди» Рузвельта был заключен Портсмутский договор, по которому Россия уступила Японии все свои специальные права и привилегии в Южной Манжурии; сюда входили аренда территории, железные дороги и угольные копи. Сфера русского влияния была отодвинута назад и ограничена северной частью Манчжурии.

С 1894 по 1910 гг. руководители Японии, можно сказать, совершенно не думали о корейском народе. Их нисколько не интересовала психология туземцев. Им нужны были естественные богатства Кореи, главным образом из-за них Япония воевала с Китаем. В 1910 г., когда после успешного завершения Портсмутской конференции Япония стала твердо на ноги, она произвела полную аннексию Кореи, где живет народ, отличный по своему характеру от японцев и китайцев, народ, который всегда находился под чужестранным гнетом. Японцы и по сие время знают о корейцах не больше, чем знали тогда, когда в 1910 г. захватили весь остров «утренней тишины» (Корею).

Удачная война с Россией оказала огромное влияние на умы японцев. Успех превысил все ожидания, и к наименованию Японии была прибавлена вторая приставка «Дай». Теперь она называлась «Дай Дай Ниппон»; к этому даже было еще прибавлено «Банзай». Весь народ был опьянен победой. Японцы считали, что теперь для них не существует ничего недостижимого. К несчастью Япония стала баловнем всего мира. По всей вероятности очень и очень немногие уяснили себе, что вмешательство президента Рузвельта вывело японскую нацию из весьма критического положения. Ее армии и прочие ресурсы находились в состоянии крайнего истощения. Россия находилась в чрезвычайно невыгодном положении вследствие того, что ей приходилось переправлять солдат, лошадей, пушки через обширный континент, где зимы были страшно жестоки. Но внимательные наблюдатели, находившиеся в Манчжурии к концу войны, до сих пор остаются при том мнении, что если бы война затянулась еще на непродолжительное время, то исход ее был бы совсем иной. Однако японский народ и весь мир считали, что великая Россия была побита маленькой Японией.

Неошинто предстало теперь в новом облачении. Оно превратилось в настоящее Ямато-дамаши, приобрело чисто национальный и патриотический облик. Оно превратилось в политическую философию, всецело владеющую умами японцев. Это была пожалуй величайшая психологическая метаморфоза, какую когда-либо переживал народ. Но, как всегда бывает при глубоком и продолжительном душевном напряжении целого народа, это породило национальную истерию. Именно национальной истерией и страдают в настоящее время новые группы, стоящие у власти. Микроб японского патриотизма появился уже в 1907 г., когда милитаристические группы попытались подчинить себе государство. Тогда им это не удалось, но они не отказались от своей миссии. Эти чувства попрежнему владеют всеми командирами армии и флота, это факт и факт весьма опасный. Милитаристы со времени Портсмутского договора только и думают о захвате власти, для того чтобы затеять войну по своему усмотрению. Наполеоновская доктрина стала их евангелием, японский маккиавелизм — источником их вдохновения. Великий Ясукуни-Джинджа, храм шинто, в котором совершаются национальные обряды поминовения солдат и моряков, умерших за родину, — стал центральным собором Ямато-домаши. Здание генерального штаба расположено таким образом, что из окон его видны два самых священных пункта в империи, т. е. священных с точки зрения штабов, — это дворец императора и храм, о котором мы только что говорили. Эти две эмблемы сосредоточивают на себе все душевные помыслы штабов. Здесь под покровом тайны происходят важные совещания. Значение штабных в Японии представляет собой нечто совершенно непостижимое.

Все силы своего ума штабные сосредоточивают на верности этому храму и на преданности императору. Кроме этих чувств у них в жизни нет никакого содержания. Шинто заставляет их верить, что всякая война будет способствовать славе Японии. Они искренно убеждены, что власть должна принадлежать им, что всю нацию надо готовить к войне, чтобы она по первому требованию могла взяться за ружье. Они стремятся управлять всем миром и медленно, но верно делают первые шаги в этом направлении. Как я уже сказал, дворянско-помещичья группа уже в 1907 г., через два года после русско-японской войны, предприняла первую попытку захватить в свои руки бразды правления. В то время еще не была завершена широкая и далеко вглубь проникающая сеть организаций, необходимая для такого переворота. Тайные группы, которым впоследствии было суждено сыграть такую драматическую роль в самой Японии и Манчжурии, еще не были сплочены и не объединились со штабами. Но честолюбивые стремления уже были налицо, и соответствующий дух проник в среду, которая оказалась к нему чрезвычайно восприимчивой. Япония была охвачена патриотизмом, фанатическим и нетерпимым, а война и патриотизм неразрывно связаны. Теперь можно

было похоронить старое шинто. Патриотизм стал божеством для народа, для штабов и для групп, действовавших за кулисами. Патриотизм насаждался школами, университетами, колледжами. Мысль о завоеваниях стала маяком, освещавшим духовный путь нации. Запад в данном случае заслуживает большого порицания. Союз Японии с Великобританией был еще популярен в стране и не считался помехой для политики Ниппона. В 1910 г. Япония окончательно аннексировала беспомощную Корею с населением, составляющим теперь около 19 млн. человек. Аннексия была проведена в чисто японском духе. Яд, подкуп, поджоги, пытки — все было пущено в ход. Политическими героями в данном случае явились: во-первых, великий принц Ито, тот самый, который написал конституцию Японии и составил к ней комментарий; вторым был генерал Миура, который был возведен в святые еще при жизни за то, что объединил в себе Екатерину Медичи и Лукрецию Борджиа, и который был фактическим убийцей корейской королевы.

За этим вскоре последовало завоевание или вернее захват Формозы. Всего этого не было бы, если бы не существовало союза с Великобританией. Корея также была обречена на гнет, который с тех пор не прекращался. Японцы всегда будут плохо обращаться с покоренными ими народами. Это у них в крови. Они жестоки по натуре. Им доставляет удовольствие кровопролитие и не только тогда, когда они охвачены пылом войны или бешенством. Они могут смеяться с полным удовольствием, слыша предсмертные стоны, все равно, умирает ли мужчина, женщина, ребенок или животное. Они в высокой степени бесчувственны, и их стремления к завоеваниям являются результатом того, что западная цивилизация застигла их внезапно, когда они находились еще в примитивном состоянии. До реставрации они занимались междоусобными войнами. В 1868 г. они объединились, но жажда крови и военной славы еще не исчезла у них. Новое Ямато-дамаши развивается в Японии во всех классах. Шумливый патриотизм шовинистов проявил себя в подлинной своей сущности. Англо-японский союз явился возбуждающим средством, которое помогло усилению фанатизма как среди военных, так и среди штатских. Было возрождено почти забытое уже понятие о божественности царствующего императора. Буддизм перестал быть политическим фактором. В страну на короткое время нахлынули западные учителя, которые заложили фундамент для современной Японии. Патриотизм был действительно единственным противоядием, при помощи которого правители могли воспрепятствовать тому, чтобы нация погибла в пропасти, имея с одной стороны, старую религию, а с другой — «дьявольское» западное влияние. У японцев ум всегда направлен в одну сторону. Индивидуализм не свойственен Японии. В течение столетий японцы жили кланами и управлялись кланами. Даже в настоящее время в сельских округах семейный строй силен, как и прежде. Поэтому весь народ мог с легкостью вступить на путь патриотизма. Всякое движение

внутри страны и за границей могло прикрываться флагом шинто в его новой форме. Япония подготовляла путь для осуществления военных планов. Каждый раз когда господствующее положение занимали штабные группы или вернее когда в штабах господствующее положение занимали известные лица, прибавлялась еще ступенька к лестнице, которая вела в этом направлении.

С господством военных групп обыкновенно совпадало движение вперед по пути аннексии. Сначала захват Формозы и Кореи, потом предъявление 21 требования Китаю. Когда Япония предъявила 21 требование, у Англии были свои немалые заботы, и Япония нашла, что союзный договор с нею имеет больше неудобств, чем выгод. Она уже настолько выросла, что не нуждалась более в этом союзе. Все требования были предъявлены Японией в те годы, когда дворянско-помещичья группа была особенно сильна. Здесь хронологические даты говорят сами за себя: 1905—1911, 1915—1917, 1917—1918 и с 1931 г. до настоящего времени. Последний период еще не закончен. Японцы требовали и требуют предоставления себе в Манчжурии «особого положения». Невзирая на протесты всего мира, они прибавили к своей лестнице еще одну ступень. Недалек уже тот день, когда они потребуют предоставления им всего Китая. Это тоже будет облечено в аналогичную формулу «особого положения». Япония — единственная нация, которая извлекла пользу от великой войны. Она понимает, что другие государства не хотят войны или не подготовлены к ней, и поэтому она спешит осуществить свои планы на Востоке. Применение принудительных методов в Манчжурии фактически началось в тот момент, когда Япония окончательно связала по рукам и по ногам Корею и ее население. Но впервые недоверие к Японии проснулось в 1915 г., когда остальной мир был слишком занят войной в Европе и не мог обращать на Японию должного внимания. Предъявление 21 требования имело целью заставить Китай продлить Японии срок аренды Квантунской территории в Южной Манчжурии и концессии на Южноманчжурскую железную дорогу и Антун-мукденскую железную дорогу, которые ей были первоначально предоставлены на 25 лет. Далее Япония требовала предоставления преимущественных прав по всем займам для железнодорожного строительства в Южной Манчжурии и во Внутренней Монголии, а также права назначить японских советников во всей Южной Манчжурии. Япония хотела также получить исключительные права на разработку горных промыслов, право поселения, неограниченное право аренды земли и занятия торговлей, что было почти равносильно предоставлению монополии на уголь и железо в богатой долине реки Янцзы, этой Рурской области Востока. Наконец Китай должен был обязаться получать все свое военное снаряжение и промышленное оборудование из Японии. Последнее требование было несколько наивно. Если бы САСШ не вмешались, то Япония представляла бы еще большую угрозу, чем это есть в действительности.

В мировую войну Япония вступила только после жестокого торга с союзниками. Она требовала, чтобы после окончания военных действий за ней осталась важная германская концессия в Циндао на китайском побережьи Желтого моря, являющемся воротами к Японии. Кроме продиктованного эгоистическими побуждениями захвата этого маленького клочка земли, где кстати сказать Японии помогали британские войска, помощь Японии ограничивалась по преимуществу защитой торговых судов союзников с помощью японских истребителей. Когда в 1916 г. начало казаться, что Германия может выиграть войну, все симпатии Японии перекинулись на сторону Германии. На улицах в Токио толпа громко требовала разрыва англо-японского союза, германские генералы стали героями минуты, а английских солдат изображали трусами, бегущими от врага. Японии не нужны слабые друзья. Многие авторы, японские и иностранные, уверяют, будто исключительным свойством японской нации является «бусидо» или кодекс рыцарства. Это одно из излюбленных положений японских пропагандистов. Я не понимаю, как можно назвать рыцарским народ, столь предательский и жестокий, в такой мере лишенный почти всяких подлинных чувств, как японцы, обладающие столь зверскими привычками и наделенные такой опасной фанатической самоуверенностью.

ГЛАВА XI

МАНЧЖУРСКИЙ ВИНЕГРЕТ

1. Манчжурия и ее роль в истории

ИСТОРИЯ МАНЧЖУРИИ является частью истории Китая. Первое упоминание об этой территории встречается в XII в. до нашей эры. Развитие Манчжурии представляет один из наиболее интересных отделов китайской истории. Однако в задачи этой книги не входит описание развития Манчжурии, начиная с древнейших времен. Все же интересно отметить, что еще до эпохи неолита, Южная Манчжурия как в расовом, так и в культурном отношении представляла собой одно целое с Северным Китаем. Начиная с конца XII столетия до нашей эры, Корея и часть Южной Манчжурии управлялись династией китайского происхождения. По-настоящему Китай взял в свое управление эту область приблизительно в IV столетии до нашей эры и окончательно упрочил ее за собой при династии Хань после завоевания Манчжурии императором У в 109 г. до нашей эры. В это время многие китайцы из Собственно Китая за Великой стеной переселились в Ляодун, и элементы китайской культуры и искусства все более и более усваивались племенами, подпавшими под власть Китая. В продолжение более четырех столетий Южная Манчжурия являлась составной частью Китайской империи. К этому времени она уже в значительной мере усвоила китайскую культуру. Манчжуры легко смешивались с населением Собственно Китая, и постепенно манчжуры и китайцы превратились в одну нацию. Однако только с начала династии Мин Манчжурия снова управлялась как часть китайской империи. Это произошло в конце XIV столетия и продолжалось до настоящего времени, когда Япония, нарушив все мирные соглашения и свои обязательства по отношению к Лиге наций и САСШ, вторглась в Манчжурию. Только в середине XVII столетия был небольшой перерыв, когда произошла смена династии китайских императоров. Но если не считать этого перерыва, Манчжурия находилась под непосредственным управлением китайской империи в течение более чем пяти столетий.

Центром китайского влияния в Манчжурии были главным образом Ляодунский полуостров и долина реки Ляо. Первый всегда

был излюбленным местом для переселенцев из Китая, и, начиная с правления династии Мин, число этих переселенцев быстро росло. Благодаря им подвластные Китаю племена на севере усвоили культуру Китая и в конце концов были поглощены китайской нацией. Так называемые манчжуры состояли первоначально из нученов, монголов и китайских переселенцев из застенного Китая. Они дали китайскую династию Цинь и не представляют собой расы в этническом смысле этого слова. В 1644 г. династия Цинь сменила династию Мин, но в управлении Манчжурией это не вызвало никаких перемен. До конца XIX столетия Манчжурия наслаждалась миром и благоденствием, и население ее значительно возрастало. Первоначально управление этой территорией носило военный характер, и Мукден стал второй столицей империи. В 1791 г. переселенцы впервые получили доступ в западную часть Гирина, а впоследствии им стала доступна и Северная Манчжурия. В конце прошлого столетия движение китайских переселенцев на север пошло более быстрым темпом. Когда выявилась угроза со стороны России, то эмиграция в Хейлуцзян стала усиленно поощряться в целях укрепления границы. Большинство этих переселенцев были родом из Шандуна. К 1907 г. китайских крестьян можно было найти повсюду в Манчжурии, и явилась необходимость в более организованной и систематической гражданской администрации. В это время Манчжурия делилась на «Три восточных провинции», и под этим наименованием она известна китайцам. Южную часть ее составляла провинция Фынтян, восточную — Гирин и северную — Хейлуцзян. Последняя провинция является наиболее обширной и занимает больше половины территории, которую мы называем Манчжурией. Естественные богатства Манчжурии огромны, но еще почти совершенно не эксплоатировались. Она богата минералами, имеет уголь, железо и золото, а перспективы сельского хозяйства здесь грандиозны. В Манчжурии имеются огромные лесные массивы, особенно в северной части. На западе Манчжурия граничит с провинциями Хэбей, Внешней и Внутренней Монголией. На востоке, северовостоке и северо-западе Манчжурия соприкасается с советской Сибирью. Небольшая часть восточной границы проходит через Корейский полуостров, а южной оконечностью Манчжурия подходит к Желтому морю.

По своим размерам Манчжурия приблизительно равна Франции и Германии вместе взятым, и площадь ее составляет 360 тыс. кв. миль, а пограничная линия — около 3 250 миль, или приблизительно столько же, сколько составляет граница между Соединенными штатами и Канадой. Население определяется цифрой несколько выше 30 млн., из коих 29 млн. составляют китайцы, около 800 тыс.— корейцы, 150 тыс.— белые — русские. Японское население, которое главным образом связано с Южноманчжурской железной дорогой, определяется приблизительно в 220 тыс. Оно быстро растет и теперь к нему надо присоединить новый тип

переселенцев: в каждой части правительственного аппарата нового государства, именуемого японцами Манчжоу-Го, имеются тысячи солдат, военных инструкторов и японских чиновников. При рассмотрении Манчжурии с точки зрения переживаемых ныне тревожных событий представляется целесообразным включить в наше рассмотрение и территорию Внутренней Монголии, которую Япония захватила во время своего предварительного похода в Китай в 1933 г. Столицей Внутренней Монголии является Жэхэ — город, ставший недавно известным благодаря осаде и взятию его японцами. В этом районе имеются монголы и другие племена, обыкновенно находящиеся на кочевьи; по своему влиянию и численности они не представляют значительной величины.

Та часть Манчжурии, которая прилегает к Желтому морю и Чилийскому заливу и которая известна под наименованием Квантуна, передана Китаем Японии в арендное пользование. Первоначально срок аренды был установлен в 25 лет, но в результате 21 требования 1915 г. срок этот был продлен еще на 74 года.

В этом важном районе Южной Манчжурии находятся порт и город Дайрен и чрезвычайно ценная морская база Порт-Артур. Развитие этих городов следует отнести за счет России, но после окончания русско-японской войны, дипломатическим завершением которой был Портсмутский договор 1905 г., они были переданы японцам. В следующем году декретом японского императора была организована Южноманчжурская железная дорога. Она находится в распоряжении японцев и по своему значению может быть названа государством в государстве. В настоящее время Южноманчжурская дорога является в экономическом отношении хозяином всей Южной Манчжурии, а главное управление ее находится в столице Японии. Японцы добились совершенно исключительных прав и неограниченно распоряжаются на всей территории, по которой проходит железная дорога. Железнодорожная администрация имеет право облагать налогами, организовывать школы и всякого рода предприятия общего пользования в главных городах, расположенных в железнодорожной зоне и в густо населенных частях таких больших городов, как Мукден или Синьцзин, являющийся столицей нового государства Манчжоу-Го, находящегося под контролем японцев. В представлении японских штабов и почти всего населения Манчжурия такая же часть Японской империи, какими являются Корея и Формоза. Единственная разница заключается в том, что Корея и Формоза признаны всем миром как японские колонии, Манчжоу-Го же продолжает считаться еще собственностью Китая. Это непризнание другими государствами не составляет существенной разницы с точки зрения народа, который приписывает себе божественное происхождение. Для большинства японской нации это является первым шагом для покорения Востока; это предварительный шаг для завоевания мира при помощи штыков.

2. Развитие Манчжурии при китайской власти

Повидимому существует общее мнение, что Китай не делал никаких усилий или по крайней мере прилагал очень мало усилий для развития Манчжурии. Отсюда вытекает сочувствие Японии, несмотря на резкое осуждение применяемых ею методов. Это впечатление создано главным образом настойчивой японской пропагандой, будто своим процветанием Манчжурия всецело обязана японской предприимчивости. В подтверждение этого японцы с гордостью указывают на арендованные территории Кватуна и Южноманчжурской дороги. Они утверждают, что их присутствие создало устойчивое положение в Манчжурии, хотя события, имевшие место со времени образования нового государства Манчоу-Го, свидетельствуют как раз об обратном. Япония не перестает говорить о роли, которую сыграла Южноманчжурская дорога, и всегда ставит это в связь с экономическим развитием страны. Из 3 700 миль железнодорожной сети в Манчжурии 1 800 миль принадлежат китайцам, а 1 236 миль находятся в совместном китайском управлении. Только 700 миль находятся под управлением Японии, из которых 470 были построены Россией и переданы Японии по Портсмутскому договору в 1905 г. Из этих цифр явствует, что претензии Японии несколько шатки. Ее утверждение, что безопасность Манчжурии — я говорю о периоде до вторжения — поддерживается присутствием японских войск в южноманчжурской железнодорожной зоне — вряд ли основательно, так как вся территория, занятая этими войсками, составляла всего лишь 14 тыс. кв. миль. Вряд ли логично утверждать, что войска, расположенные в пределах столь небольшой площади, могут поддерживать мир и спокойствие на всем пространстве Манчжурии, которое, как мы уже сказали, составляет 360 тыс. кв. миль.

Несмотря на упорное сопротивление, которое они встречали во всех областях и в частности в отношении вложения иностранных капиталов, китайские власти прилагали большие усилия не только для развития обширных естественных богатств, но также и для содействия благосостоянию китайского населения на этой территории. По окончании русско-японской войны в 1905 г. прежнее имперское правительство организовало администрацию Манчжурии на тех же началах, как и в Собственно Китае и назначили в каждую провинцию вицекороля с гражданскими губернаторами и их помощниками. С тех пор в управлении было произведено много реформ, и к моменту японского вторжения Манчжурия находилась в лучшем положении, чем когда-либо за все время своего существования; она во всех отношениях быстро приобщалась к современной культуре. Не были оставлены также без внимания политические реформы, гражданская администрация и суды. В Манчжурии имелось 27 судебных учреждений, не считая участковых судов, и 22 тюрьмы. Кроме того местные уп-

равления и городские муниципалитеты в области иммиграции встречали всяческое содействие со стороны правительства. Полицейская система была модернизирована, а в финансовом управлении были применены европейские методы. Большие успехи были достигнуты в XX столетии в области сельского хозяйства, лесного дела, рыболовства, народного просвещения, промышленности, торговли, путей сообщения, колонизации и горного дела. Современное процветание Манчжурии в значительной мере вызвано этими усилиями. Роль, которую Япония сыграла в этих успехах, сравнительно невелика. Что касается колонизации, то доступ в Манчжурию был окончательно открыт китайцам только в 1887 г. В этом году были отменены все законы, препятствующие переселению китайцев в Манчжурию, и с этого времени до 1900 г. из одного только Шандуна в Манчжурию ежегодно переселялось до 100 тыс. человек. В 1900 г. население исчислялось в 14 млн. человек, из которых китайцы составляли 90%. После русско-японской войны иммигрантам в Манчжурию были предоставлены специальные льготы и в одном только 1908 г. китайским переселенцам было отведено 6 300 тыс. му[1] земельной площади. Под влиянием голода и все более возрастающей рождаемости среди китайцев на территории Собственно Китая это иммиграционное движение продолжалось и после установления республики в 1912 г. В 1927 г. иммиграция достигла максимальных размеров: в этом году в Манчжурию переселилось 1 170 тыс. чел. Если бы на горизонте не появилась японская угроза, то несомненно за последние четыре года эта цифра была бы превзойдена. Следующие цифры говорят сами за себя; они убедительно показывают, что Китай и китайцы смотрели на Манчжурию, как на область, которая поможет им выйти из финансовых и прочих затруднений:

	Прибыло эмигрантов	Вернулись обратно	Остались
1923	433 689	240 565	193 124
1924	482 470	200 045	282 435
1925	532 770	237 746	295 024
1926	607 352	323 694	283 558
1927	1 178 254	341 959	936 295
1928	938 472	394 247	544 225
1929	1 046 291	621 897	424 394
1930	748 213	512 793	255 420

С 1907 г. иммиграция в Манчжурии находилась под покровительством и руководством китайского правительства, и для нее была создана официальная организация. Интересно отметить некоторые из правил, установленных для одного специального округа — Синган. Некоторым властям и учреждениям в Собственно

[1] Му равняется $^1/_{16}$ гектара.

Китае было поручено подобрать здоровых и пригодных людей для переселения в Синган; в Таонане было создано иммиграционное бюро, имевшее отделения в других пунктах, где это считалось необходимым и особенно удобным. Все иммигранты, прибывавшие при содействии бюро, получали продовольствие и кров. По прибытии в Таонан каждый должен был явиться лично в иммиграционное бюро, где он получал паспорт и назначался в определенный округ. Если группа лиц желала ехать вместе, то им предлагалось выбрать от 1 до 3 старост, которые отвечали бы за всю группу, и тогда власти вели с ними переговоры относительно всей группы. Эти правила могут показаться малозначительными, но они указывают, в какие детали входило правительство. Этим сберегалось много времени и денег и достигалось то, что друзья не разлучались по прибытии на место. Бюро собирало сведения о потребностях колонистов в отношении сельскохозяйственных орудий, скота, посевов и т. д. На основании таких сведений колонистам оказывалась помощь. Рытье колодцев во всяком случае осуществлялось мерами администрации. Дома строились за счет правительства еще до прибытия переселенцев, и последние должны были в течение 3 лет выплатить стоимость домов и предоставленного оборудования. В тех случаях, когда этого требовали обстоятельства, они получали отсрочку в погашении долга. Кроме правительственных организаций существовал целый ряд частных компаний и групп, которые действовали совершенно независимо; имелись многочисленные комиссии и гильдии для оказания помощи голодающим, которые создали у себя специальные отделы для содействия эмиграционному движению.

За 31 год население Манчжурии возросло более чем вдвое. В 1900 г. оно, как я уже сказал, составляло около 14 млн., а в 1931 г., по осторожной оценке, в Манчжурии насчитывалось 30 млн., из коих 29 составляли китайцы. Этот невероятный прирост вызван огромной иммиграцией и исключительными природными свойствами этого народа. Рост населения естественно сопровождался и ростом продукции и потребления. Самой главной отраслью продукции является земледелие. Пригодная для пашни площадь в Манчжурии определяется в 54,9 млн. акров, в настоящее время из них обрабатывается 32 млн. акров; в 1914 г. обрабатывалось менее 20 млн. акров. Из всей площади, пригодной для земледелия, находится под пашней в настоящее время около 51,9%. За последние несколько лет с Запада были ввезены современные орудия и переняты научные приемы сельского хозяйства. Манчжурия быстро становилась образцовой земледельческой страной. Ежегодная продукция за последние 20 лет беспрерывно росла, если не считать некоторого регресса в годы войны. Главными продуктами Манчжурии являются: ячмень, соя, кукуруза, рис, сорго и пшеница. В 1914 г. производство всех этих зерновых хлебов составляло 185 млн. бушелей. В 1918 г. было произведено 184 млн. бушелей, но в следующий год сбор сразу повысился

до 413 млн., а в 1929 г. достиг своего максимума — 786 799 338 бушелей, стоимостью в 200 млн. долларов.

Одной из специальных отраслей хозяйства является разведение шелковичного червя-тусса, и ежегодная продукция понджи (мягкого небеленого китайского шелка) составляет 70% всей продукции китайской республики. После производства шелка-тусса, следующей крупной отраслью хозяйства является хлопководство. Ежегодная продукция составляет здесь около 30 млн. английских фунтов. Китайские крестьяне за последнее время стали с чрезвычайным успехом разводить американский хлопок. Многие китайцы получили образование в Соединенных штатах и ознакомились там с американскими приемами хозяйства. Одним из результатов этого является разведение садов; американские яблони повидимому хорошо привились в новых условиях. В 1928 г. в Манчжурии насчитывалось свыше 15 млн. голов рогатого скота, лошадей, овец, ослов, мулов, свиней. Число их несомненно продолжает расти. Манчжурия является самой крупной поставщицей леса во всей Китайской республике. Она чрезвычайно богата лесом, и лучшие лесные площади находятся в Гирине, Сингане и Сунгари. Считается, что в Манчжурии имеется 88 798 869 акров лесной площади с 149 918 085 300 кубических футов леса. В 1908 г. между Китаем и Японией было заключено соглашение о создании компании для эксплоатации леса на реке Ялу. Потом была образована еще одна компания в Северной Манчжурии. Обе компании находятся под смешанным китайско-японским руководством. Ввиду беспорядочной порубки леса китайское правительство решило положить конец хищнической эксплоатации и за последние годы проявляло чрезвычайный интерес к лесонасаждениям. Были организованы опытные станции и открыты питомники, и таким образом было обеспечено регулярное снабжение саженцами. К моменту вторжения японцев в Манчжурию имелось шесть таких станций и 36 питомников. Морское рыболовство в Манчжурии ограничивается Желтым морем и побережьем Бэйхай. Рыболовством в этих водах занято свыше 15 тыс. человек, и ежегодный улов рыбы оценивается в 3 млн. долларов.

Для управления и руководства этими тремя отраслями хозяйства — земледелием, лесным хозяйством и рыболовством — китайское правительство создало разные учреждения. В первую очередь здесь имеется департамент промышленности, который является высшим административным органом в каждой из трех провинций. Затем имеется бюро для охраны рыболовного промысла, которое между прочим содержит стражу для защиты китайских рыболовов. Третье место занимает ирригационное бюро, задачей которого является содействие осуществлению ирригационных проектов и подготовка площади для рисосеяния. Кроме того целый ряд обществ занимается в Манчжурии различными областями сельского хозяйства; все эти общества созданы исключительно с целью оказания содействия крестьянам. Имеется целый ряд сель-

скохозяйственных опытных станций. В Ляонине насчитывается пять таких станций, в Гирине десять, в Хейлуцзяне две, в Харбине одна. Имеются еще другие станции, организованные для обмена семенами между различными провинциями и округами. Северо-восточный университет имеет отдел, всецело посвященный сельскому хозяйству, и персонал его состоит из лиц, окончивших американские колледжи. Имеется несколько колледжей, при которых организованы краткосрочные курсы, для того чтобы лица, занимающиеся сельским хозяйством, могли посещать их и усваивать современные методы.

Производство бобового масла является одной из самых старых отраслей промышленности в Китае, и еще в XVII столетии из соевых бобов вырабатывались бобовое масло и бобовые жмыхи. В начале нынешнего столетия в предприятия, занимающиеся выработкой масла, было вложено 80 млн. долларов, а ежегодная продукция их составляла 12 млн. кусков жмыхов и 353 880 тыс. *кг* бобрового масла. В настоящее время в Манчжурии имеется 451 фабрика с ежедневной пропускной способностью в 561 921 кусков бобовых жмыхов и 1 691 886 *кг* бобового масла.

По всей вероятности большинство жителей Запада будут изумлены, узнав что в Манчжурии имеется бесконечное число разного рода крупных и мелких производств. Одна посудная компания производит ежегодно 10 млн. штук черепицы и 5 млн. штук фаянсовой посуды. В Манчжурии имеется 17 спичечных компаний — из них только 3 принадлежат шведам; они дают около 1/7 всей продукции. Половина всей спипечной продукции экспортируется. В 1931 г. была установлена спичечная монополия, предоставлявшая покупку и продажу продукции всех спичечных компаний китайским промышленным объединениям. В Манчжурии выделываются краски, мыло, медицинские препараты, а в 1930 г. была устроена первая бумажная фабрика. В Инкоу имеются четыре соляных промысла с ежегодной добычей в 18 тыс. «кэтти» [1]. В 1928 г. в Манчжурии насчитывалось свыше 50 мельниц, производивших ежегодно 16 млн. мешков муки. Сильно развито также пивоваренное дело, и почти в каждом городе имеется довольно значительный пивоваренный завод. Производство шелка распространено по всей стране и является одной из самых важных отраслей промышленности. Хлопчатобумажная промышленность сконцентрирована в Мукдене, хотя Чанчун, Харбин и другие города также имеют хлопчатобумажные фабрики. На одной из мукденских фабрик есть собственная электрическая станция и котел в 600 лошадиных сил. На этой фабрике 20 тыс. веретен, двести ткацких станков и пять вязальных машин. На фабрике занято 1 300 рабочих, и кроме всей прочей продукции она ежегодно вырабатывает свыше 150 тыс. кусков бумажной ткани.

Мукденский арсенал — самый крупный металлургический за-

[1] Кэтти равняется 0,6 *кг*. — *Прим. ред.*

вод в Мукдене — имеет свыше 9 тыс. рабочих. За ним следуют мастерские Северо-восточного университета, которые оборудованы в числе прочего 19 генераторами, 7 электрическими машинами, 207 динамомашинами и в состоянии производить самые разнообразные предметы, начиная от долота и кончая железнодорожными вагонами. Электрических станций насчитывается в Манчжурии свыше 60 и из них больше половины чисто китайских. Типографии рассеяны по всей стране. Успешно развиваются также кожевенные предприятия. Китайское правительство относится с особым вниманием к новым предприятиям и снизило для них некоторые налоги или освободило их от уплаты пошлин. Это способствовало развитию многих промышленных предприятий, и к моменту японского вторжения Манчжурия делала весьма быстрые успехи. К сожалению в Европе и Америке о Китае и Манчжурии господствует представление, что эти страны всецело заражены бандитизмом. Повидимому полагают, что там достаточно сделать шаг за пределы города, чтобы на вас напала группа разбойников и увела в горы. Нельзя отрицать, что бандитизм существует в весьма значительных размерах в горных округах; но с другой стороны, хотя Чикаго имеет и не особенно хорошую репутацию из-за своих бандитов, все же надо полагать, что в этом городе живут кроме бандитов и другие люди. По всей вероятности процентное соотношение между бандитами и мирным населением в Манчжурии до вторжения японцев было такое же, как между бандитами и прочим населением в Чикаго. С образованием Манчжоу-Го количество бандитов безусловно выросло. Японцы утверждают, что «китайские разбойники бывают разного рода, но обыкновенно они весьма храбры и решительны, а иногда появляются в количестве нескольких сот и даже нескольких тысяч и вооружены современным оружием. Кантонские и манчжурские бандиты нисколько не уступают регулярным войскам как с точки зрения организации, так и дисциплины». Эта сторона дела приводилась в докладе Лиге наций как одна из причин, почему Япония должна взять в свои руки бразды правления. Не подлежит сомнению, что большая часть оружия, которым располагают бандиты, доставляется из Японии. Еще в 1907 г. было захвачено японское судно, которое везло оружие в Манчжурию. В 1912 г. из 300 арестованных контрабандистов 60 оказались японцами, они переправили в Манчжурию около 300 тыс. ружейных патронов, 1 500 ружей, 200 револьверов и 20 тыс. револьверных патронов. В 1915 г. военный губернатор Квантуна в своем донесении сообщал, что два японских военных судна выгрузили 11 тыс. ружей и 30 полевых артиллерийских орудий. В апреле 1926 г. у одного японца в Харбине нашли 34 револьвера и 12 тыс. патронов. Во втором отчете о развитии Манчжурии до 1930 г., выпущенном Южноманчжурской железной дорогой, составители признают, что оружие, найденное у захваченных бандитов, было на 25% японского происхождения.

Прежде чем мы закончим этот раздел о развитии Манчжурии при китайских властях, необходимо еще сказать несколько слов о минеральных богатствах страны. По оценкам специалистов залежи угля в Манчжурии составляют приблизительно 1 556 млн. *т*. В 1930 г. все работающие копи добыли 10 040 652 *т*. За исключением копей в Фушане и Ентае, которые всецело принадлежат японцам, и копей в Пенша, Мулинге, Чаланкаре и Лаотаоку, которые находятся в смешанном владении китайцев и иностранцев, все остальные копи принадлежат китайцам. Всего зарегистрировано 676 угольный копей. Северо-восточное горное управление является самым крупным предприятием на северо-востоке. Оно располагает капиталом в 7 млн. долларов и имеет ежедневную добычу в 1 850 *т*. Манчжурия располагает также самыми богатыми залежами золота во всем Китае, и добыча его определяется приблизительно в 430 тыс. унций. Медь встречается в 30 местах, свинец и серебро — в 58 местах. В большом количестве имеется тальк, а ежегодная добыча магнезита поднялась с 6 940 *т* в 1920 г. до 31 682 *т* в 1929 г.

Достаточно ознакомиться с некоторыми цифрами экспорта, для того чтобы убедиться, что китайское правительство отнюдь не обнаружило отсталости в эксплоатации этой обширной территории. Если мы припомним, что в течение всего этого времени в Китае шла гражданская война, то достигнутые результаты надо признать значительными. Приведем цифры за период 1909—1929 гг.

Год	Ввоз	Вывоз	Всего	Торговый баланс
	(в млн. хайгуанских таэлей)[1]			
1909	69,1	83,0	152	13,8
1914	112,4	109,3	221,4	— 3,0
1919	231,3	212,0	443,3	—19,2
1924	200,6	269,0	469,6	68,3
1929	329,6	425,6	755,2	96,0

3. Три причины вторжения Японии в Манчжурию

Имеются три главных причины, на которые японцы ссылаются в доказательство того, что Манчжурия является их собственностью. Две из них относятся сравнительно к давнему времени, но третья — новейшего происхождения. Первая причина кроется преимущественно в чувствах и убеждениях. Япония потеряла на полях Манчжурии много своих сынов в китайско-японскую (1894 — 1895 гг.) и русско-японскую (1904 — 1905 гг.) войны, и в своеобразной японской психологии это создало что-то вроде морально-

[1] Хайгуанский таэль равняется приблизительно 40 американским центам. — *Прим. ред.*

го права собственности на территорию, которая стала могилой для японской молодежи. К этому присоединяется горькое воспоминание, непрекращающееся жгучее чувство унижения по поводу того, что Ляодунский полуосторов, отнятый у Китая во время войны, пришлось вернуть обратно по договору, заключенному в Симоносеки в 1895 г. То обстоятельство, что Япония подчинилась международному давлению и должна была вернуть эту территорию Китаю, ни в какой мере с ее точки зрения не уничтожает ее права на эти земли. Непоколебимое желание вернуть себе эту область еще усиливает и без того сильное сознание моральной собственности. Вторая причина — по преимуществу экономического порядка; за время двух войн, которые велись в Манчжурии, Япония истратила почти все средства своего казначейства. Эти две кампании обошлись ей приблизительно в 2 млрд. иен. Капитал, вложенный в Манчжурию, составляет около 1½ млрд иен. Эта цифра несомненно в ближайшем будущем увеличится, если только внутренняя экономика самой Японии не потерпит полного краха. Из указанных 1½ млрд. иен большая часть вложена в железные дороги. Россия и Япония до вторжения последней в Манчжурию в 1932 г. вложили в это государство почти одинаковую сумму: Россия на севере, Япония на юге. Остальные иностранные капиталы, вложенные в Северной Манчжурии, составляют всего лишь около 76 млн. иен. Относительно иностранных вложений в Южной Манчжурии нет никакой возможности получить от японцев надежные цифры. Но несомненно эти вложения больше, чем в Северной Манчжурии. Третье основание для захвата власти японцами в этой части Китая является как раз ключом, который раскрывает сущность всего этого движения. Это движение представляет собою начало осуществления мечты, которую Япония лелеяла в течение последних 25 лет. Для большинства 90-миллионного народа захват Манчжурии — это подготовка пути к покорению Востока. Со времени войны с Россией настоящих подвигов, которых требует современное неошинто, было совершено мало. В Манчжурии наконец должна начаться настоящая война, которая открывает Японии всяческие перспективы. В период, предшествовавший первому нарушению Японией неприкосновенности китайской территории, т. е. приблизительно с 1926 по 1931 гг., штабы, патриоты, полиция видели опасные предзнаменования. Их, как кошмар, пугает опасность, что японцы начнут думать самостоятельно. В Японии арестовывают за «опасные мысли» и этим правом власти пользуются в самой широкой степени. За последнее время имелся ряд доказательств, свидетельствующих о появлении этих ужасных мыслей, которые, правда, не выступают открыто, но все же существуют. Японские патриоты предпочли бы, чтобы и страна и весь народ утонули в море, чем они согласились бы допустить развитие таких опасных мыслей. Они видят, что у некоторой, правда малой еще, части населения поколеблена вера в Японию; некоторые уже стали сомневаться,

действительно ли Дай Ниппон есть самое великое государство, которое когда-либо существовало, действительно ли император является столь божественным, как в это верил ранее народ, и действительно ли каждый сын Ниппона — дитя богов. Штабы, тайные общества каи решили, что нужно развить среди молодежи истерический патриотизм. Они несколько поспешили с осуществлением своих планов, но достигли своей цели. Никогда еще Япония не была в такой степени патриотически настроена. Правительство сделало ставку на невмешательство держав и выиграло игру. Оно издевалось над общественным мнением всего мира и все-таки ничего не случилось. Опасность новых мыслей была отражена.

Вполне естественно, что эти соображения считались совершенно недостаточными, для того чтобы через посредство Лиги наций оправдать перед всем миром свое поведение. Для Лиги наций японцы подготовили специальную аргументацию. Она построена исключительно на экономических соображениях. Но как легко убедиться, речь идет здесь о договорных правах, и хотя некоторые из прав вытекают из договоров, заключенных при окончании войны, но все же это соглашения по вопросам, касающимся торговли, а не возмещения потерь Японии. Многие из аргументов, которые выдвигает Япония, кажутся совершенно детскими, другие свидетельствуют о том, что договоры были нарушены, но надо помнить, что почти во всех случаях эти договоры были заключены под давлением и принуждением. Там, где произошло нарушение соглашения или уклонение от исполнения договорных обязательств, даже из доводов, приводимых японцами, видно, что это вызывалось самозащитой китайцев и их патриотизмом. Было бы хорошо рассмотреть положение китайцев в самой Японии. Там, как я уже раньше заметил, ни одному китайцу не разрешают работать, и небольшое число китайских лавочников, которые имеются в Японии, до такой степени притесняются, что совершенно не могут вести прибыльную торговлю. Но кроме того достаточно в каждом случае задать только один вопрос — может ли всякий довод Японии служить достаточной причиной для войны?

Прежде чем рассматривать и анализировать с этой стороны вторжение Японии в Китай, следовало бы подвергнуть обсуждению те три причины, которые приводились выше. Первая, которую я назвал чувством собственности, не заслуживает опровержения. Это было бы равносильно тому, как если бы английская нация считала, что Соединенные штаты являются ее собственностью, так как когда-то они принадлежали ей. Японское право собственности на Манчжурию мало чем от этого отличается. Если можно было хоть сколько-нибудь считаться с подобными доводами, тогда Англия могла бы требовать себе значительную часть Франции, Франция часть Италии, Италия могла бы предъявить права сразу и на Англию, и на Францию. Третью причину я уже охарактери-

зовал как начало осуществления мечты милитаристов и истребление новых опасных мыслей. Вторая причина носит экономический характер. Финансы самой Японии находятся в очень плачевном состоянии. Потенциально она может быть еще достаточно богата, но в настоящее время казна ее пуста. Однако если голодный человек неистово бросается к большому куску мяса, то это еще не значит, что он тем спасает свою жизнь и будет в состоянии переварить этот кусок. Нет никакого сомнения, что штабы ухватились за манчжурскую кампанию как за случай, ниспосланный небом, для того чтобы заставить всю нацию проникнуться милитаристским настроением и возродить дух старых самураев или воинов. Но всякий, кто знает невежество этих штабов, в особенности когда дело касается вопросов народного хозяйства, не может поверить их аргументам, приводимым в пользу поразительной авантюры, предпринятой в такой огромной стране. Эта авантюра создаст непреодолимые препятствия для будущего экономического развития Японии. Япония ухватилась за этот план вследствие крайней необходимости найти какой-нибудь выход из своего финансового тупика. Военщина из Касумигасеки — токийского Белого дома — знает, как надо начинать кампанию: на Востоке в их распоряжении имеется чрезвычайно дееспособная современная армия, которая будет сражаться не на жизнь, а на смерть. Но они совершенно не в состоянии управлять страной, которую они захватывают. Никогда они не сумеют заставить порабощенный народ трудиться и обрабатывать землю для других. Они могут действовать на жителей страны только страхом. Примером этого являются Корея и Формоза. Образование государства Манчжоу-Го было сплошным блефом. Оно спасло лицо Японии и в то же самое время лицо всех прочих государств в том смысле, что последним не пришлось начинать войну или признаться, что они недостаточно подготовлены или недостаточно богаты, чтобы воевать. Это избавило их от необходимости признаться, что так как дело касается Китая, то они не желают жертвовать своими людьми и своими деньгами. Может быть это помогло Японии в том смысле, что дало возможность небольшому количеству малоспособных людей занять положение советников при манчжурском правительстве. Но даже и в этом случае представляется невероятным, чтобы это могло так подействовать на 29 млн. умов китайцев, которые являются костяком Манчжоу-Го, чтобы те добровольно согласились платить налоги казначейству, находящемуся под японским контролем. В течение столетий китайцы боялись и ненавидели Японию, так как она воевала с ними, опустошала их дома и в трех войнах за последние 40 лет перебила значительную часть их народа. Многие более богатые китайцы уже уехали в Собственно Китай. Даже японские финансовые фирмы не обнаруживают желания вкладывать деньги в Манчжоу-Го, они очень хорошо понимают, какие трудности их ожидают и какой хаос царит у них дома. Они знают, что японское казначейство надеется по-

средством нового приобретения пополнить свои ресурсы, и они знают, что терпеливое крестьянство Японии ограблено уже до последней степени. Больше у него ничего выжать нельзя, а потому новые средства должно дать Манчжоу-Го.

Доктор Вашио, которого я раньше цитировал и который по-моему является в Японии наиболее проницательным наблюдателем явлений, совершающихся в экономической и политической жизни страны, поместил в «Джапан адвертайзер» большую статью, посвященную бюджету 1933 г. Статья эта преследует две цели. Она стремится показать плохое состояние японских финансов и в то же самое время продемонстрировать, каким образом парламент спокойно мирится с положением, которое почти во всякой другой стране привело бы к падению министерства. «Бюджет на 1933 г. сведен в сумме 2,3 млрд. иен при доходах в 1,3 млрд. иен. Дефицит в миллиард иен нужно покрыть при помощи займа. Это доводит общую сумму государственного долга до 1,8 млрд. иен, одни проценты по которым должны поглотить около ⅓ всех доходов. Очевидно конечно, что такой прием нельзя будет повторить, не рискуя финансовым крахом. Но вскоре после окончания последней сессии парламента, которая безоговорочно приняла этот бюджет, Тахагаши заявил, что политика подобных займов будет повторена и в следующем финансовом году. Вряд ли Тахагаши останется министром финансов и вряд ли будет составлять бюджет на следующий год. Но такое заявление свидетельствует, что он утратил веру в какую-либо возможность сбалансировать бюджет. Он этого не говорит, наоборот, он утверждает, что он — оптимист и верит, что бюджет автоматически сам сбалансируется в ближайшем будущем благодаря естественному росту доходов и прекращению чрезвычайных расходов. Мы не в состоянии заглянуть в душу господина Тахагаши и не знаем, что именно — действительный ли оптимизм или отчаяние — побудили его предсказать, что бюджет будущего года будет снова построен на займе, но мы можем проанализировать доводы в пользу такого убеждения.

«Он уже не раз излагал их, с тех пор как высказался против повышения налогов, на которых главным образом настаивала армия, и он повторил эти доводы в своей речи, произнесенной в парламенте. Эти доводы основаны на смутном оптимистическом предположении, что если начнется экономический подъем и доходы государства вернутся к уровню 1928 г., то это увеличит поступления по бюджету больше чем на 200 млн. иен. Усиленный экспорт, наблюдавшийся за последний год, рассматривается как показатель в пользу такого предположения. Эта надежда подкрепляется еще ссылкой на увеличение покупательной способности сельского населения благодаря суммам, затраченным на оказание помощи деревне. В расходной части бюджета отмечается временный характер мероприятий по оказанию помощи, которая после 1934 г. должна якобы прекратиться, а также указывается

на ожидаемое улучшение в общем положении и в отношении программы вооружений. Наконец ожидается еще благотворное действие низкого процента по займам в результате конверсий. Ни один из этих доводов не выдерживает критики, и некоторые прямо опровергаются очевидными фактами. Рассмотрим их по порядку. Расчет на то, что экономический подъем начнется в ближайшем будущем, сомнителен. Усиленный экспорт, имевший место за последний год, был вызван резким падением курса иены. Теперь он уже не повторится, если только в этом году не произойдет дальнейшего обесценения валюты. В этом году экспортной торговле придется оперировать с более дорогим сырьем, и кроме того она натолкнется на более высокие таможенные барьеры за границей и рост цен внутри страны. К этому присоединяется еще то, что демпинг означает эксплоатацию отечественного труда и связанное с этим сужение внутреннего рынка. В прошлом году демпинг тоже дал этот результат, и повторение его неизбежно приведет к общественным беспорядкам. Это равносильно самоубийству.

«Как повлияет на покупательную способность сельского населения оказанная ему помощь — учесть еще нельзя. Господин Тахагаши надеется, что влияние будет благоприятное, но эта надежда тем не менее неосуществима. Из средств, расходуемых на оказание помощи, та часть, которая затрачивается для помощи безработным, обеспечивает трудящимся существование впроголодь. Может быть это и похвальная благотворительность, но она лишь в слабой степени повышает покупательную способность и не может содействовать экономическому подъему. Те суммы, которые выдаются некоторым отраслям промышленности, могут этому способствовать в несколько большей степени. Но совершенно очевидно, что этот кажущийся подъем имеет свои границы. Он не может продолжаться, после того как период оказания помощи промышленности закончится. Тогда вернее, наоборот, он ускорит начало депрессии. Поэтому нет никаких оснований ожидать, что оказание помощи будет сколько-нибудь способствовать экономическому подъему после 1934 г.

«Оказание помощи должно прекратиться после 1934 г., а вместе с тем следовательно прекратится то влияние, которое оно способно оказывать на хозяйственную деятельность. Однако расходы на Манчжурию и на вооружение вопреки ожиданиям Тахагаши не прекратятся. Этим ожиданиям решительным образом противоречат заявления военного и морского министреств. Генерал Араки сказал, что даже после установления в Манчжурии нормального положения все же потребуется ежегодный расход в 700 млн. иен. Это приблизительно половина доходов по бюджету текущего года. Военный министр заявил в парламенте, что увеличение военных расходов на 101 млн. иен по бюджету этого года составляет только часть суммы в 412 млн. иен, которые нужны для осуществления плана реорганизации армии, плана, отложенного выполнением вследствие урезки в смете; но сообра-

жения национальной обороны требуют, чтобы он был выполнен как можно скорее. Араки добавил, что желательно увеличение ассигнований на армию еще на 100 млн. иен или даже больше. Из этих слов видно, что 412 млн. иен представляют собой минимальное требование. Если эта сумма будет выдаваться по частям в таких же размерах, как в этом году, то для выполнения плана потребуется еще три года. Морской министр в свою очередь разъяснил, что повышение ассигновок на флот, произведенное в бюджете этого года и составляющее приблизительно такую же сумму, как ассигновки для армии, не ограничится одним этим годом, и что это только часть сумм, необходимых для осуществления плана, по которому флот должен был быть доведен до размеров, установленных Лондонским договором. Очень мало шансов на то, чтобы возросшие расходы этого года могли быть сокращены в ближайшем будущем. Гораздо более вероятно, что они будут еще увеличены. Таким образом надежды, высказываемые Тахагаши, решительным образом опровергаются военным и морским министрами, хотя они не сочли нужным непосредственно опровергать малообоснованное заявление министра финансов.

«Из всех доводов, приведенных Тахгаши в обоснование своего оптимизма, наиболее убедительным является ссылка на низкую процентную ставку. Она теперь низка, при дальнейшем продолжении инфляции понизится еще больше. В текущем бюджетному году придется заключить займов на сумму свыше 1,2 млрд. иен, включая сюда 200 млн., перешедших с прошлогоднего бюджета. Все эти займы должен осуществить Японский Банк. Если даже можно рассчитывать, что две трети этого инфляционного займа будут снова покрыты путем реализации на открытом рынке, то все же остающаяся треть затопит собою денежный рынок и снизит процентную ставку. Этого не было бы, если бы конъюнктура выправилась и появился спрос на капитал. Но за исключением возможности помещения капиталов в Манчжурии, где местная процентная ставка отнюдь не высока, никакого другого спроса на новый капитал ожидать не приходится. Если цены в результате этой инфляции поднимутся, то этим будет только ослаблена покупательная способность населения, и спрос на рынке еще более сократится. Главным результатом этой инфляции явится повторение спекулятивного подъема курса акций. Но это будет только отражением низкой процентной ставки. Вслед за инфляцией начнется период, когда деньги не будут находить себе производительного применения. Это можно предсказать с полной достоверностью, и это позволит правительству выпустить облигации из низкого процента. Но совсем иначе обстоит дело с обменом существующих облигаций на новые облигации с более низким процентом. Эту конверсию нельзя провести до истечения срока старых займов иначе как в порядке чрезвычайного законодательства. Крупные банкиры, которые являются самыми значительными держателями государственных займов, будут противиться этому так

же, как они противились повышению налогов. Но выпустить облигации из значительно более низкого процента невозможно еще потому, что операции на вольном рынке, которые Японский банк вынужден все-таки производить, чтобы воспрепятствовать бесконтрольной инфляции, также зависят от банкиров. Таким образом хотя низкая процентная ставка вещь реальная, однако сбалансированию бюджета она серьезно помочь не может. Экономия, которая от этого могла бы получиться, составила бы ничтожную часть тех новых процентов, которые образуются вследствие продолжения политики займов и которые будут ложиться все большим и большим бременем на плательщиков.

«Если можно затормозить рост государственных расходов страны, то это легче сделать в бюджете ближайшего года, чем впоследствии. То, чего нельзя сделать в 1934 г., еще труднее достичь в 1935 г. А между тем Тахагаши говорит о повторении в будущем году политики займов, которая проводилась в этом году, как будто эта политика может автоматически продолжаться из года в год».

Из этой статьи можно видеть, что бюджет этого года дал дефицит почти в 44% и что в будущем бюджетном году военные расходы Японии потребуют 36% общих государственных доходов. Расходы, помещенные в разделе «помощь населению», не производят большого впечатления на европейцев и американцев, которые прожили более или менее продолжительное время в Японии и по-настоящему знают страну и народ... Они видели, как суммы, предназначенные для такой помощи, исчезали по самым разнообразным направлениям. В марте этого года «Иомиури Шимбун» писала: «Мы полагаем, что деньги, предназначенные для крестьян, находящихся в бедственном положении, были присвоены разными лицами сомнительной честности и что имеется еще много других злоупотреблений, которые правительство должно устранить». Если принять во внимание, что газета эта издается бывшим чиновником центральной полиции, то приведенное сообщение приобретает особую пикантность. Япония остается по преимуществу страной аграрной, и японские крестьяне несут на себе главное бремя налогов. Как я уже сказал, их положение в настоящее время является весьма плачевным. Задолженность крестьян государству возрастает с каждым днем. «Два года прошло с тех пор, как тревожные размеры задолженности сельского хозяйства государству стали основной проблемой в Японии. Но задолженность эта продолжает возрастать, и в некоторых отношениях крестьянин находится еще в худшем положении, чем когда-либо. За год с лишним иена потеряла 50% своей золотой ценности. Хотя крестьяне ощущают эту разницу только постепенно, но зато им бросается в глаза, что цены на удобрения растут быстрее, чем цены на рис. На мировом хлебном рынке кризис все еще продолжается. Если цены внезапно поднимутся, как это когда-нибудь и будет, то в Японии создастся любопытное положение: постепенно будет ста-

новиться все выгоднее экспортировать рис, вместо того чтобы продавать его на внутреннем рынке. Что же произойдет в таком случае? Если даже правительство прибегнет к такому опасному средству, как запрещение экспорта риса, то все же этим нельзя будет воспрепятствовать сильному подъему цен, а это немедленно вызовет серьезные волнения в городах и даже в деревнях, производящих не рис, а другие продукты. Между тем крестьяне, если бы и могли использовать повышение цен, то лишь в следующем году, так как их запродажные сделки всегда заключаются заранее. Но и в следующем году, надо полагать, частичное погашение их неимоверных долгов, значительно урежет возможную прибыль.

«В ближайшем будущем, если только положение не изменится, во всех префектурах повидимому будут созданы специальные организации по урегулированию долгов. Правительство по всей вероятности будет вынуждено предоставить им ссуду из низкого процента приблизительно в 200 млн. иен за счет почтовых сберегательных касс. Сущность проекта повидимому сводится к тому, что деньги будут выдаваться на погашение некоторых наиболее кабальных долгов и уплата основного долга будет продлена на срок до 20 лет. Процент по ссудам крестьянам вероятно будет несколько выше того процента, который указанные организации будут платить правительству. Это все было бы не плохо, тем более что правительство выразило намерение в некоторых пределах возместить убытки, которые могут возникнуть при операциях; но сумму в 200 млн. иен предполагается выдавать по частям в течение пяти лет, и таким образом операции этих организаций будут вначале весьма незначительны по сравнению с общей суммой задолженности. По сообщению, помещенному в печати, общая задолженность составляла 5 млрд. иен, но эта цифра была установлена два года назад. По более поздним подсчетам она выросла до 6 млрд., так как по долгам в среднем уплачивается в год 10%. Отсюда ясно, что 200 млн. иен, растянутые на пять лет, не могут покрыть даже одних процентов. Кредиторы, должниками которых являются крестьяне, не платят правительству даже части тех процентов, которые они получают сами. Благодаря своей «добродетельной бережливости» «они становятся все богаче и богаче, и единственный способ получить от них деньги — это занять их под надежное обеспечение. Обеспечение становится менее надежным, но задолженность средняго землевладельца все более возрастает, так как он не может отказаться от покупки продовольствия в кредит. Теперь задолженность растет уже автоматически, претензии кредиторов к должникам увеличиваются беспрестанно, и никто еще не нашел выхода из этого тупика. Политика инфляции имеет своих защитников. Инфляция вероятно могла бы устранить некоторые особенно тягостные затруднения, но она только ускорит тот процесс, при котором богатые все более обогащаются, а у бедняков отнимают последнее» («Джапан уикли кроникл» от 6 апреля 1933 г.).

На лондонской бирже кредит Японии три или четыре года назад был очень прочен. В настоящее время ей приходится платить от 7,5 до 8% годовых, хотя и эти проценты существенно переоценивают платежеспособность японцев. Возможно, что они сумеют выпутаться, но все же это рискованная игра.

Я уже указывал, что Манчжоу-Го обладает большими естественными богатствами. Однако сомнительно, будет ли Япония в состоянии приступить к эксплоатации этих богатств или она обанкротится еще до этого. В начале дела здесь как будто пошли очень хорошо, и миллионы японцев в самой Японии были убеждены, что пришло спасение. Начали вырабатывать планы сооружения шоссейных дорог, разведения хлопка, расширения железнодорожной сети, развития речного транспорта, каботажной торговли и многих других отраслей хозяйства. Японцы рисовали себе радужные перспективы, но все остается пока на бумаге. Японцы развивают в Манчжоу-Го бешеную энергию, но конец будет тот же, что в Корее и на Формозе. Несомненно, если не последует вмешательства со стороны держав, Япония подчинит себе население Манчжурии и станет его неограниченным повелителем. Она будет добиваться своей цели, не останавливаясь перед жестокостями, подкупом, убийствами и похищением людей. Она уже начала действовать подобно тому, как делала это и в других колониях. Японские колонизаторы больше всего повидимому увлечены, если не считать Южноманчжурской железной дороги, сооружением шоссейных дорог. В Корее даже в настоящее время японцы с гордостью указывают на построенные ими дороги, хотя они служат только для японской торговли. Корейцы мало связаны с торговлей и еще меньше пользуются путями сообщения. Они все больше оттесняются в глубь страны от Фузана к Антуну. И даже в таких глухих местах, как Бриллиантовая гора, шансы «делать деньги», сосредоточены в руках повелителей — японцев.. В таком же положении окажется в весьма недалеком будущем Манчжоу-Го. Постепенно Япония захватит в свои руки власть и задушит все китайские предприятия. Она будет уверять весь мир, что в Манчжоу-Го проводится политика открытых дверей. Но это — ложь. Всюду, где во главе дела стоит японец, никакой политики открытых дверей не существует. Во всем всегда были и будут подлые увертки японского джингоизма.

4. Аргументация Японии

Как я уже сказал, Япония ясно понимала, что перед Лигой наций она не может выступить с теми тремя доводами, разбору которых была посвящена предыдущая глава. Поэтому она подобрала «53 важнейших аргумента» и при помощи их пытается обосновать свое право на отделение Манчжурии от Китая и образование нового государства — Манчжоу-Го.Некоторые из этих аргументов были рассмотрены в докладе Литтона и я собираюсь при-

вести здесь лишь те из них, которые представляются мне наиболее важными. Я возьму их из книги, изданной «Herald of Asia Library of contemporary History» на английском языке. Другие аргументы я заимствую из официального японского меморандума и 2—3 аргумента из китайской ноты, представленной следственной комиссии. Первый из этих трех источников называется «Основные спорные вопросы в Манчжурии и Монголии». Это издание 1931 г.; оно начинается со следующего заявления: «Китайские власти в целом ряде случаев нарушили существующие соглашения. Вследствие разрушения китайцами Южноманчжурской железной дороги у Людянь-ху, около Мукдена, положение Манчжурии в настоящее время чрезвычайно плачевно. Железная дорога имеет совершенно исключительное значение в такой стране, как Манчжурия, где железнодорожные линии являются фактически единственными артериями, по которым совершается кровообращение всего хозяйственного организма.

«По протоколу о Манчжурии, приложенному к Пекинскому договору, заключенному в 1915 г. между Японией и Китаем, последний обязался «не строить железнодорожных линий по соседству с Южноманчжурской железной дорогой или параллельно с ней», прежде чем указанная железная дорога не отойдет к Китаю. Когда возникли разногласия в связи с намерением китайцев построить на английские средства железную дорогу между Цзинчжоу и Айгуном, Китаю было указано на это соглашение. Китай не обратил также никакого внимания на неоднократные протесты Японии относительно постройки железнодорожных линий между Дагушаном и Тунляо и между Гирином и Хайлуном.

«На протесты китайцы ответили, что к Пекинскому договору никаких протоколов вовсе не было приложено и что комиссия Литтона подтвердила это в своем отчете. 17 ноября 1905 г. японские уполномоченные предложили, чтобы все «совещания конференции содержались в полной тайне». Это предложение было принято. Протокол о работах конференции находится в распоряжении обоих правительств. Так называемый протокол, опубликованный Японией относительно соглашения, в действительности представляет собой произвольную выборку из ежедневных записей, сделанных на конференции, о возможных соглашениях. Записи эти не имеют никакой обязательной силы, так как никакого формального договора потом заключено не было. Это все равно, как если бы Англия вздумала вдруг увеличить вдвое свой флот, а в качестве основания сослалась бы на то, что ее делегаты на Лондонской и Вашингтонской конференциях все время указывали, что Англия желает иметь более значительный флот. Действуя в том же направлении, мы могли бы отрицать за Америкой право на получение долгов и указывать, что Болдуин, заключая с САСШ соглашение, настаивал на более льготных условиях. Япония основывалась на приведенных выше исключительно несостоятельных доводах и тем не менее в течение 20 лет препятствовала иност-

ранному капиталу, за исключением своего собственного, участвовать в железнодорожном строительстве Манчжурии.

Японская аргументация гласит далее:

«Соглашение, заключенное между Китаем и Японией в 1918 г. относительно четырех железнодорожных линий в Манчжурии и Монголии, и другое соглашение, заключенное в том же году относительно железнодорожных займов в тех же провинциях, обязало японские банки предоставить средства для сооружения железной дороги от Гирина до Каюана через Хэйлуцзян. Китайские власти провели эту железнодорожную линию, не предупредив Японию. На неоднократные предостережения Японии по поводу нарушения соглашения китайской стороной никакого ответа не последовало».

Мы согласны в данном случае, что между Китаем и Японией действительно было подписано соглашение о заключении в будущем договора о займе для сооружения четырех железных дорог. Но статья VIII этого соглашения требует, чтобы «формальный договор о займе был заключен в течение четырех месяцев после заключения настоящего предварительного соглашения». С тех пор прошло 10 лет, а договора не было даже в проекте. Я не собираюсь обсуждать этот вопрос с моральной стороны, но в качестве довода для вторжения в страну такой агрумент несколько слаб. Я не юрист. Но полагаю, что буду прав, если скажу, что в Англии такое соглашение не имело бы никакого значения, потому что оно повидимому представляет собой только договор, предусматривающий подписание другого договора. Во всяком случае, поскольку никакого другого договора о займе подписано не было, Китай имел полное право строить железную дорогу так, как ему заблагорассудилось. Японская аргументация до смешного нелогична, особенно если сопоставить ее с предыдущими претензиями Японии и с теми, о которых речь будет итти ниже. Оказывается, что Япония в одном случае негодует, и не без основания, по поводу того, что Китай не платит по своим долгам, но тут же, что называется не переводя дыхания, она заявляет, что ей нанесено оскорбление тем, что Китай отказался взять у нее новый заем.

В следующем разделе японского меморандума мы находим еще материал о соглашениях относительно займов. Под этим заголовком мы читаем следующее:

«Ввиду того, что 31 мая 1926 г. истекает срок шестого краткосрочного займа на сооружение железной дороги Супингай—Таонан, Южноманчжурская железная дорога обратилась к китайским властям с предложением возобновить заем. Китайцы, ссылаясь на политическую смуту, уклонились от решения вопрсса и только впоследствии выступили с требованием понижения процентов по займу. Никакого соглашения не последовало. Капитал, вложенный японцами, составляет 37 млн. иен. Договор о сооружении железной дороги Чанчун—Талай игнорируется Китаем. Китайские власти обратились в июне 1929 г. к Южноманчжурской железной до-

роге, которая предоставила ссуды для сооружения железнодорожной линии Супингай—Таонан с просьбой о понижении процента этого займа до уровня ниже 7%. Последовавшие затем переговоры не привели ни к какому соглашению. В июле 1926 г. ЮМЖД закончила сооружение железнодорожной линии Таонан—Ань-Ань-цзи и передала ее Китаю. Китайское правительство не заплатило денег за постройку дороги, равно как и за предоставленный ей подвижной состав. Все эти причитающиеся суммы должны были быть конвертированы в железнодорожный заем, но никакого соглашения не последовало».

Очевидно, что тут все дело в долгах. Англия вполне сочувствует в данном случае Японии, но вместе с тем и Китаю. В настоящее время обанкротилось около полусотни стран, что вряд ли может служить основанием для войны. Трудно представить себе, чтобы Соединенные штаты отправились во Францию и потребовали передать им важнейшие отрасли французской промышленности на том основании, что Франция не платит по своим долговым обязательствам. Если бы это считалось достаточным основанием, то все страны стали бы воевать друг с другом, чтобы получить свои деньги. Что касается железной дороги Чанчун—Талай, то здесь опять-таки Япония ссылается на протокол, приложенный к Пекинскому договору, и ответ в данном случае будет такой же, как по поводу первого приведенного нами казуса.

Статья X договора о сооружении железной дороги Таонан—Ань-Ан-цзи и приложенные к ней протоколы, постановляют, что японский советник должен ведать всеми счетами этой железной дороги и что ему должны представлять все бумаги, имеющие отношение к расходам и подписанные начальником счетного отдела. Китайский начальник этого отдела до сих пор отказывается выполнять указанное требование, являющееся для него обязательным. Ввиду претензий, заявленных Китаем относительно некоторых дефектов в сооружении железной дороги Гирин—Дунхуа, Южноманчжурская железная дорога произвела к октябрю 1932 г., когда китайцы принимали дорогу, все требуемые исправления. Китайская же сторона не оплатила счетов по сооружению железной дороги. Ссуды, предоставленные Японией по контракту, в течение трех лет остаются не погашенными».

Согласно V статьи договора о сооружении железной дороги Таонан—Ань-Ан-цзи «директор железной дороги должен по предложению ЮМЖД (строителей дороги) назначить советника для службы на железной дороге». Его полномочия определены следующим образом: «Советник должен ведать всеми поступлениями и расходами по железной дороге, он должен подписывать все счета вместе с директором и для надобностей службы может пригласить в качестве помощников не более двух служащих японцев. Надо полагать, что это означает только, что оба указанные помощника должны заниматься поступлениями и расходами и подписывать счета. Но Япония намеренно толковала этот пункт в

том смысле, что их функции распространяются также и на руководство движением и строительными работами. Железнодорожная компания Таонан—Ань-Ан-цзи отказалась признать это, и таким образом возник конфликт. Китайцы утверждают, что главному советнику никогда не отказывали в праве подписывать счета, и добавляют, что по их мнению он пренебрегал своими обязанностями, а чтобы оправдать это, заявил ЮМЖД, что он наталкивается на обструкцию.

Следующий случай, о котором мы сейчас будем говорить, по-видимому сводится только к жалобе на неустойчивость характера у китайцев. Но китайское правительство идет дальше и утверждает, что хотя в 1929 г. было заключено «соглашение о прямых перевозках», которое обсуждалось и было осуществлено обеими договаривающимися сторонами, ЮМЖД, когда обсуждалось это соглашение, хотело включить в него и корейскую железнодорожную линию. Комиссия отказала ей в этом. Китайцы полагают, что претензии японцев основаны именно на этом делении. Между тем японцы излагают дело так:

«В 1926 г. китайские ж.-д. власти по собственной инициативе начали переговоры с Японией о совместной организации движения товарных поездов. Переговоры некоторое время шли успешно, но потом внезапно затормозились вследствие изменившейся китайской политики. В 1926 г. китайские ж.-д. власти произвольно прервали ж.-д. сообщение с Южноманчжурской железной дорогой и с тех пор ничего не сделали для восстановления его. Китайцы до сих пор отказываются признать железную дорогу Дагушань—Бай-Иньтала, однако последняя фактически функционирует и у Бай-Иньтала соединяется с ж.-д. линией Сыпингай—Таонан. Вопрос этот следовало бы обсудить после того, как Китаем в надлежащей форме будет признана ж.-д. линия Дагушань—Бай-Иньтала. Вопросы соединения ж.-д. линий Гирин—Чанчун и Гирин—Дунхуа, равно как утверждение последней линии Китаем, остаются все еще неурегулированными».

Далее следует вопрос о праве поселения. Япония с основанием утверждает, что «права поселения составляют часть договора, заключенного с Китаем в 1915 г. Статья III этого договора предоставляет японским подданным право проживать в Южной Манчжурии и в Восточной и Внутренней Монголии, а также путешествовать по ним. Китайская политика в этом вопросе принимает двоякую форму: в одних случаях японцам или корейцам предъявляют требование, чтобы они выехали; в других случаях китайцы фактически отказываются сдавать японцам или корейцам в аренду земельные участки или дома. Японские колонисты и торговцы в целом ряде случаев вынуждены были отказаться от плодов своего долголетнего и упорного труда. Мукденский губернатор издал строгое распоряжение, запрещавшее сдавать японцам в аренду дома в пределах городской стены. Прежние договоры на аренду домов, заключенные с японцами, было запрещено возобнов-

лять. Договоры на продолжительный срок подлежали пересмотру и могли оставаться в силе не более трех лет. Японцы в 1927 г. занимали в пределах городской стены 134 дома. В настоящее время они занимают меньше 23 домов (так было в середине 1931 г.)». Такие же жалобы поступают из других мест, из Дунхуа-гиринской провинции, из Таонана, Нуншаня, Анта в Хэйлуцзянской провинции, из Факумена, Таолайшао, Шитоуцзы, Андуна и Маньцзушана. Почти все эти факты китайцами отрицаются, хотя они признают, что старались воспрепятствовать притоку новых японских эмигрантов.

По вопросу об аренде японцы утверждают: «одна из статей Китайско-японского договора 1915 г. гласит, что японцы имеют право арендовать земли, необходимые для возведения сооружений для торговых и промышленных предприятий или для с.-х. обработки. В нотах, которыми обменялись Китай и Япония относительно этого договора, указывается, что термин «аренда или покупка земель», применяемый в указанном договоре, может быть заменен временной арендой или вечной арендой или «длительной арендой с правом возобновления договора по желанию арендатора». Но через месяц после заключения этого договора Китай издал специальные уголовные законы, по которым всякое предоставление аренды японцам каралось смертной казнью. Аренда земли в Манчжурии, которая должна была стать возможной через три месяца после заключения договора 1915 г., до сих пор, в течение более 15 лет, остается вопросом неразрешенным».

Китайцы утверждают, что вопрос о сдаче в аренду земель стоит в настоящее время иначе, чем в 1915 г. Бывшая германская территория в Киачао в настоящее время возвращена Китаю. На Вашингтонской конференции Англия и Франция обещали вернуть Вейхавей и Цзаньчжоувань. Таким образом ряд важных морских пунктов возвращен Китаю. Проф. Гарольд Арчер Ван Дорн в своей книге «Двадцать лет китайской республики» [1] говорит по поводу большинства вопросов, возбужденных Японией: «Что касается святости договоров, то вопрос в значительной мере сводится к тому—есть ли что-нибудь священное в договоре 1915 г., который беззащитный Китай был вынужден подписать, когда Япония предъявила к нему 21 требование. Одной из главных целей, которые преследовала Япония в этом договоре, было продление 25-летнего срока аренды Ляодунского полуострова и железнодорожных концессий, полученных Японией после русско-японской войны. Если бы не это принудительное продление, то аренда Ляодунского полуострова, в которую включены Порт-Артур и цветущий город Дайрен, составляющий конечный пункт ЮМЖД, закончилась бы 26 марта 1923 г. В 1938 г. Китай мог бы воспользоваться правом выкупа железной дороги, опять-таки если бы по договору 1915 г. он не был вынужден продлить срок аренды».

[1] *Harold Archer Van Dorn,* Twenty Jears of Chinese Republic.

Под заголовком «Вмешательство в японские предприятия» приводится целый ряд случаев обструкции, якобы учиняемой китайскими властями. Японцы утверждают: «По договору 1915 г. японские подданные пользуются правом заниматься в Манчжурии и Монголии коммерческой и промышленной деятельностью без всяких ограничений. Но это право в целом ряде случаев сведено на-нет вследствие вмешательства китайских властей. Это достигается последними с помощью несправедливого обложения и других законодательных актов, которые неизменно имеют конечной целью устранить японское влияние в этих областях. Право японского народа заниматься делами в Манчжурии станет номинальным, если в дальнейшем будет продолжаться нынешняя политика обструкции, применяемая китайцами». Затем приводится ряд примеров обструкции, учиняемой китайскими властями по отношению к японским предприятиям, наиболее яркий из которых заключается в следующем: «11 февраля этого года (1931) «Ассошиэйтед Пресс оф Харбин» («Associeted Press of Harbin») сообщила, что маршал Чжан Сюэ-лян намерен произвести спекулятивную скупку бобов на 70 млн. долларов. Против подобных спекулятивных диверсий, цель которых вполне очевидна, японские банки бессильны. На рынке все более увеличивается количество китайских товаров, представляющих собой подделку японских. Торговая марка, зарегистрированная японцами в китайских учреждениях, во многих случаях не находит никакой защиты, и китайские подделки пользуются широким сбытом без всякого опасения вмешательства со стороны китайских властей».

Я не собираюсь разбирать здесь отдельные случаи. Несомненно в жалобах японцев есть доля истины. Но в каждом из этих случаев китайцы действовали, так сказать, в пределах законности. Необходимо, как можно резче, подчеркнуть, что в моральном отношении китайцы правы. Надо постоянно помнить, что все эти договора навязаны Китаю силой. Япония пользовалась каждым случаем, чтобы предъявлять Китаю требования, диктовавшиеся ее собственными экономическими интересами, и вполне естественно, что страна, подвергающаяся такому принуждению, пользуется всякой лазейкой для того, чтобы вернуть себе свои права. Если бы союзники обусловили для себя по Версальскому договору известные торговые права, то не подлежит сомнению, что Германия и другие центральные державы прилагали бы все усилия, чтобы создать обструкцию британской и французской торговле в Германии. Они весьма энергично бойкотировали бы иностранные товары, которые им стали бы навязывать. Япония постоянно заставляла Китай делать то, что противоречило всем его интересам. Она вызывала смуту в китайской республике только для того, чтобы в глазах остального мира приобрести какое-нибудь право на захват Китая или части его.

Вернемся к вопросу о рынке соевых бобов. В 1928 г. власть перешла к маршалу Чжан Сюэ-ляну и в денежном обращении Трех

восточных провинций была произведена реформа. 25 июня было издано распоряжение о стабилизации мукденских кредитных билетов по курсу — 60 мукденских долларов за один доллар в серебряной валюте. С начала 1931 г. банки Трех восточных провинций выпустили банкноты в серебряных долларах и надеялись, что новый выпуск в кратчайший срок заменит старые банкноты. Мы приводим эти факты только для того, чтобы показать, что в данном случае прилагались усилия для поддержания курса валюты. Покупка бобов банком представляла собой нечто аналогичное покупке хлопка американскими банкирами с целью поддержать цены на хлопок; то же самое делали с пшеницей канадские банки. Поскольку Манчжурия является по преимуществу аграрной страной, банкам приходится производить разные операции с соей. Соя является предметом импорта других стран. По заведенной банковской практике крестьянам предоставлялся кредит под обеспечение соевых бобов. Ссуды эти относились к рубрике «ссуд под с.-х. продукты». Они вызывали сезонное расширение денежного обращения. Если крестьяне банкротились, то банк вынужден был принимать бобы как обеспечение по долгу. Соевые бобы оказывались в распоряжении банков также при условии участия их в каком-нибудь «пуле». Пулы создавались для операций с излишками бобов и для того, чтобы предупредить принудительную продажу урожая крестьян. В 1930 г. сбор бобов был совершенно исключительным по своим размерам, но вследствие депрессии, цены стояли низкие, а европейский рынок отличался вялостью. Второй пул был образован четырьмя банками, и этот пул скупил 900 тыс. *т* бобов, для того чтобы помочь фермерам.

Другим основанием для образования этого пула было стремление парализовать усилия японцев, которые пользовались монополией в области экспорта. Экспорт находился в руках двух фирм, получавших от Южноманчжурской железной дороги секретные скидки в 20% с тарифа. Фирмы эти были почти единственными покупателями на рынке, и китайский крестьянин должен был соглашаться на цены, которые предлагали оба эти концерна. Но благодаря тому что товар не поступал на рынок, японцы в свою очередь оказались вынужденными предлагать более высокие цены, и крестьяне от этого выигрывали. Банки теряли деньги непосредственно на операции с «пулом», но зато клиенты банков получали возможность кое-как продержаться, не обнакротившись. В результате дело свелось к субсидированию банками своих клиентов — земледельцев. Быть может здесь следовало бы упомянуть, что колебания валюты в Манчжурии в немалой степени объясняются широкой эмиссией банкнот, производимой Банком Кореи и Иокогама Спеши Банк. Эмиссия этих обоих банков составляла: у первого 45 млн. серебряных иен, у второго 5 938 тыс. серебряных иен. К этому присоединяется еще то, что в обмен на банкноты, обеспеченные золотом и выпущенные первым банком, нельзя было получить золото в монетах и слитках, а приходилось принимать

японские банкноты. Так как японская валюта сильно колебалась, то это естественно отражалось и на манчжурской валюте, и жалобы Японии по поводу операций с соевыми бобами совершенно не основательны. По поводу банкнот, о которых здесь идет речь, Япония заявила следующую претензию:

«В октябре, в пятнадцатый год республики Чжан Цзан-сян, в то время начальник специального административного округа Харбина, а в настоящее время помощник командира северо-восточного воздушного корпуса, запретил обращение золотых банкнот, для того, чтобы поддержать падающий курс серебряных банкнот. Хотя это распоряжение было отменено, после того как Япония заявила протест через свое консульство, но с тех пор китайцы отказываются принимать золотые банкноты, опасаясь вызвать недовольство властей. Золотые банкноты фактически были в Харбине вытеснены из обращения и имеют хождение только среди японцев, что серьезно отражается на торговых операциях японцев в Манчжурии».

Затем приводится целый ряд случаев вмешательства китайских таможенных властей. Однако большинство этих случаев повидимому после вмешательства консула заканчивалось в пользу японцев. В заключение я приведу жалобы, связанные с ж.-д. зоной. В пределах зоны Южноманчжурской железной дороги управление всецело и исключительно принадлежит Японии. Китай поэтому не имеет права осуществлять здесь полицейские функции, но фактически в целом ряде случаев, в которых затронуты финансовые вопросы, провинциальное управление Мукдена непосредственно сносится с китайцами, проживающими в пределах ж.-д. зоны. В частности в 1925 г., когда бунт Го Сун-лина вызвал резкое падение курса мукденских бумажных денег, китайские власти, приписав это обстоятельство спекуляции с японской валютой, отправили на ж.-д. зону несколько тайных агентов для ареста китайских маклеров и кроме того прибегли к другим формам преследования. Японские протесты против этих действий, равно как и в целом ряде других случаев, до сих пор остаются без внимания.

В китайско-японском соглашении 1905 г. имеется статья, которая говорит о праве держать страну или войска в пределах ж.-д. зоны, но статья вторая дополнительного соглашения к тому же договору гласит: «В случае, если Россия согласится убрать свою ж.-д. стражу или если Китай и Россия договорятся относительно других соответствующих мероприятий, японское имперское правительство со своей стороны согласно предпринять такие же шаги». Это может служить ответом на большинство жалоб, выдвигаемых японцами по поводу железной дороги. Действительно это дает исчерпывающий ответ, так как в данном случае Япония снова нарушила свое слово. Россия уже не содержит больше стражи на своей железной дороге в течение многих лет, предшествовавших вторжению Японии в Манчжурию. Таким образом

Япония должна была бы вывести всех своих солдат из ж.-д. зоны. Но слово Японии ничего не стоит. Страна в целом также испорчена и порочна, как и ее отдельные жители, она всегда уважала свои договоры только до тех пор, пока ей это было удобно.

5. Интриги, предшествовавшие вторжению

Можно считать вполне доказанным, что вторжение было давно обдумано Японией и 53 аргумента были выставлены только для отвода глаз. Наиболее изобличающим документом является меморандум Танаки. Японцы утверждают, что это подделка, но события развивались в полном соответствии с этим меморандумом, так что он заслуживает внимания. Он был представлен японскому императору 25 июля 1927 г., когда Танака был премьером, т. е. за пять лет до начала настоящих враждебных действий. По всей вероятности сведения о нем просочились благодаря какой-нибудь гейше или фешенебельной проститутке, как это произошло со многими другими официальными документами. Доклад этот изобличает Японию, и японцы в сущности не в состоянии опровергнуть его. Он начинается следующими словами: «Со времени европейской войны политические и экономические интересы Японии не были удовлетворены. Это объясняется тем обстоятельством, что мы не использовали наших особых привилегий в Манчжурии и Монголии и не осуществили полностью приобретенные нами права. Мне было специально поручено оберегать наши интересы в этих областях и следить, когда представится удобный случай для дальнейшей экспансии. Я всегда являлся сторонником положительной политики в Манчжурии и Монголии и в качестве простого гражданина добивался осуществления такой политики. Для выработки планов колонизации Дальнего Востока состоялась специальная конференция, заседавшая 11 дней, с 27 июня по 1[illegible] июля 1927 г. На ней присутствовали все гражданские и военные чины, связанные по делам службы с Манчжурией и Монголией.

«Манчжурия и Монголия представляют собой территорию, которая в три раза больше нашей империи без Кореи и Формозы; но население Манчжурии составляет только одну треть нашего. Эта страна привлекательна не только своей малонаселенностью,— но и по лесным богатствам, обилию минералов и сельскохозяйственных продуктов с ней не может сравниться ни одна страна в мире... Китайская администрация Трех восточных провинций тоже уже поняла это и постепенно старается, следуя нашему примеру, восстановить хозяйство и развить промышленность. Успехи, достигнутые ею, изумительны. Это весьма помешало распространению нашего влияния и создало для нас целый ряд неудобств, так как переговоры различных наших правительств с Манчжурией и Монголией заканчивались неудачно... Ограничения, вытекающие из «договора девяти держав», подписанном в Вашингтоне, до такой степени урезали наши специальные права и привилегии, что

у нас совершенно связаны руки... Основные богатства страны сосредоточены в Северной Манчжурии. Если мы не получим туда доступа, то очевидно мы не в состоянии будем использовать богатств этой страны... Если мы не найдем способа прекратить приток китайских эмигрантов, то мы столкнемся в Манчжурии и Монглии с еще более значительными затруднениями.

«Три восточных провинции представляют собой в политическом отношении наиболее неблагополучное место на Дальнем Востоке. В целях самозащиты, равно как и защиты других стран, Япония должна проводить здесь политику «крови и железа»; без этого она не сумеет устранить затруднения, возникшие в Восточной Азии... Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию. Если нам удастся завоевать Китай, то остальные азиатские страны и тихоокеанские страны к югу от экватора поймут, что Восточная Азия принадлежит нам и не посмеют нарушать наши права. Договор девяти держав насквозь проникнут духом торгового соперничества, он продиктован желанием Англии и Америки, опирающихся на свое богатство, сокрушить наше влияние в Китае... Минсейто придавало большое значение договору девяти держав и главным образом заботилось о нашей торговле, а не о наших правах в Китае. Эта политика ошибочна, это политика национального самоубийства... Если мы будем надеяться только на развитие торговли, то мы в конце-концов будем разбиты Англией и Америкой, которые обладают несравненно большей мощью в отношении капитала... Еще более опасным фактором является то, что китайский народ может в один прекрасный день проснуться от своего векового сна... Лучшей политикой для нас было бы предпринять некоторые положительные шаги, для того чтобы обеспечить себе права и привилегии в Манчжурии и Монголии. Этим мы не только опередим развитие промышленности при помощи самих китайцев, но предупредим также проникновение туда европейских держав... Для того чтобы приобрести права в Манчжурии и Монголии, нужно использовать эти страны как базис и под предлогом торговли проникнуть в остальной Китай... Мы должны также проложить себе дорогу во Внешнюю и Внутреннюю Монголию, для того, чтобы мы могли изменить положение вещей в самом Китае». Далее Танака предлагает вступить в сделку с князьями, правящими в этих провинциях, но при этом князья должны номинально сохранить свои права. За этим следует пространное обсуждение вопросов о железных дорогах и развивается проект, чтобы правление Южноманчжурской железной дороги действовало в Манчжурии так, как действует генерал-губернатор в Корее. При этом намекается, что таким образом удается отвести всем глаза. Танака замечает, что колониальное управление должно номинально заниматься только делами Формозы, Кореи и Сахалина, но в действительности оно будет руководить и манчжурскими делами. Он продолжает: «Когда наступит подходящий момент, Внешняя и Внутренняя Монголия

станут нашими. Благодаря нашим военным силам мы сумеем осуществить нашу положительную политику в Манчжурии. Для выполнения этого плана нам нужно взять миллионы иен из секретного фонда военного бюджета и направить отставных офицеров, переодетых учителями и китайскими гражданами, чтобы они сблизились с населением, завоевали доверие монгольских принцев, приобрели права на пастбища и горные разработки и таким образом заложили фундамент для успеха наших национальных интересов на будущие сто лет».

Следующее его предложение сводится к тому, чтобы по возможности использовать корейцев в качестве орудия для овладения Манчжурией. Оберегая корейцев, консульская полиция могла бы косвенным образом продемонстрировать мощь Японии гражданскому китайскому населению. Танака полагает, что следует воспользоваться местными беспорядками в Мукденской провинции и совершенно обесценить банкноты Мукденского банка, для того чтобы их можно было заменить японскими иенами. Наконец при помощи монополии в области сельского хозяйства, горного дела, транспорта и в других отраслях хозяйства Япония могла бы приобрести в этих районах такое значение, которое совершенно устранило бы влияние китайцев.

Этот меморандум, как я уже сказал, был написан в 1927 г. Япония почти во всех существенных подробностях выполнила эту так называемую «положительную» программу. Конечно не все, что в ней было намечено, уже сделано, но нет никакого сомнения, что в принципе Япония собирается все это осуществить. Это ясно доказывает, что все, что совершается на Востоке, было заранее обдумано Японией и входило в ее план. Обыкновенно другие страны приписывают успехи Японии ее более высокой боеспособности. Отчасти это верно, но главной причиной является то, что она специально к этому готовилась. В отношении обучения войск и вооружения их Япония значительно опередила Китай. У себя дома она не знала гражданских войн, и ее политику поддерживала вся нация. Она в течение многих лет занималась пропагандой в Китае. Она прямо и косвенно создавала затруднения объединению Китая. Вместо того чтобы давать советы, действовать суровыми мерами против бандитов, ей следовало бы лучше воспретить экспорт из Японии оружия, доставляемого именно этим бандитам. И действительно число японцев-бандитов в Манчжурии было непропорционально велико по отношению ко всему японскому населению в Трех восточных провинциях, что само по себе вызывает подозрение.

История китайско-японских отношений за последние шестьдесят леть представляет собой ряд конфликтов, прерываемые договорами и соглашениями. При этом всегда Япония выходила победительницей. В 1871 г. возник конфликт по поводу островов Люцзю, которые принадлежали Китаю. В 1874 г. была организована экспедиция на Формозу. Китай в конечном итоге в 1897 г.

отказался от совместного суверенитета на эти острова, и в настоящее время Формоза составляет часть Японской империи. В 1876 г. японцы произвели морскую демонстрацию перед корейским портом Фузаком и постепенно завладели Кореей; полная аннексия Кореи была осуществлена в 1910 г. В 1895 г. по окончании китайско-японской войны Япония получила Формозу; ей были также уступлены Пескадорские острова и Ляодунский полуостров. Последний под давлением России, Англии, Франции и Германии был возвращен Китаю. Русско-японская война разыгралась на территории Китая. Даже в великую войну 1914—1918 гг. японцы нарушили международное право, начав в 1915 г. компанию против арендованной Германией территории Киочао и заняв часть Шандуньской провинции. Соглашение об эвакуации этой провинции и возвращении ее Китаю было подписано только в 1922 г. В 1915 г. Китаю были навязаны 21 требование и несмотря на вмешательство Соединенных штатов беспомощная страна приняла большинство этих требований. По всей вероятности мечты о покорении Востока зародились в Японии со времени аннексии Кореи в 1910 г. В настоящее время эти мечты разрослись в грандиозный план завоевания всего мира. Данное утверждение, много раз повторяемое мною на страницах этой книги, не является выдумкой. Я могу сказать на основе моего собственного опыта, почерпнутого из общения с тысячами японских учащихся в возрасте от 10 до 35 лет, что эта мысль прочно засела в умах японцев как военных, так и невоенных. За пятнадцать лет, в течение которых я преподавал в Японии английский язык, мне пришлось исправлять тысячи сочинений, и эти националистические воззрения, т. е. стремление к мировой войне, высказывались в каждом сочинении, при каждом удобном случае. Как показал меморандум Танаки, японцы поняли, что объединение Китая и Манчжурии способно разрушить их планы. Поэтому они стали сеять раздор в Китае. Внезапное падение китайской империи дало оружие в руки сторонников японской экспансии, и последние не замедлили им воспользоваться. Так как они в состоянии читать китайские письмена, они могли следить изо дня в день за быстрыми переменами, которые совершались в период после отречения императора. Во время китайской революции наследник престола был еще ребенком. Его звали Сюань-Тун, а в настоящее время он известен под именем Генри Пу-и. Японцы после вторжения в Манчжурию захватили его и провозгласили президентом нового государства Манчжоу-Го. С этой целью он был перевезен в город Чанчун, который теперь переименован в Синьцзин. Он находится в северном конце ж.-д. зоны.

Вторым президентом китайской республики после знаменитого доктора Сун-Ят-сена был китайский генерал Юан Ши-кай, честолюбивый человек с широкими политическими планами восстановления империи. Это было 21 год назад. Как раз во время нахождения у власти этого расчетливого солдата Япония начала

проявлять свою своеобразную деятельность. Юан Ши-кай еще находился у власти, когда Китаю было предъявлено 21 требование. Со времени подписания этого договора Япония могла заявлять всему миру, что она и только одна она имеет особые права на территории Китая. До настоящего времени никто не мог определить или разъяснить, что понимают японцы под «особыми» правами. Даже комиссия Литтона вынуждена была в своем докладе признать, что нет возможности установить, какой смысл придает Япония этому термину. После договора 1915 г. Япония вначале сравнительно мало преуспела в смысле интриг и пропаганды на китайской территории. На президентском посту произошла снова перемена, и новый правитель Ли Юань-хун отказался служить орудием японской экспансии. В это время в Японии появился новый класс, так называемый «нарикин», или новые богачи. Эти внезапно разбогатевшие люди особенно настоятельно требовали, чтобы англо-японский союз был расторгнут. Все политические партии Японии разделяют желание овладеть богатствами Манчжурии: Минсейто желает достичь этого при помощи дипломатии, а партия Сейюкай настаивает на более решительных методах. Тотчас же по окончании войны в связи с тем, что союзники отказали Китаю в его требованиях получить обратно Циндао, в Китае сильно развилось движение, которое уже и раньше давало о себе знать. Появился впервые китайский патриотизм, а вместе с ним маниакальная ненависть к Японии. Антияпонские настроения все больше и больше усиливались, влияние гоминдана — националистической партии Южного Китая, сильно восросло как в смысле патриотических настроений, так и в смысле финансовой мощи. Япония реагировала на это новой интригой, в которую она вовлекла северную или военную партию. Самым влиятельным человеком в этой партии был маршал Чжан Цзо-лин. Он появился из горного района и прежде был бандитом. Присоединившись к северной партии, он был принят на военную службу и чрезвычайно скоро стал генералом. В 1916 г. этот бывший бандит был назначен военным и гражданским губернатором Мукдена и попытался порвать сношения с центральным правительством. Впоследствии он раскаялся и был назначен главным ревизором Трех восточных провинций.

Постепенно он стал верховным правителем Манчжурии и присвоил себе почти суверенные права. Однако он поддерживал дружественные отношения с центральным правительством и уверял, что он отнюдь не рассматривает свои провинции как нечто отдельное от китайской республики.

В первый период своего пребывания у власти он давал основания японцам думать, что он согласен действовать заодно с ними для осуществления их планов. Так как власть его распространялась все шире и шире, то японцы чрезвычайно с ним носились. Одно время его власть простиралась на весь Шаньдун, вплоть до Шанхая, между тем как японцы давно уже метили на эту провинцию. В 1922 г. была созвана Вашингтонская конференция, и

подписанный на этой конференции пакт девяти держав обязал Японию «уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая» и содействовать «сохранению одинаковых возможностей для торговли всех наций» в Китае и для этого «воздерживаться от попыток использовать то положение, которое существует в Китае в целях получения специальных прав и привилегий». Япония обязалась также обеспечить Китаю полную возможность создать и поддерживать у себя сильное и устойчивое правительство.

Маршал Чжан Цзо-лин допустил в своих отношениях с японцами ряд дипломатических ошибок: он слишком много обещал им, и японцы на этих обещаниях основывают значительную часть своих претензий или специальных прав. Они не обращали внимания на заявление китайского правительства, что Чжан Цзо-лин не имеет права давать обещания и предоставлять концессии, и не хотели признать, что, игнорируя это и действуя с черного хода, они тем самым нарушают неписанные положения международного права. Эти словесные обещания Чжан Цзо-лина вместе с тремя основаниями самих японцев, о которых я упоминал в начале этой главы, являются краеугольным камнем, на котором японцы основывают все свои намерения и действия в Манчжурии. Когда штаб и секретные агенты стали уяснять себе, что обещания Чжан Цзолина, поскольку они даны японцам, имеют весьма малое значение, японцы объединили свои усилия для того, чтобы свергнуть маршала. Нет ни малейшего сомнения в том, что японское правительство замешано в убийстве Чжан Цзо-лина. Доклад Литтона не мог дать определенного ответа. Комиссия Литтона действовала от имени Лиги наций, в то время как Китай и Япония состояли членами Лиги. В докладе Литтона об убийстве сказано следующее: «На кого падает ответственность за это убийство, никогда не было установлено. Эта трагедия попрежнему окутана тайной, но возникшее подозрение в участии Японии явилось фактором, еще более усилившим существовавшую уже до того напряженность в отношениях между Китаем и Японией. Чжан Цзо-лин умер 4 июля 1928 г. Его отношения с японцами за последнее время сильно ухудшились. Он принимал участие в гражданской войне в Китае, и повидимому Япония была этим недовольна и требовала, чтобы он отозвал свои войска в Манчжурию». Потерпев поражение в борьбе с армией гоминдана, он был вынужден последовать японскому совету и отправился из Пекина в Мукден. Здесь необходимо — в связи с тем, что затем утверждали японцы — процитировать отчет комиссии Литтона: «Эти армии не вторгались в Китай как в чужую страну... Большинство китайских гражданских войн прямо или косвенно были связаны с различными честолюбивыми планами объединить страну под властью действительно сильного центрального правительства. Во время всех своих войн и периодов независимости Манчжурия оставалась частью Китая, неразрывно с ним связанной». Мысль о возвращении

маршала в Манчжурию была подана японским советником, который сопровождал маршала в поезде. Здесь мы наталкиваемся на первое странное обстоятельство, касающееся убийства Чжан Цзолина. Советник вышел из специального вагона, в котором ехал маршал, как раз перед тем как вагон этот был взорван на воздух. Бомба была брошена именно в этот вагон экстренного поезда, который был заказан второпях и о котором знали лишь немногие китайцы. Бомба была брошена в том месте, где поезд проходил под мостом, по которому идет ж.-д. линия, принадлежащая японцам. Поезд Чжан Цзо-лина должен был здесь замедлить ход. Ж.-д. линия на мосту находится под наблюдением японской стражи, а мост, с которого была брошена бомба, сторожат бессменно днем и ночью. Единственным местом, откуда можно было бросить бомбу, являются сторожевые будки, и китайцы разумеется не могут попасть туда. То обстоятельство, что бомба попала в вагон маршала, ясно свидетельствует о том, что его вагон был указан заранее. Почти не приходится сомневаться, что это убийство было всецело организовано японцами.

Япония никогда не желала примириться с полной утратой Шаньдуна, который раньше находился в аренде у Германии и который она приобрела по Версальскому договору 1919 г. По соглашению 1922 г. Япония эвакуировала железную дорогу Цзян-Чжоу—Цзинань. Но потом, воспользовавшись первым движением на севере, организованным китайской национальной партией в июне 1927 г., Япония послала войска в этот район, как она заявила, для того чтобы защищать жизнь и собственность своих подданных. Когда выяснилось, что последние не понесли абсолютно никакого ущерба, войска в сентябре того же года были уведены обратно. В 1928 г. Япония снова отправила войска в Цзинань под тем же предлогом. Они были расположены в так называемой коммерческой зоне около ж.-д. станции как раз в то время, когда туда прибыла национальная армия генерала Цзян Кай-ши. Разумеется создалось напряженное положение, и все равно, кто бы ни был здесь формально нападающей стороной в том смысле, что начал стрелять первым,— несомненно, что вина за создавшийся конфликт падает на Японию. Она не имела ни малейшего права посылать сюда войска, какие бы доводы она ни приводила. Во всяком случае присутствие японских солдат явилось провокацией в отношении китайских националистов, и ответственность за это падает всецело на Японию. Цзинань подвергся бомбардировке, а китайский комиссар по иностранным делам был зверски убит. Японцы заняли город и только через год покинули его.

В 1925 г. Го Сун-лин, генерал, служивший под начальством Чжан Цзо-лина, повздорил со своим начальником. Он поднял бунт, и японцы очень испугались, что поход этого патриота против Чжан Цзо-лина увенчается успехом. Го Сун-лин действовал удачно и очень скоро завоевал обширную территорию. Следует заметить, что в это время японцы еще полагали, что Чжан Цзо-

лин действует в их пользу и еще не уяснили себе, что его обещания не имеют никакой цены. В Манчжурии почти все китайцы сочувствовали Го Сун-лину, и войска Чжан Цзо-лина в Мукдене таяли. Тогда вмешалась Япония. Она издала совершенно произвольное распоряжение, чтобы по обе стороны дороги соблюдалась нейтральная зона в 7 английских миль. Го Сун-лин на беду оказался как раз в этой зоне. Он находился на запад от железной дороги и в течение некоторого времени был совершенно парализован в своих действиях. Когда однако стало казаться, что, несмотря на обструкцию со стороны японцев, он одержит верх, то Япония не задумалась высадить войска и артиллерию, для того чтобы помешать взбунтовавшемуся генералу добиться своей цели. Японцы ожидали, что Чжан Цзо-лин предоставит им за это новые права. Но он и на сей раз не поддался на их предложения, и с этого момента его судьба была решена. Его преемником был его сын Чжан Сюэ-лян — молодой человек 20 лет. Японцы надеялись, что он будет более податлив и продолжали добиваться у него новых концессий. Японский консул сделал ему официальный визит, для того чтобы выразить соболезнование по поводу безвременной кончины его отца, однако этот визит не мог поколебать ни у кого уверенности, что сообщенные факты об участии японцев в убийстве соответствуют действительности. Установлено, что Чжан Сюэ-лян большую часть дня оставался задержанным в помещении консульства. Говорят, что ему угрожали смертью, если он не подпишет своего согласия на различные уступки. Он удивил японцев своим отказом сделать это, и они все-таки вынуждены были освободить его. Чжан Сюэ-лян хотел примкнуть к гоминдану, т. е. к партии националистов, и японцы понимали, что это может повести к усилению Китая. Они решили, что единственным способом помешать этому является немедленное вторжение в Манчжурию. Начиная с этого дня Япония готовилась к войне. Военный и морской штабы воспользовались случаем и захватили власть в Японии; к великому удивлению японского народа премьер-министром и министром иностранных дел японской империи был назначен генерал Танака. Танака опирался на штабы и на тайные общества каи; его знаменитая «позитивная политика», изложенная в докладе на имя микадо, сделалась лозунгом дня. Начиная с 1927 г. штабы сосредоточивали все свои усилия на том, как бы придумать какую-нибудь формулу, которая могла бы оправдать их домогательства перед внешним миром.

Между тем положение в Манчжурии становилось с точки зрения Японии все хуже и хуже. Когда в 1928 г. молодой маршал Чжан Сюэ-лян водрузил над своим дворцом националистский флаг, Япония поняла, что пришло время быстро действовать. Политика китайских националистов была направлена к созданию объединенного Китая и против Японии и ее особых прав в Китае. В конце 1930 г. национальные чувства были в Китае сильнее, чем когда-либо; гоминдан организовал свои отделения в Мукдене и в

других крупных городах Манчжурии. Проводились собрания, на которых обсуждались вопросы, означавшие конец всех японских надежд в Китае. Штабы приняли решение захватить Манчжурию и уже затем искать поводов для оправдания этого акта. Они нашли их в 1931 г.

Было бы несправедливым не упомянуть о том, что политика Танака вызвала известные опасения у части японского народа и что в результате этого к власти вернулась партия Минсейто. Новый министр иностранных дел, барон Шидехара, прилагал все усилия к тому, чтобы охладить пыл горячих японских патриотов. Во время его пребывания на посту министра дела шли гладко, хотя внутри Япония кипела, как вулкан. Когда министерство партии Минсейто пало, премьером был назначен «японский Клемансо»— Инукаи. Инукаи был убит у себя на дому членами тайного общества, известного под названием «Братства крови». В начале июня был убит капитан Намакура. Кроме того в то время еще продолжало тянуться печальное ваньбаошаньское дело. Как в том, так и в другом деле виновными надо считать японцев. Я уверен, что оба эти дела возникли в результате намеренного подстрекательства со стороны японцев и должны были послужить предлогом для захвата Манчжурии.

Ваньбаошаньское дело началось в апреле 1931 г. Китаец Хао Юн-дэ взял в аренду у Шао Ен-лина и других участок земли. Арендный договор был подписан 16 апреля. Последний пункт договора устанавливал, что договор является действительным лишь при условии подтверждения его правительством чанчуньского района. Этот пункт находился в полном соответствии с местными законами. Еще до утверждения договора Хао Юн-дэ переуступил свое право на аренду группе корейских крестьян. Это было сделано без согласования с районными властями. Корейские крестьяне наняли 180 рабочих-корейцев, которые сразу же приступили к земляным работам. Они начали рыть канал в несколько миль длины, который должен был соединить арендованную землю с рекою Итун с тем, чтобы сделать землю пригодной для возделывания риса. Затем, чтобы обеспечить воду для канала, они начали запруживать реку Итун. Между тем река эта является единственным источником воды для местных крестьян. Кроме того земля, через которую они прокладывали канал, не принадлежала корейцам; ни они, ни Хао Юн-дэ не заключили никаких договоров на пользование ею и не получили от собственников земли никакого разрешения на проведение канала. Китайцы, у которых отнимали землю, естественно возражали против этого. Они не только протестовали против нарушения их права собственности и причинения им материального вреда, но и указывали, что в случае наводнения погибнет весь урожай на близлежащих землях площадью в несколько сот тысяч акров. По нашим западным понятиям в настоящем споре вряд ли могут быть найдены какие-нибудь аргументы в пользу корейцев. Тем не менее местные власти диплома-

тически убеждали китайских крестьян быть терпеливыми и без указания свыше не предпринимать никаких конкретных шагов. В то же самое время полиции было приказано отправиться на место работ и заставить корейцев приостановить рытье канала. Когда китайская полиция прибыла на место, оказалось, что японский консул в Чанчуне уже прислал в помощь корейцам шесть японских полицейских. Благодаря этому корейцы сделались еще более несговорчивыми.

Когда попытка районных властей достичь полюбовного соглашения окончилась неудачей, японский консул прислал еще более значительное число корейцев для продолжения работ по прорытию канала. С ними прибыли также 60 японских полицейских, вооруженных пулеметами. Полицейские насильно заняли дома китайских крестьян и устроили в них свою главную квартиру. Сооружение канала и плотины было закончено в последних числах июня.

Между тем муниципальные власти Чанчуня заявили протест японскому консулу, указывая на то, что первоначальный арендный договор Хао Юн-дэ не имеет силы. Они писали, что о праве на прорытие канала вообще не может быть и речи и что проведение канала нарушило земельные права китайских крестьян, не имеющих никакого отношения к арендному договору. Они требовали наказания корейцев и возмещения убытков китайцам, у которых была повреждена земля.

На следующий день китайские власти отправили японскому консулу второе отношение, в котором они требовали отозвания японских полицейских и настаивали на том, чтобы он приказал корейцам приостановить работу. В тот же день японский генеральный консул поручил вице-консулу в Гирине посетить председателя гиринского провинциального правительства по вопросу об одновременном отозвании как японских, так и китайских полицейских. 6 числа японский консул в Чанчуне ответил китайцам на обе их ноты. В своем ответе он указывал, что корейцы производят работы в соответствии с контрактом, и довольно наивно утверждал, что в своей работе корейцы руководствуются наилучшими побуждениями. Далее он указывал, что они слишком бедны, чтобы приказать им уйти с данного участка, и что такое выселение означало бы для них голодную смерть. (Я считал бы уместным напомнить здесь читателю о том, как вели себя японцы в самой Корее.) 8 июня было достигнуто соглашение, по которому все полицейские должны были оставить участок, и спор передан на рассмотрение смешанной китайско-японской следственной комиссии, составленной из местных властей и представителей от обеих сторон. Соглашение устанавливало также, что корейцы должны немедленно приостановить работу. 9 июня китайцы официально подтвердили свое согласие с условиями соглашения и выразили надежду на скорое урегулирование спора. 11 июня китайские муниципальные власти препроводили японскому консулу в Чанчуне

протокол расследования, произведенного смешанной комиссией в присутствии двух чиновников консульства и одного представителя Южноманчжурской железной дороги. Протокол состоял из трех частей: 1) текста арендного договора, 2) изложения причин, вызвавших возражение китайских крестьян против прорытия канала и 3) выводов комиссии. В первой части с полной очевидностью устанавливалось, что арендный договор не получил официального подтверждения и не был заверен властями. В возражениях китайских крестьян указывалось, что канал рассекал их землю на две части и делал сообщение между этими частями крайне затруднительным. В частности для перевозки с одной стороны канала на другую больших сельскохозяйственных орудий приходилось вести их окружным путем и делать до десяти миль лишнего пути. Чтобы направить воду из реки в канал, неизбежно придется затопить несколько сот акров земли, так как то место, где предполагается соединение реки с каналом, лежит на более высоком уровне, чем окружающие земли. Это далее означало, что вода, стекающая с означенного участка, затопит все примыкающие окрестные поля. Сооружение плотины вызвало подъем воды в реке Итун, что причинило значительные разрушения переправы в Мачисокоу. В результате устройства плотины река перестала бы служить средством сообщения между ее верхним и нижним плесами.

В заключительной части комиссия устанавливала, что прорытие канала нарушило право собственности китайских крестьян и свело на-нет затраченные крестьянами время и труд; что плотина вызовет затопление очень большого пространства земли; что необходимейшие средства сообщения между чанчуньским и нонанским районами теперь не могут быть использованы и что ни один народ не потерпел бы такого насилия и вмешательства в его дела со стороны иностранцев.

К вечеру того дня, когда протокол был представлен японскому консулу, китайцы выступили с предложением о том, чтобы корейцам было разрешено обрабатывать землю, но только не прибегая к искусственному орошению, а сухим способом, и чтобы Хао Юн-дэ как главный виновник всего этого дела возместил корейцам убытки, которые они от этого понесут. Это предложение показывает, что китайцы сами отлично сознавали всю силу Японии и стремились искренно притти к какому-нибудь соглашению. 12 июня японский консул ответил на великодушное предложение китайцев отказом. 13 июня он выставил следующие аргументы против постановления следственной комиссии: во-первых, река Итун не вызовет наводнения и во-вторых, корейцы не виноваты в возникновении этого дела. Во втором отношении от того же 13 июня консул указывал, что в результате сооружения канала стоимость земли должна возрасти. 14 числа китайские муниципальные власти отправили консулу письмо, объяснявшее, в чем именно корейцы нарушили законы гиринского провинциального правительства. Опять они подробно перечисляли весь причинен-

ный корейцами ущерб и настаивали, чтобы японцы сдержали свое обещание, данное ими смешанной следственной комиссии. Двумя днями позже японский консул ответил китайским властям в том смысле, что если произойдет наводнение, то корейцы найдут какие-нибудь способы исправить положение. При этом он сообщал, что японская полиция снова вернулась на место работы для охраны корейцев, которые до сих пор еще не приступили к работе. 17 числа китайцы потребовали увода японской полиции. 23-го они сообщили консулу, что в результате произведенных корейцами работ была затоплена земля, находящаяся на расстоянии $1^3/_8$ мили от реки. Далее они сообщали, что по полученным ими сведениям 75 корейцев возобновили работу. Через три дня японский консул прислал ответ. Он писал, что необходимо разрешить корейцам закончить их работу и что после окончания работ можно будет лучше судить о том, действительно ли плотина может вызвать наводнение. Во втором отношении от того же числа он сообщал, что несколько корейцев арестовано китайскими властями и что китайские крестьяне разрушили часть канала. 27 июня китайцы послали консулу еще два письма с перечислением понесенных убытков и с объяснением всех обстоятельств, обосновывающих справедливые требования китайских крестьян.

1 июля около 400 китайских крестьян заняли часть канала. Для защиты корейцев были отправлены 20 вооруженных японских полицейских. В течение следующих двух дней китайцы продолжали разрушать канал, против чего японский консул заявил протест. Японская полиция открыла огонь по китайцам, что вызвало в свою очередь протест со стороны местных властей. 8 июля местные власти вновь потребовали отозвания и наказания полицейских. 10 июля японский консул потребовал уплаты корейцам денежной компенсации в размере их расходов на жизнь в течение одного года и свободного проживания для всех корейских крестьян, фактически уже владеющих землей. За это корейцы в течение года будут возделывать землю сухим способом; по истечении же года им должно быть разрешено перейти к орошению земли и возделыванию риса. С этого момента в дело вмешались высшие власти, и весь инцидент приобрел международный характер.

Между тем японцы, не теряя времени, распространяли сообщения об этом деле по всей Корее. Известия передавались в искаженном и преувеличенном виде. Были пущены слухи об убийстве корейских крестьян и о невероятно жестоком обращении с ними китайцев. Возбуждение в Корее достигло апогея, когда 1 июля китайские крестьяне разрушили часть канала. Первые инциденты произошли в Джинсене, где 3 июля толпа устроила направленные против китайцев выступления и бросала в китайцев камнями. На рассвете следующего дня китайцы собрались в китайском квартале Джинсена и не выходили оттуда, чтобы избежать встречи с толпой. Кроме того они обратились к полиции с

просьбой взять их под свою защиту. Около полудня свыше 3 тыс. корейцев произвели погром, взламывая двери и уничтожая имущество китайцев. 5 июля полиция заверила китайского генерального консула, что она принимает на себя полную ответственность за сохранение порядка. Однако в тот же день произошли новые беспорядки, причинившие значительный ущерб имуществу китайцев. Два китайца были убиты и около двадцати человек ранено В Сеуле первое выступление произошло 3 июля. 146 китайцев было ранено; кроме того китайцам был нанесен большой материальный ущерб. В Хейджо 5 июля толпа корейцев, вооруженных палками, ножами и топорами, напала на китайский квартал. Много женщин и детей были зарублены до смерти. Во всех этих местах ответственность за сохранение порядка лежала на японских полицейских; однако они не принимали никаких мер к прекращению прогромов. Повсюду толпы погромщиков грабили, жгли, убивали. Подобные беспорядки имели место в семи корейских городах. В каждом из них полиции не стоило бы никакого труда справиться с толпой, которая была вооружена только ножами и палками; однако полиция не вмешивалась в действие погромщиков. Общее количество жертв китайских погромов по последним сведениям определяется в 142 убитых, 546 раненых и 91 пропавших без вести. Материальный ущерб оценивается в 4 163 103 иены. Эти цифры несколько выше тех, которые приводятся в докладе комиссии Литтона, но и они несомненно являются преуменьшенными.

Теперь я перейду к делу капитана Намакура. Мне кажется не подлежащим сомнению, что это дело было подстроено самими японцами. Возможно, они и не рассчитывали, что дело кончится убийством. Но тот факт, что Намакура был убит, оказался им только на-руку. В начале июня офицер императорской японской армии, капитан Шинтаро Намакура отправился в Манчжурию с секретным поручением. Его сопровождали один монгол, по фамилии Исуги, и один русский-белый. В Китае существует порядок, согласно которому в случае, если иностранец желает проехать в глубь страны, его консул должен сообщить китайским властям биографические сведения о нем, указать предполагаемый маршрут и цель поездки. После этого ему выдается паспорт, и властям на местах посылается предписание об оказании путешественнику содействия и защиты. В паспорте капитана Намакура согласно его заявлению было указано, что он по профессии агроном. 9 июня Намакура и его товарищи выехали со станции Иликоту в район, в котором в то время орудовали бандиты. Об этом капитана Намакура предупредили китайские власти в Харбине при проверке его паспорта. Это формальное предупреждение было вписано китайскими письменами в его паспорт. Когда Намакура и его товарищи проехали некоторое расстояние в глубь страны по направлению к Таонану, они были арестованы китайскими солдатами 3-го полка; командиром этого полка был генерал Юань Чен. Путешественникам было объявлено, что в их

паспорте и в предписании властям не имеется разрешения на проезд через данную местность. Несколькими днями позже Намакура и его спутники были убиты. 17 июля японский генеральный консул в Цицикаре получил сообщение о смерти Намакура. Известие это разрешено было опубликовать в газете «Манчжурия дейли ньюс» ровно через месяц, т. е. 17 августа. В тот же самый день японский генеральный консул в Мукдене Хаяши и майор Мори, присланный японским генеральным штабом в Токио для расследования этого дела, посетили губернатора Ляонинской провинции. Последний обещал произвести расследование. Японцы заявили, что у них имеются достоверные сведения о том, что смерть Намакура была делом рук китайских солдат. Ляонинский губернатор немедленно сообщил обо всем маршалу Чжан Сюэ-ляну, лежавшему в то время больным в госпитале в Пекине, а также министру иностранных дел в Нанкине. Кроме того он назначил двух китайцев для производства расследования. Интересно отметить, что «достоверные сведения», на которые ссылались японцы, были получены ими от генерала Ширакава. Ширакава был раньше генералом штаба японской армии в Манчжурии; но затем он сделался журналистом и в качестве такового разъезжал по унылым горным районам Манчжурии. Там он встретил одну японку, сожительницу одного местного бандита. Последний в состоянии опьянения открыл тайну своей сожительнице, а та передала ее Ширакава. Таким путем тайна убийства Намакура стала известна японцам. 4 сентября японскому генеральному консулу сообщили, что первое расследование, назначенное ляонинским губернатором, не дало результатов и что маршал Чжан Сюэ-лян собирается произвести новое расследование. В то же время Чжан Сюэ-лян отправил одного из своих японских советников в Токио, чтобы передать, что он делает все от него зависящее, чтобы распутать это дело, и что он надеется в скором времени прислать исчерпывающее сообщение. Посланец — майор Шибаяма — прибыл в Токио 12 сентября и сообщил представителям печати, что маршал горячо желает обеспечить скорейшее окончание дела Намакура. Японский посол в Китае барон Шидехара также прибыл в Токио, и с его участием было устроено несколько совещаний, целью которых было найти тот или иной выход из создавшегося положения.

Вторая следственная комиссия посетила место убийства и вернулась в Мукден 16 сентября. Через два дня после этого китайцы уведомили японского консула, что генерал Юань Чен доставлен в Мукден и предается военному суду по обвинению в убийстве Намакура. 17 сентября агентство во главе «Ниппон демпо» телеграфировало в Токио, что «предвидится» дружественное разрешение конфликта, связанного с убийством капитана японского генерального штаба Намакура. «В это время Юань Чен содержался арестованным в военной тюрьме. Заседание военного суда для рассмотрения дела было назначено на 24 сентября. До-

клад Литтона говорит: «Казалось, что дипломатические переговоры о достижении соглашения по делу Намакура протекают вполне благоприятно; так обстояло дело вплоть до ночи 18 сентября».

Итак японцы теперь нагло заявляли, что Намакура был сотрудником генерального штаба. Они допускали, что он не открыл своего звания китайским властям. Разумеется, они не упоминали о том, что он мог быть шпионом, хотя на самом деле не подлежит никакому сомнению, что он был послан японцами в Манчжурию в качестве провокатора. Китайцы уверяют, что Намакура вез с собою различные медикаменты, в числе которых имелись наркотические средства не для медицинских целей. Японцы сами не отрицали, что при Намакура было оружие. Отобранные у Намакура документы, и в том числе японская военная топографическая карта и два дневника с заметками стратегического характера, доказывали, что он был шпионом. Японцы охотно признали, хотя и не были согласны с правильностью определения, что Намакура ехал по специальному военному заданию. Мы имеем здесь дело с простой уверткой, с игрой словами.

Между тем в это время ваньбаошаньское дело еще продолжало тянуться. Проснувшись утром 19 сентября, жители Мукдена увидели, что их город занят японскими войсками. Ночью были слышны звуки стрельбы и громкий взрыв, но так как в течение последнего времени японцы часто устраивали ночные маневры, то в этом не было ничего необычного, и мукденцы не обратили на это внимания. Между тем война началась.

6. Первые шаги

В докладе Литтона приведено японское объяснение событий, имевших место в ночь с 18 на 19 сентября. Вкратце объяснение японцев сводится к тому, что во время ночных маневров последних на них напали китайцы, и между ними завязалось сражение. Японская версия шита белыми нитками. Лейтенант Кавамото показал, что он находился в ночном патруле с шестью нижними чинами и занимался с ними упражнениями по обороне военных позиций. Стояла ясная ночь. Вдруг они услышали позади себя взрыв и, обернувшись, увидели, что часть моста взорвана. Они отправились выяснять, в чем дело, но в это время по ним открыли стрельбу. Следуя за неприятелем, они обнаружили несколько сот китайских солдат, которые снова открыли по ним огонь. Лейтенант сообщил об всем в штаб командиру 3-й роты, который находился на расстоянии около 1 500 ярдов от места происшествия.

В этот момент раздался шум приближающегося поезда. Это шел поезд из Чанчуня. Кавамото сразу вспомнил, что ж.-д. путь взорван. Доблестный лейтенант не растерялся, а поспешил на линию. За тот короткий промежуток времени, который прошел от момента, когда шум поезда донесся сквозь треск ружейной стрельбы, и до того момента, когда поезд достиг рокового места, он

успел прибежать к ж.-д. пути и положить на рельсы пистоны в надежде таким путем предупредить машиниста об опасности. Однако последний очевидно принял треск пистонов за ружейную стрельбу и дал полный ход. Поезд промчался мимо объятого ужасом лейтенанта. С выпученными от страха глазами и сжатыми кулаками ждал Кавамото крушения. Однако очевидно в дело вмешался какой-то ангел-хранитель и к тому моменту, когда поезд достиг рокового места, временно подправил одну сторону пути. Поезд грациозно приподнялся своей левой стороной и благополучно прошел через опасное место на одних правых колесах. Он даже прибыл в Мукден без опоздания, что бывает очень редко. Таков рассказ лейтенанта, бывшего очевидцем чуда с поездом. «Затем сражение возобновилось».

Далее японская версия излагает дело так: когда прибыли подкрепления, Кавамото всего с 500 солдат атаковал китайские казармы, в которых по его предположениям должно было находиться свыше 10 тыс. китайских солдат. Он объяснил лорду Литтону свой образ действия тем, что «лучшая защита это нападение». После нескольких часов боя ворота, ведущие в казармы с юга, были разрушены выстрелом из китайской же пушки. Очевидно китайцы сделали это нарочно, чтобы облегчить японцам их задачу. Так или иначе казармы через час были взяты. К несчастью в это время произошел пожар, и казармы сгорели. В то же время военные операции производились с такой же точностью и быстротой и в других местах. Мукден был атакован японцами. По словам самих японцев, им не оказали сопротивления, так что в результате было убито только 75 китайских полицейских. Во время всех этих злосчастных событий генерал-лейтенанта Хондзио не было на месте: он совершал в это время инспекторский объезд. Он якобы лишь позже узнал об этом ничем не вызванном нападении китайцев на его войска. Генерал Хондзио впервые узнал о событиях в 11 часов утра. Но обладая стремительным характером, он не стал терять ни минуты времени. В самом деле он принял свои решения с такой быстротой, что в 11 ч. 46 м. начальник штаба уже был поставлен обо всем в известность, японский флот получил приказание отправиться в Инкоу, войска из Ляояна, Инкоу и Фынхуанчена уже шли на Мукден, а командующему японской армией в Корее уже был отправлен приказ о присылке подкреплений. В 12 часов Хондзио прибыл в Мукден.

Японцы утверждают, что они похоронили 320 убитых китайцев, но нашли всего 20 раненых. Не умаляя высокого качества японских солдат как чрезвычайно метких стрелков, я все же должен сказать, что означенные цифры слишком хороши, чтобы им можно было поверить. В ночном сражении, когда японцы были захвачены китайцами врасплох, они умудрились убить 320 врагов и ранить всего 20. Заметим при этом, что у китайцев почти не было времени подобрать своих раненых. Таким образом приводимые японцами цифры ни с чем не вяжутся. Возможно, они

обязаны своим происхождением фантазии упомянутого лейтенанта Кавамото, по инициативе которого завязалось сражение. Но наиболее правильное объяснение странного соотношения между числом убитых и числом раненых заключается в том, что японцы очевидно прикончили большую часть раненых. Далее, я считаю, что цифры убитых и раненых убедительно говорят о том, что японцы вовсе не были захвачены врасплох, как они хотят в этом уверить. Разве обычно при ночных маневрах солдат так щедро снабжают аммуницией? И неужели японцы на своих военных занятиях при инсценировке боев придерживаются такого реализма, что стреляют не холостыми, а обязательно боевыми патронами?

Китайская версия, разумеется, диаметрально противоположна японской. Китайцы уверяют, что нападение явилось для них совершенно неожиданным, и я думаю, не приходится сомневаться, что именно так и было. В пользу этого говорит число жертв, понесенных той и другой стороной. Китайцы также слышали взрыв и ружейную стрельбу и тотчас же донесли об этом своему командующему — генералу Ван И-чи. В то время как начальник штаба еще разговаривал по телефону, уже началось нападение на казармы. Китайцы не оказали сколько-нибудь серьезного сопротивления нападению. Они имели приказ маршала Чжан Сюэ-ляна о том, чтобы в связи с существовавшим в то время напряженным положением избегать всяких столкновений с японскими солдатами. Комиссии Литтона была предъявлена полученная от Чжан Сюэ-ляна телеграмма следующего содержания: «Наши отношения с Японией стали чрезвычайно напряженными. Мы должны быть особенно осторожны в сношениях с ними. Как бы ни было вызывающе их поведение, мы должны быть в высшей степени терпеливы и никогда не прибегать к силе, чтобы таким образом избежать всякой возможности конфликта. Я предлагаю вам немедленно дать секретные инструкции всем офицерам, обратив их особое внимание на это обстоятельство». Сопротивление японцам оказал только 620-й полк, который оказался отрезанным и вынужден был прокладывать себе дорогу с оружием в руках.

Вывод совершенно ясен. Нападающей стороной были японцы. Они хотели войны; они опасались, что дело Намакура может быть улажено; они понимали, что если какая-нибудь посторонняя держава будет приглашена в качестве арбитра по ваньбаошаньскому делу, то она несомненно решит дело не в пользу Японии. Японцы решили воевать, и поэтому они напали на китайские войска. Я считаю весьма вероятным, что японцы виновны также в злосчастном взрыве на железной дороге. Их намерения в данном случае представляются не совсем ясными. Возможно, что они решили пожертвовать в случае крушения поезда теми немногими японцами, которые ехали на нем, и использовать их смерть в качестве повода для начала военных действий. Это предположение кажется логичным; так или иначе, не может быть сомнения в том, что взрыв являлся для японцев сигналом, и что в ночь с 18 на

19 сентября они сделали свои первые шаги к захвату Манчжурии.

Выводы комиссии Литтона представляют значительный интерес. Необходимо снова подчеркнуть, что комиссия имела своей задачей только собирать сведения и что она действовала по поручению обеих стран (Китая и Японии), когда Япония еще состояла членом Лиги наций. Поскольку это так, становится ясным, что всякого рода замечания доклада, содержащие те или иные выводы или суждения, надо рассматривать как личные мнения членов комиссии, к тому же мнения, по возможности завуалированные и смягченные, чтобы быть приемлемыми для того высокого органа, через который они должны были быть опубликованы. Другими словами, выводы комиссии по вопросу о том, кто был нападающей стороной в ночь на 19 сентября, позволяют не сомневаться в единодушном мнении членов комиссии. Доклад говорит: «Между японскими и китайскими военными силами несомненно существуют натянутые отношения. Показания, собранные комиссией, установили, что у японцев имелся тщательно разработанный план на случай возможных враждебных действий между ними и китайцами в ночь с 18 на 19 сентября и что этот план был осуществлен с максимальной быстротой и точностью. Китайцы же в соответствии с упомянутыми выше инструкциями (т. е. телеграммой маршала Сюэ-ляна) не предполагал в данное время и в данном месте напасть на японские войска или поставить под угрозу жизнь или имущество японских граждан. Они не произвели никакого заранее обдуманного нападения на японские силы, да и не имели никаких указаний на этот счет от своего командования. Нападение японцев и последующие операции явились для них совершенной неожиданностью. Взрыв на железной дороге или поблизости от нее несомненно произошел между 10 ч. и 10 ч. 30 м. вечером 18 сентября; но если железная дорога и была повреждена, то это не помешало поезду из Чанчуня притти в Мукден без опоздания и само по себе еще было недостаточно, чтобы оправдать военные действия японцев. Описанные выше военные операции японских войск в ночь на 19 сентября ни в коем случае нельзя рассматривать как меры, продиктованные необходимостью военной обороны».

7. Последствия японского вторжения

Я не собираюсь давать здесь подробного изложения всего хода японской кампании в Манчжурии за время от 18 сентября 1931 г. и до последовавшего 28 февраля 1932 г. провозглашения независимости, превратившего Манчжурию в особое государство под именем Манчжоу-Го. Достаточно будет сказать, что 24 сентября 1931 г. Япония уведомила Лигу наций, что большая часть ее военных сил отозвана в пределы железнодорожной зоны и что японское правительство предполагает закончить эвакуацию в возможно кратчайший срок. Любопытно отметить, что в тот же са-

мый день японский бронепоезд атаковал Тунляо, пункт, расположенный в 125 милях от упомянутой зоны, — и что города Купанцзы и Цзинчжоу, также расположенные на значительном расстоянии от Южноманчжурской железной дороги, равным образом подверглись бомбардировке. В том же сообщении содержится опровержение факта отправки войск в Чанчун, несмотря на то что в то время этот город уже был занят японцами. Далее Япония уверяла Лигу наций, что она не займет Сыпингай-цзинчжаутунской железной дороги. Между тем еще за два дня до этого дорога была уже в японских руках.

В резолюции от 30 сентября совет Лиги наций принял к сведению обещание Японии отозвать войска. Китай строго выполнял данные им лиге обещания; но Япония с полнейшим хладнокровием продолжала проводить свою линию. 24 октября и 10 декабря совет лиги напоминал Японии об ее обещании, но она оставила обе ноты безо всякого внимания и продолжала продвигаться вперед. В свое оправдание Япония каждый раз ссылалась на близость китайских войск. Чтобы успокоить ее опасения, Китай оттягивал свои войска, но Япония тотчас же следовала за ними, а когда ей напоминали об ее обещаниях, она вновь ссылалась на близость китайцев. Нам на Западе трудно верить этим фактам, но тем не менее все это абсолютная правда. Япония приступила к покорению Востока и решила ни перед чем не останавливаться.

Отдельные стадии захвата Манчжурии в их хронологической последовательности не представляют непосредственного интереса. Это была непрерывная смена японского наступления и отхода китайцев. Во время этих операций происходили многочисленные случаи жестокостей и насилий в отношении частных лиц, незаконные аресты и конфискация, насильственное занятие административных учреждений и т. п.

В особенности в первые дни своего вторжения в Манчжурию Япония подвергла воздушной бомбардировке многие совершенно незащищенные и неукрепленные города. Доклад комиссии Литтона довольно ясно указывает, что в течение всей кампании со стороны китайцев было очень мало провокационных выступлений и что эти воздушные нападения японцев не могут быть ничем оправданы. В Трех восточных провинциях около 40 городов подверглись воздушной или артиллерийской бомбардировке. Причиненные убытки не поддаются учету. 8 октября 12 аэропланов атаковали Цзинчжоу, причем было убито свыше 20 человек. 6 ноября на город Санченьфан было сброшено несколько сот бомб. Месяцем позже во время решительно ничем не вызванного налета на ряд деревень в северо-западной части Мукденской провинции было убито свыше 300 китайских крестьян. 4 января в Тунляо сброшенными с аэроплана бомбами было убито 7 человек и разрушено 15 домов.

В районе Синлунтяня в течение четырех дней подряд обстреливался пассажирский поезд Бэйпин-ляонинской железной дороги

Очевидно в каждом из этих случаев мы имеем дело с эксцессами со стороны части японских войск, хотя официальная японская версия гласит, будто бы стрельбу во всех случаях открывали китайцы. После занятий Шеньяна председатель ляонинского провинциального правительства Цан Ши-и был арестован и под угрозой смерти вынужден письменно удостоверить, что именно китайцы виновны в провокационных выступлениях, имевших место накануне занятия города. Комиссар земледелия той же провинции Лю Хо-лин был арестован японцами за отказ подписать документ о передаче японцам концессии на разработку рудников. Генерал Фын-Юн, основатель фын-юнского университета, был захвачен японцами, содержался 13 дней под стражей и затем был отправлен в Токио. Там он был посажен на японский пароход, отправляющийся в Сингапур, но по дороге, в Шанхае, ему удалось бежать.

Так как при приближении японцев все представители местной власти обычно эвакуировались, то японцы во многих случаях захватывали их личное имущество и объявляли, что если владельцы имущества не найдутся, то оно будет продано. Разумеется владельцы не решались вернуться; тогда японцы продавали имущество с молотка и вырученные деньги присваивали себе.

Изложенные случаи представляют собой лишь несколько примеров из числа многих сотен насилий и беззаконий, совершенных японцами. Рассказывают о самых страшных случаях произвола, однако получить документальное подтверждение этих рассказов невозможно. Зная о свойственном японцам садизме и кровожадности, я склонен считать эти рассказы соответствующими действительности. Эти ужасы являются потрясающими по своей бесчеловечности. Кстати необходимо указать, что все сведения, поступающие в настоящее время из Манчжурии, исходят из японских источников. Все они подвергаются строжайшей цензуре; и если какие-нибудь устные сообщения и проскальзывают, то только через беженцев, переходящих через Великую стену. Здесь следовало бы пожалуй еще раз вернуться к докладу Литтона. Хотя этот доклад составлен еще до формального образования государства Манчжоу-Го, тем не менее он дает возможность получить правильное представление о настроениях местных жителей и дает авторитетное подтверждение самых отчаянных описаний японского «управления» в Манчжурии, представляющего собою подлинное царство террора. В главе, озаглавленной «Отзывы манчжурских жителей», доклад говорит: «Одной из задач комиссии было выяснить отношение жителей Манчжурии к новому «государству». Однако получение необходимых показаний представило значительные трудности. Действительная или предполагаемая опасность, которую могли представлять собой для комиссии бандиты или сторонники нового правительства, недовольные присутствием в комиссии китайского представителя, неприязненно относящегося к новому режиму, послужила поводом для принятия исключительных мер охраны. При неустойчивом положении в стра-

не комиссия несомненно могла встретиться с действительной опасностью, и мы благодарны за ту надежную охрану, которая была нам предоставлена в течение всей нашей поездки. Однако в результате мы не имели возможности близко встречаться с необходимыми нам свидетелями. Многие китайцы просто боялись встречаться с сотрудниками нашей комиссии. В одном месте нам сообщили, что без предварительного разрешения местных властей там никому не разрешается говорить с членами комиссии. Ввиду этого в большинстве случаев разговоры с местными жителями были очень затруднительны, и часто приходилось устраивать встречи тайно. Многие лица говорили нам, что даже при этих условиях они считают слишком опасным для себя встречаться с нами.

«Несмотря на эти затруднения, нам удалось, помимо наших официальных встреч с властями Манчжоу-Го, японскими консулами и военным начальством, устроить ряд неофициальных встреч с коммерсантами, банкирами, учителями, врачами, полицейскими, торговцами, ремесленниками и другими лицами. Кроме того мы получили свыше 1 500 писем, часть которых была вручена нам лично их авторами, а часть прислана на разные адреса. Полученная таким образом информация по мере возможности проверялась нами на основании показаний из нейтральных источников.

«Комиссия приняла много делегаций, представлявших собою общественные учреждения и организации. Обычно эти делегации оставляли нам письменные доклады. Большинство делегаций были представлены нам японцами или властями Манчжоу-Го; и это дает нам основание думать, что их доклады были предварительно одобрены японцами. И в самом деле в некоторых случаях лица, передававшие нам такие доклады, позже говорили нам, что доклады эти были написаны японцами или основательно переделаны ими и что поэтому их не следует принимать за выражение действительной точки зрения китайцев. В упомянутых документах обращает на себя внимание то обстоятельство, что они определенно избегают высказываться (будь то одобрительно или неодобрительно) о роли японцев в деле создания и поддержки правительства Манчжоу-Го. В основном эти доклады занимаются перечислением обид, претерпевавшихся населением от прежних китайских властей, и содержат выражение надежды и веры в будущее нового «государства».

«Что касается писем, то они получались от крестьян, мелких торговцев, городских рабочих и студентов и передавали чувства и переживания их авторов. После возвращения комиссии в Бэйпин (в июне) вся эта масса писем была переведена, разобрана и проанализирована специально приглашенным для этой цели штатом сотрудников. Все 1 500 писем, за исключением всего двух, были резко враждебны по отношению к новому правительству

Манчжоу-Го и к японцам. Они производят впечатление полной искренности и непосредственности.

«Причины, заставляющие высших китайских чиновников служить манчжурскому правительству, различны. Многие из них служили и при прежнем режиме, и теперь их при помощи всякого рода посулов или наоборот при помощи застращивания заставили остаться на службе.

«Некоторые из высших чиновников сообщили комисси о том, что их застивили остаться на службе против их воли, угрожая в случае отказа арестом; они указывали, что вся власть находится в японских руках, и заявляли, что они остаются верными Китаю и что не следует придавать безусловной веры тому, что они говорили комиссии в присутствии японцев. Некоторые должностные лица остались на службе, для того чтобы спасти свое имущество от конфискации, поскольку известны были случаи конфискации имущества бежавших представителей местной власти. Другие, люди безупречной репутации, поступали на службу к новому правительству, надеясь на то, что в их руках будет достаточно власти, чтобы повлиять на улучшение управления, и доверяя обещанию японцев предоставить им соответствующие возможности. Некоторые манчжуры поступали на службу в надежде воспользоваться привилегиями, предоставляемыми лицам манчжурской национальности. Некоторых из них вскоре постигало разочарование; они жаловались, что им не давали настоящей власти. Наконец небольшая часть служила потому, что у них были личные счеты с прежним строем на почве их материальных интересов.

«Низшие должностные лица и представители местной власти остались на своих должностях частью из-за необходимости иметь заработок для пропитания своей семьи, частью же потому, что они сознавали, что в случае их ухода на их место могут быть назначены люди худшие. Многие из местных судей также остались на своих местах отчасти из чувства долга в отношении населения, а отчасти под нажимом со стороны японцев... Полиция Манчжоу-Го составлена частью из чинов бывшей китайской полиции, а частью из новых лиц. В более крупных городах японцы состоят на действительной службе в полиции, а во многих других местах при полиции имеются японские советники. Некоторые полицейские чины в беседах с нами выражали свое недовольство новым режимом, но говорили, что им приходится продолжать служить, чтобы прокормиться. Армия Манчжоу-Го также в основном состоит из бывших манчжурских солдат, реорганизованных под наблюдением японских инспекторов. Эти солдаты вначале были рады служить при новом режиме при том условии, что от них требуется лишь поддержание порядка на местах. Однако после того как в ряде случаев их заставляли участвовать в серьезных военных операциях против китайских войск и драться под командой японцев бок о бок с японскими солдатами, вой-

ска Манчжоу-Го начали становиться все более и более ненадежными. Из японских источников сообщают о частых случаях перехода войск Манчжоу-Го на сторону китайцев; в то же время китайцы заявляют, что армия Манчжоу-Го является для них наиболее верным и обильным поставщиком военного снаряжения.

«Опрошенные нами китайские коммерсанты и банкиры настроены враждебно по отношению к Манчжоу-Го. Они не любят японцев. Они боятся за свою жизнь и имущество и часто повторяют: «Мы не желаем очутиться в таком же положении, в каком находятся корейцы»... Лица свободных профессий, учителя и врачи также враждебны Манчжоу-Го. Они уверяют, что за ними следят и что их терроризируют. Вмешательство в учебную жизнь, закрытие университетов и ряда школ, внесение изменений в школьные учебники, — все это усилило у этих китайских патриотов и без того достаточно резкую враждебность их по отношению к Манчжоу-Го. Строжайшая цензура в отношении печати, контроль над почтовой перепиской и всякого рода высказываниями вызывают общее возмущение; равным образом вызывает возмущение и запрещение ввоза в Манчжоу-Го выходящих в Китае газет... Много писем, высказывающихся против Манчжоу-Го, было получено комиссией от студентов и вообще от молодежи.

«Показания, полученные по вопросу об отношении крестьян и городских рабочих к новому режиму, расходятся между собой; да и вообще их трудно получить. Иностранцы и образованные китайцы считают, что оба названные класса относятся к новому правительству либо враждебно либо безразлично».

Я не думаю, чтобы китайское крестьянство Манчжурии имело какие бы то ни было основания быть благожелательно настроенным по отношению к новому режиму. Как указывает далее доклад Литтона, вечные недоразумения и ссоры с корейцами, возделывающими рис и затопляющими водой своих каналов землю китайского крестьянина, а также постоянные, все время увеличивающиеся, недоразумения с японской консульской полицией, посылаемой для охраны корейцев, вызвали сильное озлобление всех китайских крестьян. Знаменитое ваньбаошаньское дело представляет собою несколько заостренное или, вернее, подробно изложенное отображение многих подобных же случаев. Далее имеются китайские показания о том, что нынешнее японское «правительство Манчжоу-Го» заставило своих крестьян продавать землю корейцам по пониженной против действительной стоимости цене и что японцы, являющиеся фактическими хозяевами Кореи, поощряют корейскую эмиграцию в Манчжурию и оказывают корейским эмигрантам материальную помощь.

Далее доклад Литтона отмечает, что после захвата Манчжурии японцами там имеет место небывалый рост бандитизма и преступности в деревне. Доклад добавляет, что «в настоящее время во многих районах Трех восточных провинций ведется организованная война, от которой Манчжурия — в отличие от осталь-

ного Китая — была в течение долгого ряда лет свободна. Вывод доклада сводится к следующему: «После тщательного изучения показаний, полученных на собраниях и в частных беседах, а также представленных нам в виде писем и письменных сообщений, мы приходим к заключению, что Манчжоу-Го не пользуется общей поддержкой китайского населения и что местные китайцы считают Манчжоу-Го орудием в японских руках».

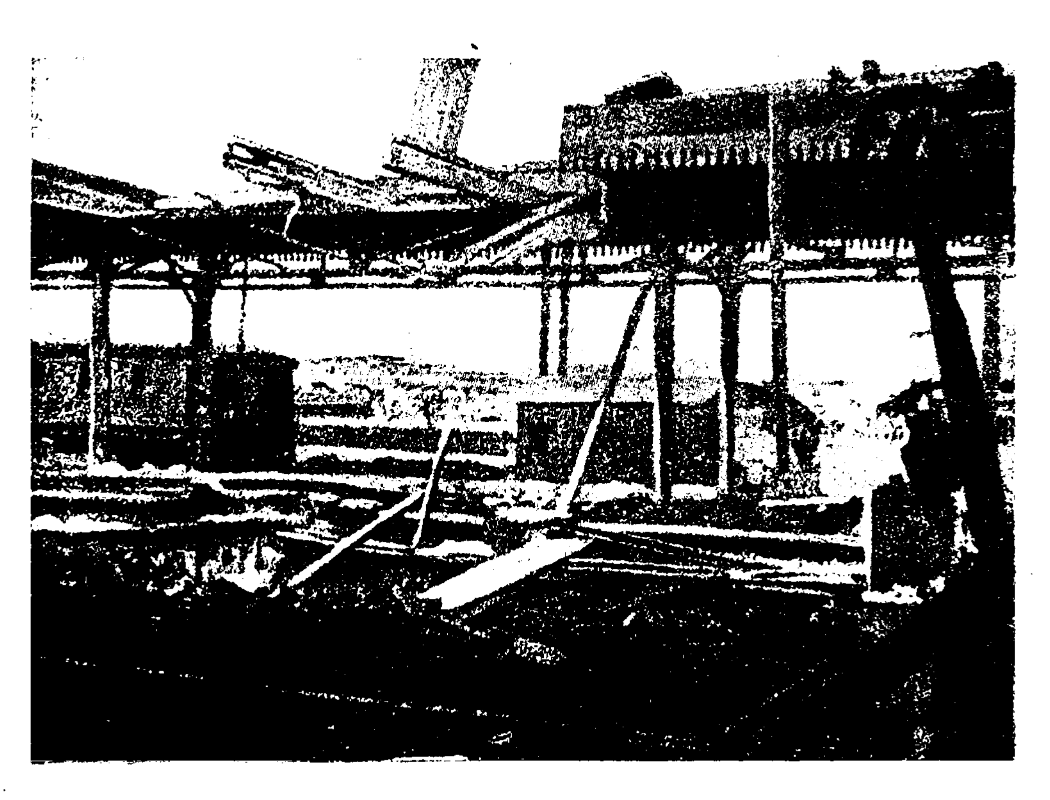
Эта выдержка из доклада Литтона, представляющего собою не то или иное суждение или оценку, а лишь простую констатацию фактов, показывает, что повсюду в Манчжурии над всеми другими чувствами преобладает страх перед японцами. Излагаемые мною ниже случаи собраны мной из многих источников. Некоторые случаи сообщены мне моими друзьями в Японии; о некоторых случаях рассказали гейшам под влиянием вина сами же японские офицеры. Я тщательно выбрал те из них, которые представляются мне несомненной правдой. Я расспрашивал людей, живших в Манчжурии в течение последних двух лет, и могу утверждать, что если в отдельных случаях я допустил преувеличение, то зато среди других известных мне случаев (которых я здесь не привожу) имеется ряд таких, которые превосходят по своему ужасу все то, что я собираюсь здесь рассказать. Напомню читателю о тех невообразимых жестокостях, о которых я уже писал выше и относительно которых у меня имеются письменные доказательства. Это также побуждает меня верить тому, что мне передавали не только китайцы, но также и японцы, европейцы и американцы, побывавшие на месте событий.

Я не намерен перечислять все зверства японцев в их хронологическом порядке; я излагаю их так, как мне о них рассказывали. В октябре прошлого года трем китайским гражданам было предъявлено обвинение в том, что они оказывали помощь бандам китайских солдат-партизан из числа тех, которых так много бродит теперь по дорогам Манчжурии. Они были судимы и приговорены к смертной казни. Им было заявлено, что они будут расстреляны, после этого их вывели в поле за Шеньяном и приказали вырыть самим себе могилы. Массы местного населения были согнаны для присутствия при этом зрелище, которое должно было служить для всех грозным предостережением. После того как рытье могил было закончено, несчастным заявили, что могилы недостаточно глубоки и что они должны начать рыть сначала. После того как японский офицер признал выполненную работу удовлетворительной, японские солдаты закопали осужденных в могилу живыми.

Мне рассказывали о том, как японские солдаты ради забавы закалывали штыками частных граждан. Во время фушунской резни три тысячи мужчин, женщин и детей были заколоты штыками или расстреляны из пулеметов. Японцы заявляют, что разрушение деревень и уничтожение жителей являлось возмездием за нападение китайских партизан на Фушун, во время которого

Китайцы—обитатели Чапея—ждут допроса под дулами винтовок.

Вид Северного вокзала в Шанхае после японской бомбардировки.

было убито несколько японских солдат. Позже японцы согласились с тем, что «мятежники» возможно и не происходили из подвергшихся разрушению деревень. Однако они заявили, что такой акт мести со стороны японцев должен предотвратить дальнейшие нападения со стороны партизан. Всего было разрушено огнем девять деревень, и жители их перебиты. Согласно сообщению корреспондента газеты «Дэйли экспресс» г. Гунтера, одна из деревень Та Тун-ча была сожжена и обитатели ее убиты еще за шесть дней до нападения партизан на Фушун. Привожу выдержку из означенной корреспонденции: «На открытой стороне холма лежали окровавленные лохмотья. Это было все, что осталось от одежды жертв японской мести. Несчастные были сожжены, и теперь дым шел от их лохмотьев. Холм сырой земли указывал место, где останки сожженных были погребены в общей могиле. Все здесь, даже самый воздух, кричало о кровавой расправе».

Некоторые из наиболее ужасающих жестокостей были произведены японцами в Шанхае. Свидетелями многих таких случаев были европейцы и американцы; здесь все подробности вполне соответствуют действительности. Если Япония позволяла себе подобные насилия на глазах у представителей держав, то я думаю, что в Манчжурии, где японцев ничто не удерживало и не удерживает, они позволяли себе совершенно неподдающиеся передаче зверства. Бомбардировка лагеря беженцев в Чапее близ Шанхая была не чем иным как хладнокровным убийством. Оправдания японцев, указывавших, будто они ошиблись, приняв беженский лагерь за расположение войск, лишены какого бы то ни было основания.

Мы приведем письмо генерального директора Международного комитета помощи жертвам наводнения, сэра Джона Хоп-Симпсона, датированное 11 февраля 1932 г. и адресованное г. Т. В. Суну: «Довожу до вашего сведения, что в лагере беженцев из затопленных местностей, расположенном на Луй-Ин Род, в двух милях к северо-западу от Северного вокзала и на границе Чапея, на 26 января находилось 10 399 беженцев и 49 человек обслуживающего персонала. После первой бомбардировки Чапея японцами, 29 января около 2 тыс. беженцев бежало из лагеря, но 8 тыс. человек оставались там и продолжали попрежнему получать пищу и кров.

«Пятого февраля, около полудня, лагерь подвергся воздушной бомбардировке с японских аэропланов. Одна женщина и мальчик были убиты на месте, четыре человека были ранены и несколько больных в госпитале умерли от испуга. Большинство беженцев бежало, и в лагере осталось только несколько сот человек, из которых большая часть были больные, лежавшие в госпитале, или старики, у которых не было сил уйти.

«На следующий день японские аэропланы снова бомбардировали лагерь. После бомбардировки в лагере было найдено 48 убитых. Большая часть жертв были больные, находившиеся на лече-

нии в госпитале. За исключением 20 человек обитатели лагеря были выведены оттуда. После этого на следующий день — 7 февраля — лагерь опять подвергся бомбардировке. Тогда он был окончательно эвакуирован. В то время когда сотрудники, производившие эвакуацию, собирались покинуть лагерь, аэропланы вернулись и сбросили еще одну бомбу, повредившую дом, расположенный рядом с лагерем.

«Я заявил протест против этих действий в письме на имя японского генерального консула, указав, что бомбардировка беженского лагеря очевидно не вызывалась необходимостью и что во всяком случае она является бесчеловечной. Я писал, что эти нападения на лагерь бездомных беженцев из затопленных районов не могут дать японцам никакого военного преимущества и что единственным результатом их явилась гибель больше чем пятидесяти совершенно ни в чем неповинных людей.

«Копию моего письма я отправил старшине консульского корпуса с просьбой сообщить его содержание членам корпуса, а другую копию я отправил мэру муниципалитета Большого Шанхая».

5 февраля японский консул отправил сэру Джону следующий ответ: «Я имею честь подтвердить получение вашего письма от 5 февраля 1932 г., в котором вы обращали мое внимание на бомбардировку японскими аэропланами барака с беженцами из пострадавших от наводнения местностей на Луй-Ин Род.

«Я не замедлил передать содержание вашего письма японским морским властям. Последние в своем ответе указывают, что в те дни, когда имели место прискорбные случаи бомбардировки, японский десант энергично бомбардировал китайские войска, непрерывно обстреливавшие японские силы со своих оборонительных позиций, сооруженных вдоль всего района Чапея, и что упомянутый вами пункт, на который были сброшены бомбы, к сожалению, не только непосредственно примыкал к китайским позициям, но еще к тому же был обнесен колючей проволокой.

«Тем не менее морские власти просили меня выразить их глубочайшее сожаление по поводу того, что столько беженцев сделались жертвами этой бомбардировки.

«В связи с этим разрешите мне обратить ваше внимание на то, что если бы вы соблаговолили уведомить меня об инциденте 5 февраля немедленно после того, как он произошел, то печальная участь, постигшая несчастных беженцев после 6 февраля, могла бы быть предотвращена или по крайней мере в значительной степени смягчена.

«К этому я еще должен присовокупить следующее: в отношении, полученном мною от старшины консульского корпуса, указывается, что вы писали г. Суну, будто бы вы послали мне другое письмо, датированное 12 февраля, и просили ответа. К сожалению, я должен сообщить вам, что я не получал вашего

письма от 12 февраля, и буду вам очень обязан, если вы расследуете это дело».

Через два дня после этого сэр Джон послал японскому консулу следующий ответ:

«Я имею честь подтвердить получение вашего письма от 15 февраля 1932 г., которое было вручено мне лично вашим курьером 17 февраля в 12 ч. 30 м. пополудни.

«В вашем письме вы подтверждаете получение моего письма от 15 февраля. Я думаю, что здесь имеет место ошибка, так как мое первое письмо было датировано 10 февраля.

«Что касается последнего абзаца вашего письма, то я имею честь препроводить вам при сем копию моего письма, посланного вам 12 февраля, равно как и копию приложения к нему, содержащего в себе текст телеграммы, отправленной мною Лиге наций вечером 11 февраля. Получение моего письма от 12 февраля было подтверждено печатью вашего генерального консульства в рассыльной книге моего курьера.

«Что же касается содержания вашего письма, то я принимаю к сведению, что морские власти просили вас выразить их глубочайшее сожаление по поводу того, что многие беженцы так жестоко пострадали от бомбардировки. Это выражение сожаления я буду иметь удовольствие передать председателю Международного комитета помощи жертвам наводнения для сообщения всем членам комитета.

«По поводу указания на то, что лагерь беженцев непосредственно примыкал к китайским позициям и был окружен колючей проволокой, я имею честь повторить заявление, содержащееся в моем письме от 10 с. м., а именно, что лагерь расположен на расстоянии двух миль к северо-западу от Северного вокзала и на расстоянии одной мили от ближайшего пункта Шанхай-нанкинской железной дороги. Вследствие этого никоим образом нельзя утверждать, что лагерь примыкает к китайским позициям. Точно так же ошибочно утверждение о том, что лагерь был обнесен колючей проволокой.

«Я расследовал инцидент и выяснил, что 5 февраля перед бомбардировкой один японский летчик пролетел низко над лагерем и махал рукой находившимся там лицам. Так как в лагере было в то время 3 тысячи детей, то он не мог принять его ошибочно за военный лагерь.

«Бомбардировке 5 февраля предшествовал пулеметный обстрел, во время которого был ранен некий г. Ма, находившийся в лагере. Так как для пулеметного обстрела лагеря летчик должен был спуститься на небольшую высоту, то предположение, что лагерь был принят за военный, является совершенно необъяснимым.

«Наконец я хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что над воротами лагеря развивался флаг красного креста, а над госпиталем флаг синего креста».

Комментарии в данном случае излишни.

Затем приведу историю Шен Дун-лина, крестьянина из Цзянвана. Ему было 44 года. 24 февраля японские солдаты ворвались в его дом и связали находившихся там одиннадцать обитателей. Им заявили, что если они не будут копать траншеи для японцев, то их расстреляют. Они работали всю ночь и на рассвете увидали, что дома их подожжены. Трое из них скрылись. Остальных снова связали, и они были расстреляны японскими войсками. Шен Дун-лин один остался в живых. Один из соседей, нашедший его раненым в голову, привез его в госпиталь. Он сошел с ума.

Японские моряки заняли район, в котором жил Ен Юаньгоу. Ему было приказано поджечь находившиеся кругом дома. Он отказался, и моряки выкололи ему глаза перочинным ножом.

В середине февраля два американца дали свои свидетельские показания под присягой и отдали их на хранение консульским властям САСШ. В этих показаниях они описывали убийство японским матросом одного невооруженного китайца. Американцы заявили, что они проезжали в автомобиле мимо китайской школы правоведения, принадлежащей южной методистской миссии; 30 января на школу был совершен налет, и она была опечатана японскими военными властями. Американцы утверждают, что при их проезде японский матрос стоял над китайцем, одетым в штатское. Они видели, как японец вонзил свой штык в грудь беспомощного китайца. Это было повторено семь или восемь раз, пока китаец не умер. Тогда матрос присоединился к своим товарищам, стоявшим в конце улицы.

Один британский унтер-офицер, командовавший отрядом, который нес патрульную службу на нескольких улицах, видел, как японский солдат проезжавшего мимо на грузовике отряда выстрелил и убил нагнувшегося за чем-то мальчика-китайца. Унтер-офицер сообщил об этом своему офицеру, и последний потребовал у японца объяснений. Ответ гласил, что мальчик «намеревался бросить камень».

В шанхайской «Ивнинг пост» и «Меркури» мы читаем о «женщинах и детях, убитых в тот момент, когда они бежали из горящих домов, о ночах ужаса, наполненных стонами раненых и умирающих, о гуле смертоносных военных орудий... Эти ужасы видели, чувствовали и слышали на улице Линкольн Терасс близ Хоиксои парк три иностранные семьи, испытавшие пять дней истинного кошмара. Г-н Кран (член одного из этих трех иностранных семейств) рассказал о многих случаях, полных трагизма, имевших место в течение этих пяти ночей».

«Улицы были усеяны мертвыми телами, — заявил он, — визжавшие голодные собаки рвали их на части. Тела были нам не видны из-за множества собак... Мы видели темные фигуры, крадущиеся к дому и затем поджигавшие его. Когда китайцы, жившие в доме, пытались бежать, их расстреливали. Я видел четыре тела, упавшие на землю в тот момент, когда они появились в дверях. Среди них были мужчины, женщины и дети. Одна китайская ла-

вочница с ребенком на руках была застрелена в момент, когда она пыталась покинуть свою лавку. На следующий день она была все еще жива, а ребенок цеплялся за нее. Китайские слуги из одного дома выбежали и подобрали ее. Когда китайцы пытались убрать трупы, японцы начали стрелять в них ружейным и пулеметным огнем. Они были вынуждены оставить тела на разложение и на съедение собакам».

Вот что рассказывает один американец, по имени г. Текрей. «Сегодня я поехал на скачки в Цзянван. Я никогда не сумею снова посетить это место без содрогания. Ранее в дни скачек я видел толпы счастливых, гуляющих при свете яркого солнца шанхайцев. В этот день была как раз такая же ясная солнечная погода, но на земле была ужасная картина. Все входы на мою любимую трибуну были завалены телами... Возможно, как говорят официальные сообщения японских штабов, эти тела принадлежали разведчикам или может быть даже шпионам. Я не буду оспаривать их утверждений и буду описывать только то, что видел.

«Среди убитых были женщины и дети. Женщины были застрелены сзади и их стеганые одежды разорваны саблями; тела детей изрешетены пулями, мужчин, судя по одежде, крестьян, были нагромождены друг на друга, и кровь их впиталась в почву. Они не были похожи на солдат, тем более это относится к женщинам и детям. Мои добрые друзья в штабах и в японском посольстве утверждают, что японская армия и флот не ведут войны с гражданским населением, с китайскими крестьянами и с китайским правительством и даже с правительственными войсками, а исключительно с 19-й кантонской экспедиционной армией. Поэтому я думаю, что эти люди, казавшиеся столь невинными для непредубежденного глаза, были вероятно пулеметчиками или принадлежали к пехоте 19-й экспедиционной армии, переодетыми простыми крестьянами. Сейчас трудно их о чем-нибудь расспросить.

«Дома сожжены. Я видал, как их зажигали с заранее обдуманным намерением, а не в результате случайного порыва настроения. Когда я иду по железнодорожной насыпи, то перед моими глазами развертывается трагедия. Японский пехотный отряд, готовящийся принять участие в рукопашном бою в Цзянване, останавливается вместе со мной, чтобы посмотреть на происходящую драму... Пламя горящих лачуг образует как бы занавес сзади группы только что захваченных пленников, пытавшихся бежать от огня. Офицер поворачивает одного из пленных крестьян лицом к солнцу. Сабля его сверкает, и она погружается по рукоятку в человеческое тело, как в ножны; тело падает; за ним наступает очередь следующего, и сабля снова входит в живые ножны. Но вдруг картина меняется. Следующего высокого юношу бросают на землю лицом вниз. Когда он падает, залпы из шести офицерских револьверов оставляют свои следы на его спине... Я ухожу, так как меня охватывает ужас. Мои ноги точно налиты свинцом».

В Манчжурии, в районе Дунхуа, взяты были в плен 30 кре-

стьян. Они были связаны, и в течение пяти дней им не давали никакой пищи. По истечении пяти дней их вывели связанными и расстреляли. Но каждый третий, по крайней мере, был только ранен; и все были оставлены на съедение голодных собак, которые и съели их заживо. Японские солдаты наблюдали эту картину... Насилия являются повидимому неизбежными на войне. Но рассказы о молодых китайских женщинах, раздетых донага и изнасилованных японскими солдатами, нестерпимы. Рассказывают о детях, послуживших предметом удовлетворения сладострастия офицеров и других мужчин. Упомянем еще раз о фушунских убийствах; там заставили тысячи китайских крестьян стать на колени. Затем пустили в ход пулеметы. Те, которые бежали, были расстреляны солдатами, Раненые были заколоты штыками.

На этом я закончу, но ранее я хочу еще раз привести интервью г. Уорда Прайса у японского императора. Последний сказал: «Я знаю, что вы работаете над сохранением добрых отношений, существующих между Великобританией и Японией. Я искренно надеюсь, что вы будете продолжать это дело, так как от этого зависит благосостояние всего мира и сохранение мира на Дальнем Востоке». Я не могу поверить, чтобы «Дейли мейл» разделяла это мнение. 28 февраля текущего года, на следующий день после того, как Англия наложила эмбарго на вывоз оружия в Китай и Японию, в «Дейли экспресс» появилось следующее письмо: «Во время европейской войны мы были рады союзу с Японией; теперь же, когда она хочет вести на Дальнем Востоке свою собственную малую войну (в которой она даже не просит нас участвовать), Англия вместе с другими западными державами становится вдруг эгоистичной и миролюбивой и делает все возможное, чтобы удержать японцев от борьбы. Я считаю такое поведение недобросовестным и не британским», заканчивает автор письма.

8. Манчжоу-Го

Небольшой очерк создания японцами государства Манчжоу-Го необходим в доказательство того, что Япония стремится сохранить за собой богатства этой страны. После события 18 и 19 сентября возникла необходимость реорганизовать гражданскую администрацию Мукдена и всей Мукденской провинции. Японцы принялись за это дело и — надо признать — исполнили свою задачу с изумительной скоростью и непредвиденным успехом. В действительности не может быть сомнения, что эта задача подобно нападению, происшедшему в предшествующие 24 часа, была заранее тщательно разработана. Гражданский губернатор провинции, генерал Цзян Ши-и считал целесообразным содействовать полковнику японской армии Дойхара в деле пополнения китайской полиции, был образован чрезвычайный комитет с указанным полковников во главе. Большинство в комитете оказалось конечно за японцами. 10 октября был восстановлен китайский

муниципалитет. В то же время была сделана попытка создать правительство Манчжурии, независимое от центральных китайских властей. Об этом поставили в известность Цзянь Ши-и, но он отказался возглавить новое правительство. Тогда обратились к бывшему провинциальному губернатору по имени Юан Ши-кай, которому вместе с другими восемью китайцами предложили образовать Комитет сохранения мира и порядка. Об этом было заявлено 24 сентября. Соответствующая декларация была распубликована по всей Японии и комментировалась как переуступка ей территории, хотя это решительно отрицалось Комитетом мира и порядка. В течение следующего месяца комитет организовал Управление финансов и Управление промышленности с японскими советниками в каждом из них. Директора для каждого отдаваемого ими распоряжения были вынуждены получать утверждение японских военных властей. В дальнейшем был образован Северо-восточный комитет путей сообщения, который постепенно захватил контроль над всеми железными дорогами. К этому времени Комитет сохранения мира и порядка изменил свое название в Бюро самоуправления Ляонина.

10 числа того же месяца после заявления о том, что бюро разорвало связь с китайским правительством, оно было публично открыто с подобающим церемониалом. Затем было образовано Верховное консультационное управление с Ян Цзюн-ганом, вице-директором прежнего комитета, в качестве председателя. Было подчеркнуто, что главной его заботой является сохранение порядка. Аналогичное управление было образовано в Гирине с генералом Си Ся во главе. Отделы в значительной своей части были заполнены японскими чиновниками. То же управление было организовано в особом районе Китайско-восточной железной дороги во главе с генералом Чжан Цзин-хуай. В указанном управлении служил генерал Дин Чао, который в январе 1932 г. взял власть в свои руки, но он был низложен японцами и был восстановлен Чжан. Этот Чжан был назначен также в провинцию Хейлуцзян. Что касается Жэхэ, то там дело обстоит сложнее, хотя повидимому генерал Дан Жу-лин несет всю ответственность и сохраняет связь со своими коллегами в Манчжурии.

Без дальнейших колебаний было объявлено о создании «государства Манчжоу-Го». Как отмечает отчет Литтона, для того чтобы понять легкость, с которой создалось новое государство, надо помнить, что единство в Китае ограничивается семьей или местностью и не распространяется на всю страну. Патриотизм рос в Китае медленно, сейчас он сильнее, чем когда бы то ни было за двадцатилетнее существование республики. Япония считала, что гражданские войны и беспорядки должны были уничтожить всякое национальное чувство. Но это оказалось не так: никогда Китай не был более близок к объединению, чем в тот момент. В том, что этого не случилось, Япония может обвинять только себя. Если бы Япония поощряла китайцев, проживающих в

Манчжурии, вместо того чтобы применять принуждение, и не прибегала к стольким ограничениям их прав, то возможно, что многие из ответов, данных комиссии по обследованию, не выражали бы в такой степени враждебных настроений.

Управление, о котором шла речь в предыдущем абзаце, выпустило агитационные листовки, призывающие народ к объединению и требующие свержения маршала Чжан Сюэ-ляна. Между тем 14 февраля генерал Ма, позиция которого оставалась до того момента несколько неясной, был назначен губернатором Хэйлуцзянской провинции. Вскоре после совещания губернаторов четырех провинций совместно с доктором Чао Син (на второй день совещания там присутствовали два монгольских принца) был образован Верховный административный совет. В него входит кроме губернаторов и принцев генерал-лейтенант Чжан Цзин-хуай. Декларация о независимости была опубликована 18 февраля, а с 28-го стало существовать Манчжоу-Го.

Началась энергичнейшая пропаганда. Широко распространялась всевозможная литература. Резолюция следовала за резолюцией. Образовывались всевозможные комитеты. Происходили массовые митинги, принимавшие резолюции, полные энтузиазма. Так например в Мукдене собралось 600 человек, включая всех официальных лиц, которых только можно было найти, и всех японских советников, которые приняли постановление, в котором говорят о беспредельной радости 16 млн. жителей провинции. В Цицикаре происходил в феврале другой массовый митинг. Весь город был покрыт бумажками, объявлениями, флажками и т. д. Японцы дали залп из ста одного орудия. Над городом кружились самолеты, и рассказывают, что не меньше 4 тыс. жителей вышли из домов посмотреть на это зрелище. 29 февраля в Мукдене произошел всеманчжурский съезд. В нем принимало участие 700 делегатов, причем японцев было больше, чем китайцев; была принята резолюция в пользу избрания бывшего императора Китая Генри Пу-и президентом нового государства. Шесть делегатов ринулись в Порт-Артур для сообщения ему радостной новости, но они встретили категорический отказ. 4 марта 29 делегатов посетили нового президента, и он принял эту должность. Между тем японцы прибегли к давлению на Пу-и. 12 марта державы были извещены, что Манчжоу-Го было создано.

«Президент нового государства сделал заявление о том, что он обещает вести политику страны на основе добродетели, благожелательности и любви», гласит отчет Литтона.

Далее отчет отмечает, что лица, возглавляющие правительство и местные административные органы, являются чистокровными китайцами. Что японцы занимают посты советников и что таковые имеются повсюду. «Задача, — заявляет отчет Литтона, — заключается в том, чтобы дать чиновникам и советникам возможность не только играть роль технических советников, но осуществлять фактический контроль и руководить администрацией.

Г-н Генри Пу-и—последний из китайских императоров. В настоящее время марионеточный президент Манчжоу-Го.

Генерал-лейтенант Хондзио, командовавший японскими войсками при захвате Мукдена 18—19 сентября 1932 г.

Связь между правительством Манчжоу-Го и японскими властями предполагается усилить путем назначения специального посла, не аккредитованного официально, но проживающего в столице Манчжурии и осуществляющего в качестве генерал-губернатора арендной территории Квантуна контроль над Южноманчжурской железной дорогой и сосредоточивающего в одном лице влияние дипломатического представителя, главы консульской службы и главнокомандующего оккупационной армией».

Следующая задача, которую ставила перед собой Япония, сводилась к тому, чтобы добиться признания Манчжоу-Го. Первоначально она рассчитывала достичь этого, называя его независимым государством и изображая себя в качестве арбитра при решении вопросов общего значения. Японцы послали сами себе в Токио телеграмму о доходах китайских таможен и опубликовали ее в газете «Осака Майничи». Захватив таможенные фонды, накопившиеся в четырех портах и достигшие 13 млн. хайгуанских таэлей, они послали сообщение, заканчивавшееся следующими словами: «Независимость морской таможни Дайрена стала несомненным фактом». Захвачено было также 500 млн. хайгуанских таэлей, депонированных в иокогамский банк, которые последний отказался выдать обратно при каких бы то ни было обстоятельствах. Так родилось Манчжоу-Го.

9. Комаи — начальник управления делами

Прежде чем приступить к главе о штабах и так называемых «каи», надо упомянуть об «Обществе людей волн Китайского моря» (China Wave Men Soc ety). Во главе общества стоит один пожилой господин по имени Риохей Учида, его ближайшим помощником является авантюрист по имени Комаи. Члены общества — сверхпатриоты: они работают в Китае в течение многих лет. Недавно г. Комаи получил почетное звание тайного советника независимого государства Манчжоу-Го. Конечно, кажется странным получение такого назначения иностранцем, если новое государство является действительно независимым. Комаи является одновременно главою Бюро по управлению делами манчжурского правительства. Это означает, что Токузо Комаи является вице-королем Манчжоу-Го. Для управления военными силами был назначен генерал императорского японского штаба по имени Мудо. Тайный советник Комаи является назначенцем японского штаба. Его положение позволяет ему действовать в качестве верховного шпиона в интересах Японии. Хоть он и штатский, но он долго был любимцем и протеже военных кругов Японии. Его обязанности сводятся к тщательному наблюдению за всеми номинальными руководителями нового государства в области гражданского управления, в то время как генерал Мудо исполняет те же функции в области обороны.

Комаи довольно длительное время был связан с Обществом

12 О'Конрой. «Японская угроза». 76.

людей волн. Термин «люди волн» представляет собой пережиток феодальных времен и означает тех, кто либо утратил своего хозяина, либо разорвал с ним связь и превратился в странника, блуждающего подобно волнам океана. Фактически каждая тайная или почти тайная группа сверхпатриотических убийц называет себя или вернее своих членов людьми волн. Но это не значит, что каждая группа обязательно связана с другой. Вожди этих групп являются орудием реакционных военных клик и известны в Японии всем тем, кто знаком с причудливыми закулисными политическими интригами. Дом каждого лидера является своего рода цитаделью, в которой он живет, окруженный своими последователями, почти в феодальной обстановке. Представители закона редко дерзают перейти порог такого дома. Полиция и штабы представляют собою самую крепкую опору для «каи», и они считают своей обязанностью следить за тем, чтобы вождям никоим образом не причинялось беспокойства. В этих-то домах происходят неофициальные совещания с азиатскими вождями и совершаются собрания паназиатских группировок. Тут находят убежище предатели Азии и лица, укрывающиеся от закона. Пять главарей «каи» можно сравнить с Распутиным. Они являются вождями политико-патриотических групп Японии. Старший из этих пяти человек — Мицуру Тояма. За ним идут Риохеи Учида, Умией Огава, Ясугоро Сазаки (белобородый отшельник, называемый «королем Монголии») и наконец священник Нишо Инуие. Последний руководит группой, называемой «Кровное братство», при вхождении в которую каждый новый член надрезает кончик своего мизинца и смешивает свою кровь с кровью своих товарищей. Эта группа ответственна за убийство министра финансов Инуие и руководителей больших финансовых компаний, как барон Дан из компании Митсу. Фактически в самой Японии имеется 74 патриотических каи, но ограничусь здесь Обществом людей волн.

В течение многих лет члены этого каи сосредоточивали свои мысли и действия на захвате власти в Манчжурии, затем в Китае, ставя в качестве конечной перспективы распространение своей власти на весь азиатский континент. Уже начиная с русско-японской войны, люди волн следили за соответствующими возможностями в Манчжурии и Китае. Говорят, что их субсидировали за счет специальных средств контрразведки. Они действовали в качестве клерков, коммивояжеров, крестьян, пилигримов, священников, разносчиков, нищих и брали на себя всевозможные роли, передвигаясь по Манчжурии, Монголии и приморским районам Китая. Если они выясняли что-нибудь существенное, то генеральный штаб отправлял туда специального офицера для разведки. Существует одна трудность, которую большинство из этих шпионов не может преодолеть, именно язык. Они в состоянии читать китайские иероглифические письмена, в случае когда они получают достаточное образование. Но японцы очень плохие лингвисты. Большинство членов Общества людей волн в Китае, осо-

бенно в Манчжурии, увеличивают свои доходы путем продажи женщин. Еще задолго до того как какой бы то ни было японский финансист соглашался вложить свои капиталы в Манчжурии, там уже существовали дома терпимости, в которых огромное большинство женщин были японки. Сейчас почти каждая деревня имеет несколько таких японских женщин — своеобразных представительниц японской экспансии.

Я указал, что один каи может не быть связан с другими группами, но несмотря на это у них сильно развито сознание единства. В 1918 г., когда в Японии можно было свободней говорить, чем теперь, некий доктор Иошино обвинял каи и указывал, что они не только развращены и опасны, но и противостоят общественным интересам. Его посетили представители каи, спорили с ним и грозили ему. Но Иошино отказался молчать. Он предложил вождям каи вступить с ним в дискуссию, и для защиты этих обществ был избран Учида. Публика настолько боялась последствий митинга, что на нем присутствовало только 400 человек, причем половину из них составляла полиция.

Вернемся еще раз к г. Комаи. В течение десяти лет он работал на Южноманчжурской железной дороге и изъездил всю Манчжурию. Интересно отметить, что 18 мая 1931 г. г. Комаи посетил некий майор Тагаки — представитель генерального штаба императорской армии в Токио. Заслуживает внимания также, что Комаи без видимых причин уехал из Манчжурии в начале сентября, а военные действия начались после 18 числа. При встрече с майором Тагаки обсуждались все подробности завоевания Манчжурии. Комаи признался, что во время этой беседы они решили «потребовать защиты своих жизненных интересов при помощи штыка». Затем «были установлены мероприятия, которые должно было провести японское правительство при разрешении манчжурско-монгольской проблемы». Захват столицы маршала Чжан Сюэ-ляна, представлявший первый шаг оккупации, являлся идеей Комаи.

Это краткое описание деятельности Комаи представляет лишь один из многочисленных примеров того типа людей, которые связаны с новым государством Манчжоу-Го. Комаи является одним из видных людей, действующих за политическими кулисами Японии. Действительно ли Манчжурия или Манчжоу-Го — называйте как вам угодно — так свободна, так безусловно независима, как японцы хотели бы нас заставить поверить? Почему человек, затративший годы своей жизни на шпионаж в пользу Японии, стал главой нового государства? Это не предвещает Манчжоу-Го ничего хорошего.

10. Манчжоу-Го и будущее

С момента завоевания Жэхэ (во Внутренней Монголии) Манчжоу-Го было некоторыми японцами переименовано. Его новое название «Маммон». Иероглиф «Мам» означает Манчжурию, а

«Мон» Монголию. Сомнительно, что Япония сумела развить Манчжурию лучше, чем китайцы. Ее финансы в очень плохом состоянии. Я уже говорил, что состояние ее казначейства весьма неудовлетворительно, а развитие такой обширной территории, как Манчжурия, находящейся в детском возрасте в отношении эксплоатации ее естественных богатств, требует вложения огромных капиталов. Каким путем сможет Япония их мобилизовать? Она не может рассчитывать получить что-нибудь от населения методами угнетения. Как показывает отчет Литтона, к новому режиму почти все без исключения настроены враждебно. Те исключительные жестокости, которые Япония совершала и совершает в отношении народа, никогда не будут им забыты. Можно также сомневаться, будут ли они когда-нибудь смягчены. Мы имеем уже примеры японских методов колонизации, развития, подготовки или управления, называйте, как хотите, в Корее, на Формозе и других островах Тихого океана, попавших под ее господство. В своих методах она безжалостна. Япония является нацией жестоких и похотливых людей. Она не соблюдает своего слова. Она нарушала договор за договором, соглашение за соглашением. Японцы развращены душой и телом и любят кровопролитие. Как сможет народ Манчжоу-Го жить под властью такой нации?

Предположим, что обращение с населением Манчжоу-Го действительно улучшится, что же будут делать тогда жители Кореи — страны «утренней тишины»? Они представляют собой раздавленный и угнетенный народ. Но они не окончательно сломлены. Они не обладают ни правами гражданства, ни представительства. Даже в случае, когда кто-либо из них желает воспользоваться общественным телефоном, то он должен заполнить официальный бланк. Если с населением Манчжоу-Го начнут лучше обращаться, то смогут ли корейцы спокойно примириться со своей собственной судьбой? Японцы испытают затруднения в Корее, если они будут обращаться с манчжурами иначе, чем с корейцами. Если же Япония будет обращаться с ними попрежнему, то она должна испытать затруднение в Манчжоу-Го. Япония затеяла дело, которое должно для нее плохо кончиться.

Во время своих бесед с китайцами в Манчжурии комиссия Литтона встретилась со следующим замечанием: «Мы не желаем уподобиться Корее». Но это не единственная опасность для Японии. В Китае растет патриотическое движение. Оно не опирается на фанатическое представление собственной непогрешимости шинто, там нет чувства расового превосходства над всем остальным миром, но есть лишь острое сознание насилия со стороны Японии и непонимания со стороны всего мира. Кроме того там имеется ощущение, что державы готовы дать Китаю погибнуть, как это происходит и в самом деле. Китай принял советы Лиги наций, он последовал указанию не прибегать к агрессии в надежде или вере, что в конечном итоге Лига его поддержит. Его сравнительно мирная политика была вызвана сознанием, что он

не готов к войне. Но Китай знает, что его население достигает 500 млн. человек, которые когда-нибудь сбросят японцев. Когда-нибудь — я не могу сказать когда — Китай объединится в мощную страну; может быть пройдет 20 лет, может 100, но наступит день, когда Япония исчезнет. Спрут Востока будет в свою очередь поглощен и совершенно уничтожен. Я не говорю, что в данный момент Япония не покорит Китая. Она может быть покорит всю Азию. Она сможет даже отважиться вступить в Америку или Европу. Но когда-нибудь наступит день, когда счеты будут сведены.

Пока что она усмиряет Манчжоу-Го. Она уже устранила иностранную прессу из страны. Она удалила представителей английских газет. Это распоряжение было отдано китайскими чиновниками, потому что им приказали это сделать. Манчжурский «Дейли ньюс» переменил редактора. 23 февраля этого года был дан прощальный обед редактору газеты в клубе Дайрена. В своей речи он сообщил гостям, что ему посоветовали уехать: «Для того чтобы воспользоваться возможностью благородно исчезнуть, не ожидая, пока мне придется убегать, спасая жизнь, как преследуемому зайцу, я согласился немедленно уйти. Говоря вам это, я хочу вам подчеркнуть, что я уезжаю не добровольно». Японский «Уикли кроникл», комментируя его устранение, заявил: «Слава манчжурского «Дейли ньюс» миновала. Отныне это будет агитационный листок и, насколько можно судить по уже имеющимся примерам, — довольно плохой». Допустит ли Китай, допустит ли весь мир, чтобы наступил тот день, когда более 30 млн. людей будет превращено в козлов отпущения, подобно корейцам, для японской жестокости? Увидим ли мы повторение той торговли живым товаром, которую мы наблюдаем в других японских колониях? Сами торговцы и посредники снимают при этом богатую жатву. Ежегодно в местной и японской прессе можно видеть объявления о покупке и продаже женщин. Эти объявления выражаются очень осторожным языком, но для молодых девушек результат одинаков. Приведем типичный пример: один из многочисленных японских отелей в Манчжурии дает объявление о том, что ему нужно 30 или 40 женщин. При ужасном экономическом положении Японии тысячи девушек ухватятся за возможность заработать немного денег. Очутившись однажды в отеле, они уже никогда его не покинут, разве для какого-нибудь другого дома терпимости. Число торговцев женщинами возрастает. Они снабжают молодых японских девушек проездными билетом третьего класса, и с этого дня девушка становится проституткой. Японский «Уикли кроникл» пишет: «Можно бы думать, что подобные вещи должны быть устранены в меру возможного, хотя бы потому, что это не увеличивает уважения китайцев в Японии. Однако последнее обстоятельство нисколько не беспокоит власти, и предприимчивые люди, спешащие извлечь прибыль, знают, что они извлекут больше денег, перевозя в Китай женщин, а не мужчин». Я высказал

предположение, что Япония будет обращаться с населением Манчжурии сравнительно хорошо. Однако эту возможность я считаю почти исключенной. Свое заключение основываю на имеющихся примерах японских методов действия в тех случаях, когда другие народы оказывались во власти Японии. Если она может обращаться с кастой Ета, являющейся чистокровным японским племенем, лишь немногим лучше, чем с самыми низшими животными, то чего может ожидать от нее китайский народ? Если все японцы считают себя детьми богов и думают, что обладают божественным правом управлять миром, а все другие народы мира являются лишь варварами или подобием обезьян, то на какое же обращение могут рассчитывать варвары? Если штабы и каи заявляли японскому народу, что Китай нарушает договоры и делает все возможное, чтобы изгнать Японию из Манчжурии в то время, как последняя считается в течение 20 лет частью Японии, то на что могут рассчитывать жители Манчжурии? Если Япония заставляет Корею верить, что китайцы убивали корейцев в Ваньбаошане, то во что же она не заставит верить свой собственный народ? Судьба манчжуров будет еще более тяжелой, чем теперь. Жестокости, о которых я говорил, будут продолжаться, пока народ не будет подавлен, но Японии никогда не удастся его сломить. Китай никогда не простит!

Я не могу высказывать мнения о возможностях Японии в области эксплоатации ресурсов Манчжурии. Я раньше упоминал о колебаниях ее финансистов в вопросе о вложении капиталов в новое государство. Одной из причин этих колебаний является расстройство ее собственных финансов, а другой — стремление воздержаться от вложения средств в страну, которую может быть придется вернуть Китаю. В качестве примера своеобразных денежных трудностей газета «Джапан адвертайзер» сообщала в апреле этого года о «штабных» методах мобилизации средств. Она писала: «На прошлой неделе генерал-лейтенант Кунияки Коизи, начальник штаба квантунской армии, предложил Митсуи Бузан, Митсубиши Ойль, Ниппон Ойль, Огура ойль и Обществу южно-манчжурской железной дороги прислать представителей на совещание в Чанчуне. Когда они приехали, то им сообщили, что будет учрежден концерн манчжурской нефти и что каждый из них должен внести 500 тыс. иен из общего капитал в 3 млн. иен. Остающиеся акции будут переданы правительству Манчжоу-Го, но не подлежат немедленной оплате. Затем представителям нефтяных обществ сообщили, что новый концерн построит нефтеперегонный завод в Хулудао, т. е. в том новом порту, который правительство надеется создать, и что этот завод должен обладать производственной мощностью в 4 тыс. баррелей бензина в день. Он начнет работать на импортной сырой нефти. Было высказано несколько возражений. Первое из них заключается в том, что Хулудао не является незамерзающим портом и никогда не может им стать. Ежегодно в течение 3 или 4 месяцев он закрыт для на-

вигации. Следующее возражение было сделано обществом Южноманчжурской железной дороги, которое предполагало построить собственный нефтеперегонный завод в Дайрене без привлечения чужих капиталов. Основное возражение, пока еще не высказанное публично, заключается в следующем: нефтяные общества уверены, что Манчжоу-Го предполагает ввести бензиновую монополию на подобие монополии на опиум и табак, хотя бы она и не была названа этим именем. Установив минимальные тарифы на сырую нефть и введя запретительные тарифы на переработанные нефтепродукты, правительство сумеет предоставить монополию на весь манчжурский рынок этой новой компании. В то же время собравшиеся указывали, что предполагаемый основной капитал слишком мал».

При такой «сдержанности» японских финансистов едва ли можно было ожидать, чтобы иностранцы проявили какую бы то ни было готовность предоставить свои капиталы. Возможно, что Франция будет иметь какие-либо соображения по этому поводу, так как она была финансово заинтересована в Восточнокитайской железной дороге через посредство России. Общество Южноманчжурской железной дороги само стремится привлечь иностранные капиталы, что доказывается наличием его представителей в Париже и Нью-Йорке. Как бы там ни было, если французские или американские капиталы и будут привлечены в сундуки этого общества, то вероятно лишь при условии гарантии японского правительства. Однако Франция и Америка уже имеют некоторый опыт в японских финансовых манипуляциях со времен городского токийского займа. В апреле этого года общество Южноманчжурской железной дороги опубликовало свой баланс и предполагает, что в наступающем году его дела пойдут хорошо. Следующая выдержка из японской «Уикли кроникл» дает ясное представление об отношениях между государством Манчжоу-Го и этим железнодорожным предприятием. Фактически эти отношения представляют как бы договор между определнным лицом, являющимся официально одним из правителей нового государства, и тем же лицом уже в качестве директора железной дороги. Государство Манчжоу-Го, общество Южноманчжурской железной дороги, генеральный штаб и морской и военный советники Манчжоу-Го действуют сообща. Они являются частями целого. В сущности они и есть Манчжоу-Го. Мы приводим ниже бюджет железнодорожного общества. «Общество обеспечило себе одобрение правительством его бюджета. Бюджет на 1933/34 г. складывается следующим образом:

	Доходы в тысячах иен	Расходы		Доходы в тысячах иен	Расходы
Железная дорога	95 530	33 344	Рудники	53 908	56 395
Гостиницы	1 734	1 803	Нефть	3 983	3 503
Порты и пристани	9 909	7 450	Железо	9 677	12 769

Местные	4 436	14 406
Общие	2 654	11 218
Проценты	22 603	35 385
Резервы	—	1 000
	204 434	117 272
Прибыль	27 162	

«По сравнению с 1932/33 г. доходы увеличились на 22 234 тыс., а расходы на 11 787 тыс. иен. Прибыль выросла на 10 787 тыс. Новые капиталовложения одбрены в следующем виде:

Железная дорога	4 389	тыс. иен
Гостиницы	375	„ „
Порты и пристани	839	„ „
Рудники	483	„ „
Нефть	11	„ „
Железо	396	„ „
Местные	2 325	„ „
Разные	816	„ „
Резервы	2 000	„ „
	15 334	„ „

«Доход от новых предприятий дает повышение, равное повышению последнего года. Такие статьи, как подъездная железная дорога, стальные заводы, Шовы и О-во серно-аммониевой соли выделены особо.

«Общество Южноманчжурской железной дороги, желавшее выпустить облигации на 90 млн. иен, пригласило представителей банков в свою контору в Токио. Присутствовали Икеда (Митсуи), Кушида (Митсубиши), Иори (Иасуда), Иши (Даиши), Июки (Промышленный банк). Председательствовавший граф Гаяши дал при содействии адмирала Годо и других директоров подробное пояснение причин, повлекших увеличение обществом его капитала до 800 млн. иен, а также рассказал о финансовой программе общества на ближайшие 10 лет. Было заявлено, что для ввода в эксплоатацию новых предприятий в настоящем операционном году обществу потребуется немногим более 150 млн. иен. Общество предложит внести деньги по неоплаченным акциям, составившим на истекшее 1 мая 25 млн. иен, что вместе с оплатой новых акций составит 61 млн. иен. Таким образом останется покрыть еще 90 млн. иен. Дирекция общества желает реализовать эту сумму путем выпуска облигаций. Граф Гаяши просил присутствующих банкиров оказать свое содействие. Тогда было решено, что Обучи, один из директивов, обсудит все подробности с банковским синдикатом. Было установлено, что облигации будут выпускаться тремя сериями».

Теперь, возвращаясь к моему утверждению, что упомянутое общество является лишь частью правительства Манчжоу-Го, я могу лишь сослаться на одну статью «Кроникл». Она появилась в марте этого года и гласит: «Не так давно «Кроникл» был из-

вещен полицией о том, чтобы редакция вычеркнула из воскресного выпуска газеты статью, касающуюся железных дорог в Манчжурии, находящихся под японским управлением, так как в этой статье был нарушен запрет публикации целого ряда новостей. Во вчерашнем выпуске однако заявление мистера Пао Куени-чен — манчжурского дипломатического представителя в Токио — подтверждает и даже расширяет сведения, сообщавшиеся в запрещенной статье. Основной особенностью соглашения между обществом Южноманчжурской железной дороги и правительством Манчжоу-Го сводится к тому, что общество берет на себя управление всеми железными дорогами Манчжурии (исключая повидимому Восточнокитайскую железную дорогу), а также всеми новыми сооружениями. Соглашение начинается с указания, что в интересах мира и порядка, а также промышленного прогресса целесообразно согласование работы всех железных дорог, управлявшихся до сих пор разными правлениями. Для большинства японцев, привыкших к почти полностью национализованной железнодорожной системе, это покажется трюизмом. Но поскольку наиболее передове страны света достигли высокого совершенства транспорта без подобной унификации, то это может показаться за пределами Японии стремлением не столько к достижению максимальной производительности, сколько к контролю Японии над транспортом. Как бы то ни было Южноманчжурская железная дорога представляет самую приспособленную для подобного дела организацию. Таким образом принятое соглашение оказывается целесообразным в японских интересах. Это ясно также потому, что некоторые из железных дорог были сооружены обществом Южноманчжурской железной дороги, и стоимость их сооружения не была ему полностью возмещена. В некоторых случаях погашение только что началось. Так как Манчжоу-Го взяло на себя все эти обязательства, то Южноманчжурская железнодорожная компания считает, что она лучше всего будет удовлетворена, если контроль будет осуществляться ею самою.

«Обязательства, принятые от китайского правительства в отношении железных дорог и соответствующей территории, составляют сумму в 130 млн. иен. Но Южноманчжурская железная дорога берет контроль не только над линиями, которые она соорудила для прежнего правительства, но и над теми, которые китайцы построили для самих себя и на свои собственные капиталы, как например железнодорожная линия Такушан — Байинтала, сооружению которой японское правительство энергично сопротивлялось. Линия Гирин — Хайлунг, Цицикар — Кошан, Хулан — Хайлун и т. д. В число линий, передаваемых Южноманчжурской железной дороге, входит также часть железной дороги Пекин — Мукден, на север от Шанхайгуаня. В последнюю линию было вложено немало английских денег, и по поводу ее судьбы выражалось немало опасений. Для ее акционеров это дело такой же большой важности, как Южноманчжурская железная дорога

для лиц, вложивших в нее свои капиталы; однако, ее не пытались защищать и не охраняли от опустошений, причиняемых войной. Повидимому существует проект выкупить акции, поскольку в соглашении специально упоминается, что вопрос об этой линии будет разрешен в последующем соглашении. Вся собственность и все доходы различных китайских железных дорог и той дороги, которая сооружена на английские капиталы, составляют обеспечение сумм, подлежащих уплате обществу Южноманчжурской железной дороги за сооружение ею разных железнодорожных линий для Китая. Все долги и претензии этих линий превращаются в долги и претензии самого общества Южноманчжурской железной дороги.

Из этого соглашения вытекает несколько интересных вопросов. Так например японское правительство всегда поддерживало право Южноманчжурской железной дороги на содержание 15 солдат на километр впредь до того момента, когда наступят такие устойчивые и спокойные условия, что в них не будет нужды. Повидимому указанное право может быть сейчас распространено в случае надобности на все передаваемые обществу Южноманчжурской железной дороги линии. Несмотря на многочисленные донесения о наступлении полного успокоения, поезда все же нуждаются в специальной охране от нападений. В этом отношении показательна следующая цитата: «Железная дорога Гирин — Дунхуа распорядилась о порубке всего леса в пределах 250 метров по обеим сторонам линии, притом с максимальной быстротой, в качестве меры предупреждения от нападений бандитов. Полоса, подлежащая очистке вокруг каждой станции, составляет 500 метров в радиусе. Вследствие постоянных помех, наблюдавшихся за последний год множество раз в работе железной дороги со стороны разбойничьих шаек, железная дорога Гирин — Чанчун приняла те же меры предосторожности. Лишь с момента появления на свет правительства Синцзина оказалось необходимым лотна, причем нападений было все же больше, чем когда бы то обеспечить поезда такой пустынной полосой по обе стороны пони было прежде в истории провинции. Учитывая большую ценность леса и значительные удобства произрастания хлебов как можно ближе к железной дороге, эта мера, характерная для военного времени, не свидетельствует о большом доверии к способности правительства Синцзина к поддержанию порядка.

Новое соглашение даст в руки общества Южноманчжурской железной дороги исключительно большое влияние. Его капитал должен быть увеличен, и подданные Манчжоу-Го могут участвовать в нем в качестве акционеров. При прежнем режиме это было также возможно, но китайцы не проявляли особой склонности воспользоваться этой возможностью. Надо подождать, окажутся ли они благосклоннее в качестве манчжуров. Во всяком случае железная дорога должна остаться японской, если исходить из преобладания японских акционеров, а также из участия в этом

предприятии японского правительства; благодаря последнему дорога останется правительственным органом. Благодаря правам Японии на содержание военных сил она будет в состоянии контролировать всю страну. В таких условиях сохранение порядка не должно быть слишком затруднительным. Трудно представить себе соглашение более выгодное для японцев. Конечно среди манчжуров могут найтись доктринеры, которые будут жаловаться, что они не достигли той степени свободы, которую требовали 30 млн. жителей. Если они пожелают назвать теперь Манчжурию новым именем, то это соглашение дает основание для того, чтобы присвоить стране название «государства Южноманчжурской железной дороги».

Я предоставлю самому читателю судить об изложенном. Я—не экономист, но я потребовал бы довольно высокого процента на свои капиталы, прежде чем я решился бы только еще приступить к обсуждению возможности их помещения в Манчжурию при японском господстве. Я не намерен сказать, что я охотно вверил бы свои сбережения китайскому правительству; отнюдь нет, но скорее начал бы какие-нибудь дела при китайских гражданских властях, чем при японских.

Японцы предполагают разводить в Манчжоу-Го хлопок. В апреле этого года газета «Осака Майничи» сказала по этому поводу: «Если программа хлопководства осуществится, то японские прядильщики сумеют удовлетворить свою потребность в хлопке в размере примерно в 1 800 млн. кип (кипа составляет 1,33 англофунта). Это даст Японии возможность за счет манчжурского хлопка снизить потребление американского хлопка или хлопка из Британской Индии. Это мнение основано на выводах одного джентльмена, с которым мы уже познакомились ранее, а именно священника Коцуиотани, служителя храма Хигаши Хонганджи в Киото, который был столь предприимчивым в земных делах, что по суду лишился своего дворца. «Сырой хлопок может быть доставлен более чем из 20 областей провинции Жэхэ, где площадь посева хлопка составляет примерно 12 225 тыс. акров. Из этого количества от 2 450 тыс. до 2 940 тыс. пригодны для посевов американского хлопка».

Общий бюджет нового государства составил к концу финансового года 113 308 056 иен Манчжоу-Го (курс этой иены равен японской). Кроме того имеется дополнительный бюджет, достигающий 24 648 945 иен. Из них 16 948 945 предназначены для северманчжурских общественных работ и предприятий по «поддержанию порядка». Остальные суммы должны быть распределены между бюро опиумной монополии и бюро капитального строительства. 28 февраля в годовщину Манчжоу-Го из столицы Манчжоу-Го и из Токио рассылались декларации об экономической политике нового государства. В них указывалось, что «основные отрасли промышленности будут управляться непосредственно правительством или специальными обществами».

Так обстоит дело с политикой открытых дверей. Принимая во внимание сказанное об обществе ЮМЖД, можно получить яркое представление о том, что происходит в Манчжоу-Го в области экономики и о возможностях для остального мира пользоваться одинаковыми правами с Японией. Государственный банк Манчжоу-Го представляет собой не более и не менее, как филиал Японского государственного банка. Спорен вопрос о том, у кого сейчас арендуется территория Кватуна.

Если государство Манчжоу-Го действительно независимо, то что же делают там японские войска? Во главе морского департамента стоит японский адмирал Кобаяши. Генерал Мудо командует армией, Комаи — руководит гражданской частью администрации. Филиал Японского банка регулирует денежное обращение, а железнодорожное общество, акции которого держит японское правительство, контролирует транспорт. Сверх того, как указывалось выше, все основные отрасли производства подлежат контролю государства. Японский «Уикли кроникл» пишет в статье под заглавием «Манчжоу-Го и его промышленное развитие»: «За последние 18 месяцев в Манчжурии удалось разрешить более десятка сложнейших проблем. Правовое положение Манчжурии, тщательно изученное доктором Вальтером Ионгом, поистине трагикомично. За короткий срок, истекший с момента опубликования доклада доктора Ионга, были сделаны такие вещи, которые на законном основании не могли быть сделаны, и наоборот, вещи, которые следовало бы сделать, теперь не могут быть сделаны. Короче говоря, армии существуют для того, чтобы рвать в клочья все законы и создавать новые, которые в свою очередь, когда наступит их срок, будут разодраны. Тем не менее существует какая-то последовательность. Мы цепляемся за остатки законов, поскольку у нас нет другого путеводителя... как бы неполны и отрывочны они ни были. Если предположить, что Манчжоу-Го прочно существует и что все связанные с ним предприятия должны выяснить свое положение, то в первую очередь возникает вопрос относительно арендных территорий Кватнуна. Манчжоу-Го имеет теперь собственные таможни и вероятно пересмотрит тарифы, для того чтобы приспособить их к своим собственным и к *японским* интересам. Вследствие создания Манчжоу-Го, которое не осуществилось бы без японского воздействия, Китай не в состоянии выполнить своих международных платежных обязательств, и ставится вопрос о договорных правах и привилегиях других стран. Этот вопрос не может быть разрешен одними лишь Китаем, Японией и Манчжоу-Го без вмешательства других стран. Естественно, что один из методов его разрешения, прецедент к которому можно легко найти, сводится к требованию компенсации от Китая, т. е. к созданию независимого Северного Китая под британским покровительством и независимого Южного Китая под французским покровительством. Германия и Италия потребуют себе компенсации в других частях Китая. Конечно все это еще

больше обострит те напряженные отношения, которые существуют между державами, и усилит опасность войны. Однако мы надеемся, что подобный метод компенсаций оставлен навсегда... Может возникнуть также вопрос о цене за определенное число лет свободной торговли и о правах наиболее благоприятствуемой нации. Но и этот метод утратил свою популярность.

Ходят слухи, что вскоре будет выдвинут принцип «никакого признания и никаких виз в Манчжурию (с тех пор эти слухи официально подтвердились). Америка не признавала Советской России и все же множество американцев путешествовали по России. Неужели Манчжоу-Го будет столь гордым и надменным, что не последует примеру России?

Множество трудностей возникает в связи с вопросом о регулировании заокеанской торговли и таможенных ставок. Когда впервые был создан план превращения Японии в страну, способную удовлетворить свои потребности в железе и стали путем защиты своей промышленности, возник длительный спор о том, должны ли новые заводы Шова строиться в Аньшане и с оплатой пошлин при вступлении на территорию Японии или в Нью-Уиджу у корейской границы без уплаты пошлин. Как будто бы было установлено, что заводы будут сооружены в Нью-Уиджу, но затем была объявлена независимость Манчжоу-Го, и с тех пор ничего не слышно о необходимости строить заводы на японской территории, а, напротив, принято решение о постройке их в Аньшане. Как разрешен вопрос о пошлинах, пока еще неизвестно.

В данный момент возникают новые трудности, затрагивающие иностранные интересы, в связи с пароходной линией, обслуживаемой компанией Дайрен—Кисен—Кайша. Эта японская компания была учреждена в Дайрене, и ее пароходы (обычно приобретаемые за границей) там же и регистрировались, благодаря чему они избегали уплаты импортной пошлины, которой оплачиваются пароходы, приобретенные за границей до их регистрации в каком-либо японском порту. Но линейные пароходы Дайрена не могли курсировать между японскими портами, хотя не возникало никаких возражений против их курсирования между Дайреном и Японией. Несмотря на указание, что Дайрен не подчинен правилам каботажного плавания, всегда возникает множество трудностей, когда иностранное судно пытается осуществить свое право перевозить грузы между Японией и Дайреном. В некоторых случаях департамент путей сообщения отказывается от соблюдения подобных ограничений и разрешает дайренским судам курсировать между японскими портами. Сейчас эта компания просит о расширении указаного права... Она стремится перевозить продукты из новокорейского порта Сейшин в Ниигату на японском побережьи... Это означает, что значительная доля экспортной торговли Манчжоу-Го должна проходить через порт, в который иностранное судно не имеет права даже войти... Если Сейшин будет объявлен порто-франко, то иностранные суда сумеют

вести лишь очень малую часть японской каботажной торговли... Для японских пароходных линий, ведущих торговлю между британскими портами, этот вопрос имеет весьма большое значение... Возникнет немало споров, если будет сделана попытка направить значительную долю манчжурской внешней торговли через какой-либо японский закрытый порт».

В другом месте этой работы я указывал на те малые шансы, которые имеет иностранец в японском суде, если его противником является сын Ниппона. Теперь мы наблюдаем такое невероятное положение, при котором японские официальные лица отправляются в Манчжурию для наблюдения за судами. Еще менее совместимо с существованием независимого государства то обстоятельство, что уже 45 японских судей и юристов прибыли в Харбин. Они будут действовать в этом городе и в провинции Гирин. Постепенно эта система будет распространена на всю Манчжурию, а японские наблюдатели и советники будут назначены повсюду. Таким путем Япония сумеет отказаться от всякой ответственности перед лицом всего мира и в то же время будет контролировать каждую мелочь в деятельности государства.

Теперь посвятим одну минуту рассмотрению новых законов в самой Японии; вероятно они будут распространены при помощи советников и на Манчжоу-Го. Я сошлюсь на японский «Уикли кроникл». Он пишет: «Политические заключенные, по делу которых велось в течение ряда лет следствие, должны быть приговорены к большим срокам заключения». Положение, при котором возможны такие явления, еще более отягчается уже упоминавшимся новым законом, называемым «законом о сохранении мира». Совещание высших чиновников 20 апреля этого года постановило, что срок заключения лиц, подозреваемых в «опасных мыслях», должен быть увеличен. Указывается, что минимальный срок заключения до суда должен равняться двум месяцам. Сейчас в Японии фактически вполне возможно держать человека в заключении в течение неограниченного времени. Это равносильно полному отрицанию закона, так как полиция обладает чрезвычайным правом задерживать на неограниченное время людей по подозрению, особенно если подразумеваются «опасные мысли». В Манчжурии японские законы, вроде вышеприведенного, осуществляемые японскими судьями, не дают спорящей стороне или арестованному вообще никаких шансов. Все это лишь обман для мира. В качестве закона — это насмешка.

В вопросах, связанных с трудом, так же как и в отношении торговли, открытых дверей в новом государстве фактически не существует. Намечается определенное движение в смысле комплектования экипажа всех 400 кораблей на Сунгари одними лишь японцами, а ведь некоторые части Сунгари выходят за пределы так называемой японской сферы. Делается также попытка заменить всех иностранцев, независимо от того китайцы ли это или манчжуры, русские белогвардейцы, корейцы и т. п., на всех судах

в территориальных водах одними японцами. Столь прославленные «открытые двери» оказываются с любой точки зрения «открытыми дверями» для одних япоцнев. Японский делегат в Лиге наций, в потоке красноречия, в критический момент рассмотрения японского вопроса утопил всякую истину. Он же, когда был назначен на другой пост, на этот раз в Манчжоу-Го, красноречиво возвестил, что «вмешательства в китайские дела не будет». Поистине замечательно логично..

Во всей Японии и Манчжурии наблюдается рост противодействия представителям белой расы в тех местах, где они попадают под японское господство. В данный момент положение белых весьма критическое, и возникают весьма большие опасности. Многие из иностранных представителей отправили семьи домой вследствие неуверенности в происходящем. Раньше я уже указывал на отношение населения и в особенности полиции к «варварам». В настоящее время пропаганда против иностранцев сильнее, чем когда бы то ни было в истории Японии. Все, что может показать народу, что державы решили уничтожить «детей богов», распространяется и преувеличивается до таких пределов, что не остается уже ни одного человека, который не боялся бы и не ненавидел бы белых людей.

Можно привести бесчисленные случаи, иллюстрирующие это положение. Самый недавний из них относится к заказу 100 фордовских грузовиков для Северного Китая. Японский союз моряков послал команде судна радиограмму с предложением отказаться везти груз в Тянцзин. Рабочие отказываются строить автобусы для Шанхая, потому что заказ был подписан британским подрядчиком. В обществе Ниппон Коцаи в Кавасаки служащие бастовали, потому что управление находилось в американских руках и общество принадлежит американцам. В этих забастовках нет никакой логики, но они обнаруживают интенсивность патриотического фанатизма, который поощряется шинто. Один американец пожелал сконструировать нефтяные баки. Ему препятствовали всевозможными путями. В здание американского консульства в Кобэ бросали камни. Местная пресса не делает ничего для успокоения этой истерики. Пресса конечно несет ответственность за всю эту ненависть. Газеты полны призывами к войне. Повсюду взывают к вооружению. Некоторые стоят за немедленное объявление войны Китаю и за проникновение за Великую стену, пока вся республика не будет покорена. Мы снова видим, что «день» наступил. Каждый налет на Китай встречается криками радости. Какая же может быть надежда у населения Манчжурии?

В вопросе о японской иммиграции в Манчжурию возникли необычные, хотя и нельзя сказать чтобы неожиданные, трудности. В стране, особенно на севере, климат очень холодный. Японские крестьяне не привыкли к такой температуре. Вследствие этого со стороны народа не заметно особенно желания двигаться в но-

вую часть империи. В отчете Литтона много говорилось о необходимости для Японии расшириться. Я лично не вижу, в какой степени это касается Китая, а относительно Манчжурии обстоятельства показали, что японцы не пошли навстречу предложению эмигрировать из страны. В мире существует взгляд, что Япония больше нуждается в территориях, чем какая-либо другая страна, несмотря на то обстоятельство, что число жителей на квадратную милю пахотной земли значительно меньше, чем в Соединенном королевстве Бельгии или в некоторых других европейских государствах. Данные двух отчетов от 18 апреля этого года об иммиграции говорят следующее: «Общество южноманчжурской железной дороги решило оказать содействие японским крестьянам, которые пожелают эмигрировать в Манчжурию. Оно ввыделило для этого первоначально 3 млн. иен. В то время как японское правительство поощряет выезд крестьян в Манчжурию, а правительство Синцзина приветствует их поселение, различные трудности препятствуют этой эмиграции. Трудности эти заключаются в суровости климата и различных уровнях жизни. Эмиграционное бюро отправило в Манчжурию группу эмигрантов, но полученные результаты оказались не вполне удовлетворительными. «Японское правительство не разработало еще конкретных планов оказания помощи эмигрантам в Манчжурии вследствие связанных с этим расходов. Иммиграционная секция «специального» департамента кватунского гарнизона ограничивает свою деятельность дачей сведений японским иммигрантам. «Используя увеличение своих капиталов до 800 млн. иен, Общество южноманчжурской железной дороги решило взять в свои руки, впредь до создания специального официального правительственного органа, оказание помощи японским крестьянам, желающим обосноваться в Манчжурии. Это решение было вынесено 10 апреля на совещании директоров, и весь план был передан на утверждение кватунского гарнизона». В связи с последней фразой я позволю себе напомнить читателям о меморандуме Танака.

Эмигранты, упоминаемые в этом сообщении, являются членами Общества людей воли. Они представляют не что иное, как полувоенную группу, отправленную министерством колоний. Другие группы, отправленные патриотическими организациями, являются членами других подобных же обществ. По большей части они не женаты и организованы по-военному. Они носят полувоенную форму и могут быть мгновенно мобилизованы в качестве солдат, полицейских или другой военной силы. Они образуют японскую армию в самом сердце «независимого» государства.

Что же будет дальше? Отчет Литтона ясно указывает, что существующий порядок, т. е. сохранение государства Манчжоу-Го, крайне нежелателен. Затем в докладе установлено, что возвращение к прежнему порядку также невозможно. Ведь это означало бы возвращение к прежнему состоянию беспорядка вследствие разногласий и враждебности между обеими нациями. То,

что Китай должен был Японии в области аренд, разных прав, займов и т. д., он заплатил. Если Манчжоу-Го будет официально или хотя бы неофициально признан в результате пассивной или отрицательной политики держав, население Манчжоу-Го испытает на себе всю власть японского террора. Оно постепенно будет сведено к положению корейцев. У него будут отняты все права, и оно будет раздавлено.

Зачем Япония продвигается непосредственно в Китай? На каком основании она нападает на Пекин? Ведь ее доводы заключались в том, что она действует в интересах Манчжоу-Го. Но Манчжоу-Го — это Япония. Как может она утверждать, что Китай ведет себя провокационно, что Китай агрессивен, что Япония стремится лишь к миру, когда ее потери по всей Манчжурии с 18 сентября 1931 г. составили только 926 убитых. Таковы официальные данные, сообщенные в начале текущего года во время службы в храме Ясукуни. В Шанхае, где китайская 19-я армия успешно боролась против японцев, потери последних достигли 651 человек. Шанхай — это единственное место, где китайцы активно и решительно повели бой. Японский флот потерял 73 человека. Эти цифры подкрепляют утверждение китайского правительства о том, что оно никогда активно не нарушало инструкций Лиги наций и что оно никак не провоцировало японцев. Китайские потери громадны, они приходятся главным образом на отряды солдат, объединяемых патриотами, готовыми умереть в борьбе с японцами, которых последние характеризуют, как разбойников. Пострадавшее гражданское население Китая во много раз превышает число пострадавших японцев. Оно определяется цифрой в 12 936 человек. Так обстояло дело в декабре прошлого года, но с тех пор эта цифра увеличилась. Число пострадавших (убитых и раненых) солдат составляло в тот же период 20 215, из полиции пострадало 390 человек, а из добровольцев — 25 618. Итог равен 58 248 человек. Японский итог за период в 5 месяцев — 1 650 человек, из коих более $^2/_5$ было убито в течение нескольких дней, когда происходило шанхайское сражение. В Манчжурии погибло меньше 1 000 человек. Довод Японии, которым она пытается объяснить нападение на Китай, сводится к тому, что китайская армия ее постоянно тревожит. Между тем Лига наций, в которую входят Британская империя, Франция, Италия, Германия, поддерживает Китай. Соединенные штаты находятся в полном согласии с этими державами и убеждают Китай воздержаться от провокационных мероприятий. Их действия ограничиваются тем, что их представители в Женеве голосуют за принятие резолюции с вынесением порицания Японии. Когда же они чему-нибудь научатся?

ГЛАВА XII
РЕАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В ЯПОНИИ

Кажется, Бриан охарактеризовал японцев как народ «умеренный, идущий от концессии к концессии» [1]. Это саркастическое утверждение до известной степени верно, но в нем неправильно употреблено слово «народ». Я уже говорил раньше, что в Японии не существует категории «народа». В ней существуют лишь три института, заслуживающих внимания с точки зрения политики страны: это — военные штабы, в число которых я включаю каи, тайный совет и кабинет. Большое преимущество военных вождей заключается в том, что японский император является верховным главнокомандующим всех национальных сил и что они имеют право по всем вопросам обращаться непосредственно к нему. В 1907 г. военные круги впервые попытались взять в свои руки руководство государством. Во время премьерства Танака снова были сделаны отчаянные попытки освободить армию и флот от правительственного руководства. Это стремление к неограниченной свободе живет в крови японских военных родов. Таков старый дух самураев, поддерживаемый тем обычаем, что глава семьи ни перед кем не обязан ответом. После восстановления императорского дома страной продолжали управлять военные кланы, главным образом Сацума, Тоза и Чоши, известные под названием «Са-То-Чо». Они не могут освободиться от того представления, что они являются исторически к тому предназначенными и единственно подлинными господами и защитниками шинто. На этом убеждении военные круги основывают свою поразительную активность и все свои замыслы.

Никогда в истории этой страны гражданские и военные власти не были друг с другом в хороших отношениях, с западной же цивилизацией и политической мыслью Япония только недавно познакомилась. Японский народ может мало приобрести от изучения своей собственной истории, так резко изменилась страна с тех пор, как ее границы открылись для торговли с Европой и Америкой. Несмотря на это образование не получило распро-

[1] Игра слов: концессия по-английски и по-французски означает также уступку. *Прим. ред.*

странения; религия шинто была укреплена в качестве оплота против западного влияния. Представление о собственном значении, которое присуще военным кругам, сравнимо лишь с представлением левитов в древнем Израиле. Первые являются защитниками императора, как левиты защищали ковчег завета. Азия — предмет их мечтаний, и они твердо верят, что если они покорят Азию, то остальной мир автоматически подчинится им.

Американские и европейские политические деятели заслуживают известного порицания за почти полное непонимание японского мышления. Даже самый крупный из них — сэр Гарри Паркс, должен был признать, что он никогда не отдавал себе полного отчета в значении и возможностях шинто. Не разбираясь же в последнем вопросе, невозможно приобрести даже самое скромное представление о Японии. Не понимая того обстоятельства, что каждый японец *знает*, что он является носителем божественного начала и что представители других народов не разделяют с ним этого преимущества, нельзя понять значения расовой теории в Японии. Почти все министерства иностранных дел поручали сношения с Японией дальневосточному департаменту. Нигде не было создано специального отдела или департамента для сношений с Японией, а без этого нельзя ознакомиться с угрозой, заключающейся в шинто, в военных и морских штабах Японии.

Пять лет назад я написал обращение к руководителям дальневосточных департаментов всех держав. Я предупреждал их о том, что должно произойти, и даже предсказал даты; я не ошибся. По всей вероятности меня сочли за истерического глупца, но если были бы проявлены малейшие признаки понимания психологии японского народа, мои обращения были бы ненужными.

В настоящее время военные круги приобрели руководящее значение, и мир должен понять связанную с этим опасность. Прежде всего я должен вернуться назад к ее корням, к неошинто. В последние шесть месяцев неошинто возродилось вновь. Так же точно, как неошинто само развилось из шинто, оно в свою очередь расчистило путь для кодо. Шинто — это откровение богов. Кодо — откровение императора. Но различие в названиях имеет лишь психологическое значение. Кодо — понятнее. Император ощутим, каждый японец может лицезреть его. Все они знают, что его власть божественна и потому за него необходимо бороться. Кодо — создание генерала Араки, военного министра, который придумал это название.

Я уже упоминал о том, как современная наука проникает в Японию и грозит подорвать божественные права расы и императора. Кодо раздавил всякие «новые мысли». Араки, один из главных организаторов вторжения в Манчжурию, является идолом японской молодежи. На конференции генерального штаба и на общественных собраниях он объяснил значение этого нового наименования шинто. Содержание его речи заимствовано нами

из «Джапан уикли кроникл» от 16 марта текущего года. «Большую ошибку делает тот, — заявил генерал Араки, — кто рассматривает манчжурскую проблему с чисто материалистической точки зрения, просто как проблему прав и интересов или жизненную задачу. Война возникла потому, что развращающие материалистические представления китайского народа, импортированные с Запада, разожгли расовый дух и национальные чувства японцев. Мы, японцы, не боимся крови и не отказываемся положить свою жизнь за правое (sic!) дело. Центром жизни в нашей стране является императорский дом. В этом его главная заслуга. Его величество является хранителем японской нравственности, и основной задачей нашего существования является содействие процветанию императорского дома или распространению японского духа. Однако еще недавно пламя нашего национального духа готово было угаснуть, постепенно слабея. Капиталисты поглощены расчетами и прибылями и пренебрегают интересами общества. Политические деятели поддерживают партийные интересы, пренебрегая государственными. Кто не содрогнется при виде государства, развитие которого принимает такой оборот? Причину этого грустного положения недалеко искать. Она довольно проста. Дело в том, что японский народ потерял веру в себя и утратил правильное представление о стране императора. Что станется с Японией, когда ее народ забудет о великих духовных основах Японии и потеряет гордое сознание того, что он — *японский* народ. Страну постигнут тогда всевозможные бедствия. Манчжурская война является истинной карой провидения, тревожным сигналом, который должен разбудить японский народ. Когда народ проникнется тем же великим духом, который создал страну, наступит время для всех народов мира признать наш кодо. Это — великий идеал японской нации, сущность которого такова, что его следует распространить по всему миру и смести все препятствия к этому хотя бы и мечом.

«В каком положении находится теперь Восток? Индия с ее населением в 300 млн. человек живет под тягостным господством Великобритании в страшной нужде. На плодородных равнинах Центральной Азии и Сибири не осталось и признаков свободы. Монголия, страна мира, превратилась во вторую Центральную Азию. Дальневосточные страны подвергаются давлению со стороны белых народов. Но проснувшаяся Япония не может больше терпеть их тиранию и давление. Страна императора должна решительно противодействовать намерениям всякой державы, как бы сильна они ни была, если они не согласуются с кодо. Не опасайтесь недостатка сил или материальных ресурсов; все зависит от духовного состояния. Всякий, кто воспрепятствует победному маршу этой страны, будет безжалостно и без всякого милосердия раздавлен, кто бы это ни был.

«Выступим за великую идею во всей доблести наших мечей. В число «трех священных благ» входит великая идея убийства

немногих для спасения многих. В наш век Шовы (династическое имя царствующего императора) яркое солнце светит над Японией. Разве манчжурская экспедиция не является прекрасным случаем показать всему миру, что представляет собою Япония, показать ее истинный дух и значение; разве не является случаем для всех народов Азии убедиться в величии духа и цивилизации Японии в противоположность Европе и Америке?

«Обязанности Японии как божественной страны восточных морей и старшего народа Азии велики, а ответственность, лежащая на ней, тяжела. Каждый выстрел должен быть проникнут кодо и конец каждого штыка закален национальной доблестью. Победа или смерть! Отступления нет! Больше не может быть различия между армией и народом или между гражданским населением и солдатами! Может ли итти речь о какой-то резне, какой-то бесцельной борьбе, когда за оружие берется императорская армия? Весьма досадно слушать, когда о нашей армии говорят так же, как об армиях других держав. Мы, не колеблясь, заявляем, что мы — военная нация, воспитанная в духе кодо и великой нравственности. В последнее время стали нападать на военные власти за их самостоятельное поведение в Манчжурии, за их непреклонное и настойчивое вмешательство в политику и аграрную проблему. Это очень досадно, так как нападки эти исходят из представления об императорской армии, сближающего ее с армиями Европы».

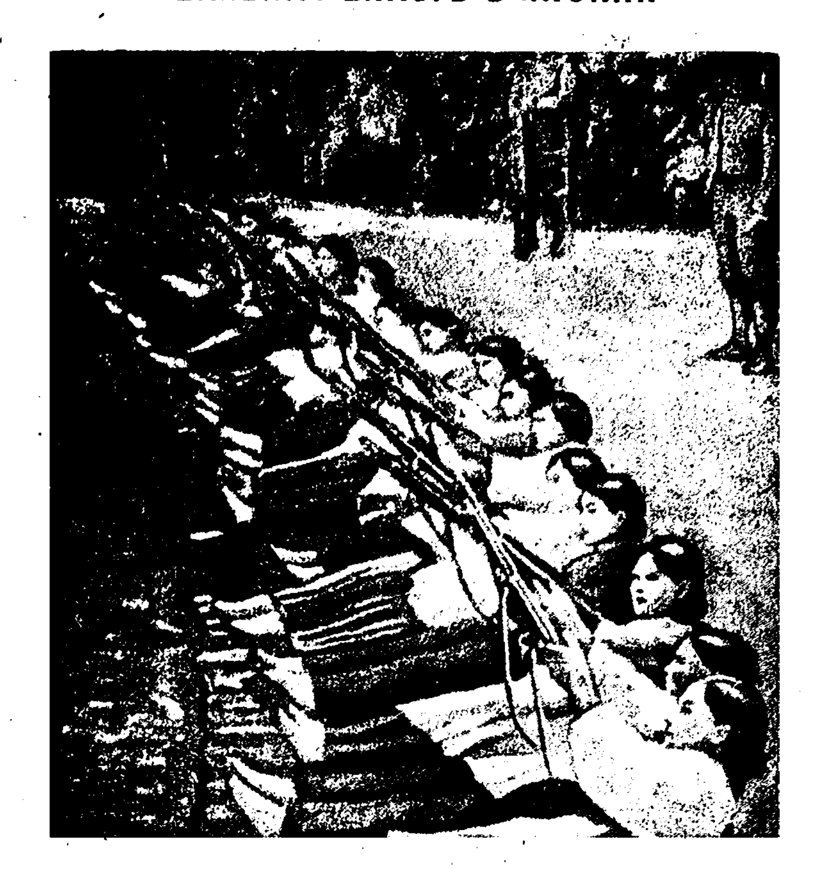
Таков кодо, новейшая форма шинто в Японии. Первым шагом его последователей была организация «кодо каи». В настоящее время число ее членов достигает почти 20 млн. Эта организация растет с каждым днем и охватит скоро весь японский народ — мужчин, женщин и детей. Если моя мысль еще не ясна, то я скажу, что кодо предполагает вооружение и обучение военному делу всего народа. Японские массы к этому готовы, они знают, что несут в себе божественное начало, они воспитаны в восхищении перед самураями, они восторгаются войной и любят кровопролитие. Впервые им представляется случай почувствовать свое равенство — равенство с военными кланами. Для японцев это социализм, военный социализм. Это такой правительственный режим, о котором мир еще ничего не слыхал. Я привожу фотографии девушек, обучаемых военному делу. Это не картинки простой муштровки, а упражнения с винтовкой во всевозможных военных позициях. «Ориентал экономист» не дерзает открыто печатать свои выводы, но он ставит соответствующие вопросы по поводу нового движения. Он желает знать, «как возникло соглашение, признавшее весьма нежелательным вмешательство крупных капиталистических групп в управление Манчжоу-Го. И как это случилось, что одновременно с выступлением Японии в Манчжурии усилилось противодействие военным руководителям политической и экономической жизнью страны, причем были сделаны попытки к их полному устранению. Действительная проблема заключается не в

положении вещей за границей, а в факторах, коренящихся внутри страны. Реформа внутренней политики и изменение экономической системы — таковы надежды или господствующие помыслы Японии, неопределенные, но сильные; таково ядро, которое все концентрирует вокруг себя с тех пор, как началась манчжурская война».

Мне могут на это возразить, что в Японии имеется довольно сильное либеральное общественное мнение, поддерживаемое ее наиболее умеренными элементами, которые окажут сопротивление этой новой форме власти. Но при этом нужно помнить, что при посредстве каи военные круги провели во все области Японии людей, готовых исполнять их приказания. Вся полиция целиком на их стороне. Другими словами, в их руках верховная власть. Либеральные группы объединяют людей, не имеющих права высказывать свои мысли, людей, сторонники которых находятся под угрозой подвергнуться аресту за свои мысли. Инукаи был убит военными. Они действуют решительно и безжалостно.

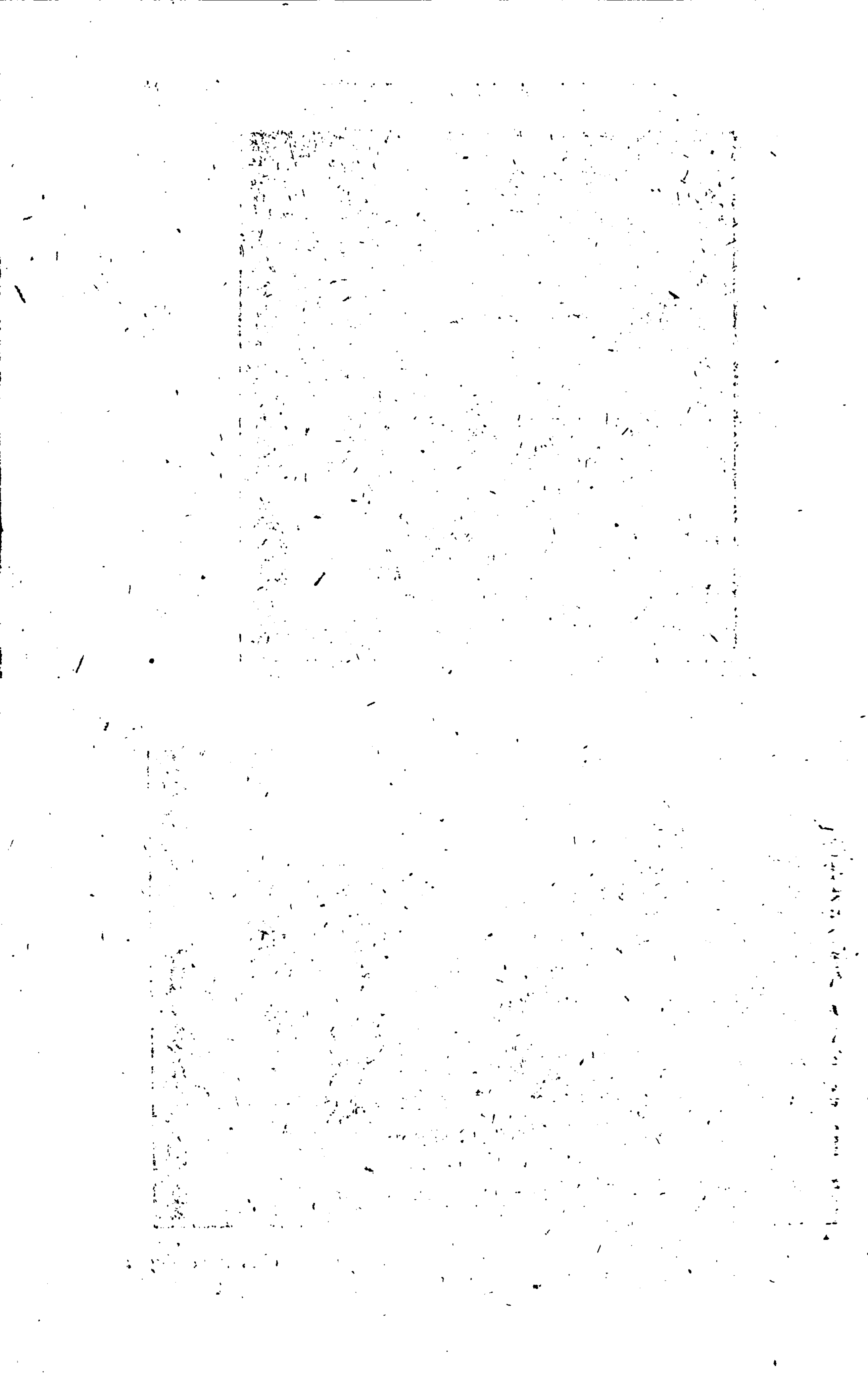
Для борьбы с этой угрозой люди Запада должны двинуться на Восток; в противном случае Япония осуществит свои планы. Лишь месяц или два назад генерал Араки дал нации лозунг. Он сказал: «Убивай и не давай пощады». Япония находится в отчаянном состоянии. Она знает, что если ее теперешнее предприятие не удастся, она будет уничтожена в финансовом и расовом отношениях. Она понимает, что превратится в таком случае в ничтожество и перестанет быть державой.

Я утверждаю, что недалеко то время, когда Япония начнет свою кампанию. Она собственно уже приступила к ней, двинувшись к югу от Великой китайской стены. Япония заявляет, что не нападет на китайцев, пока их армии не вызовут ее к этому, но Япония решила, что так именно случится. За Араки стоит весь японский народ. Это народ невежественный, верящий в то, что весь мир стремится уничтожить Японию, что западные державы желают раздавить ее, это убеждение в совокупности с фанатической верой в шинто или кодо, эта вера превращает Японию в ту угрозу, которую она собою в настоящее время представляет. Западные народы всегда недооценивали силу Японии и продолжают делать это и теперь. Государственные деятели Запада будут утверждать, что армии или флоты не могут действовать, не имея за собою нормального в экономическом отношении тыла. Я отвечаю на это: «Нет». Государственные деятели Запада никогда не видели целого народа — мужчин, женщин, детей — идущего на войну. Но они это увидят. В ближайшем будущем Япония выступит против Китая. Это будет не просто армия, — это будет целый народ. Я не хочу утверждать, что 70 млн. человек пройдут через Манчжурию, но если потребуется, пойдут все 70 миллионов. Если Япония пожелает начать наступление на Азию и занять южные острова Тихого океана, она добьется этого. Ее народ подчинится своим вождям. Кодо будет их лозунгом. Это будет фанатическая,

Японские девушки, обучаемые военному делу. (Фотографии пересняты автором из „Осака Маиничи". Март 1933 г.)

религиозная армия, великолепно обученная, вооруженная по последнему слову техники. Ее поддержит флот, по боеспособности равный лучшим флотам мира. Ее воздушный флот сможет состязаться с любым другим. Ее военные силы будут вести борьбу сравнительно близко от своей базы. Они будут снабжаться по мере продвижения, потому что для обеспечения снабжения они пригрозят штыком населению страны, если это потребуется. Они не знают милосердия и никого не пощадят. У них все готово. После захвата Манчжоу-Го Япония не будет зависеть от иностранной помощи в отношении военного снабжения. Взоры Японии обращены на Сиам, Шанхай, Сингапур, Малайский архипелаг, Бирму, Индию, Гонконг, Гавайские острова, Австралию, Индо-Китай и наконец на Великую Азию.

Я готов к тому, что люди Запада будут над этим смеяться. Я готов ответить на любое их возражение. Они не знают японского народа. Я утверждаю, что являюсь самым крупным авторитетом по Японии в обоих полушариях из числа живущих ныне японоведов. Это — не хвастовство. Я знаю японцев, как ни один другой «варвар» на земле. Мне скажут, что военная власть не сможет удержаться при перемене кабинета и партии. В Японии политические убеждения эластичны, как каучук. Для получения звания и положения министра даже лидеры партий готовы там изменить своим сторонникам. Кроме этой неустойчивости японских парламентских деятелей там существует весьма действенный способ контроля, в настоящее время уже осуществленный. Организация дипломатического совета совершенно изымает дипломатию из министерства иностранных дел в случае, если последнее проявит дружественное отношение к какой-либо западной державе. В будущем всеми вопросами внешней политики будет руководить этот совет, над которым в свою очередь будут стоять военные. Министры будут рупорами военных кругов. Опасение быть убитыми заставить их действовать по указке военных клик. Они являются ныне и будут впредь простыми марионетками. В начале этой книги я отзывался благожелательно о двух лицах; после того как я начал эту главу, один из них изменил своему делу, предоставив Озаки бороться в одиночестве. Нитобе был запуган и приведен в повиновение. Его послали в Америку для агитационных целей, но иногда он «забывается» и произносит речи, неожиданные для сверхпатриота, каким он стремится теперь себя представить. В апреле он сказал: «Нужно пожалеть тот народ, у которого каждый третий человек является шпионом, вымогателем и может грозить и убивать, народ, который может быть обращен в шпионов и террористов, если доносчик получит над ним власть». Может быть он говорил на основании собственного опыта? При таком положении вещей, когда целый народ находится во власти пропаганды каи, утверждающей, что «весь мир пошел против несравненной Японии», военным кругам безразлично, кто получает жалованье за министерские посты. Тайный совет уже в их власти,

и наиболее влиятельный член совета разделяет мечты генерала Араки. Оба они принадлежат к одной и той же ассоциации «ковчега шинто», учению, которое приобретает все большее влияние в народе. Выдержки из статьи апостола этой последней формы шинто, некоего Накано, опубликованной в «Дипломатик ревью», дадут представление о намерениях военных в области внешних отношений Японии в будущем. Накано нападает на все три японские политические партии, утверждая, что Минсейто «страдает страхом»,Сейюкай — «колебаниями», а Сейто — (национальная партия) — «медлительностью». Он совершенно отбрасывает в сторону народнохозяйственные проблемы и трубит о том, что «человеческая энергия является величайшим элементом народного богатства. Япония имеет народ высоких моральных качеств, с блестящими способностями к науке и сильный в борьбе. Японец легко приходит в возбуждение, но вместе с тем способен к самоанализу — качество, которое отсутствует у французов и итальянцев. Японцев поддерживают корейские братья и 30 млн. населения Манчжурии, поклявшегося содействовать Японии. Распространившись по Корее, Манчжурии и Монголии, мы включили 130 млн. азиатов. Эта масса образует основное ядро японской военной мощи и залог ее экономической силы. Если эта человеческая масса, которая не знает себе равной в мире, не может создать большой промышленной, сильной в экономическом отношении державы, то вина заключается в невежестве и бессилии руководящих политической жизнью классов. Узкой полосой воды отделяются от нас естественные богатства Приморской области и Камчатки. Текущие на восток реки Китая, Китайское море и западная часть Тихого океана легко доступны нашему флоту. Сюда надо присовокупить морскую мощь Японии и то обстоятельство, что жизненные артерии Азиатского континента в полной власти нашей армии. Если бы к несчастью для себя державы пожелали объявить экономическую блокаду Японии, в нашей власти использовать естественные препятствия и преграды, существующие в Азии, и организовать блокаду Китая, Манчжурии, Монголии, Приморской области и Камчатки, закрыв их для держав; тогда примыкающие воды превратятся во внутреннее японское озеро.

«Рынки Индийского и Тихого океанов богаче и пространнее тех рынков, на которых в прежние времена господствовала Великобритания. Нашему народу предназначено самим небом совершить большие завоевания в странах мира вместо покорного подчинения мировому господству Европы и Америки. Японские дипломаты любят носить смокинг и подобострастно изъясняются на иностранном языке. Сверхподобострастный английский язык, которому учатся японцы, употребляется главным образом прислугой в отношении хозяев. Они привыкли ко всевозможным оскорблениям и национальному позору, но терпение японцев истощилось». Накано говорит дальше о том, что называет нарушением со стороны Запада «японской доктрины Монроэ и вытекающих из нее

социальных прав». Он продолжает: «Остается еще открыть последнюю, застеленную чистыми циновками, комнату японского дома, с тем чтобы ее затоптали грязные сапоги белых, которые придумали теперь специальную комиссию для исполнения постановлений тех, кто убедил нас в нарушении соглашения Лиги наций и договора о ненападении. При теперешнем положении вещей народ должен опереться на Дальний Восток и приготовиться к встрече с возможным врагом. Эта позиция заставит державы поразмыслить и проверить свои расчеты. Что касается России, то теперь, когда Северная Манчжурия вошла в новое государство Манчжоу-Го и границы его защищаются японскими силами, влияние России в Северной Манчжурии и на Восточнокитайской железной дороге утрачено. Несомненно, что теперь, когда Великобритания не может двинуться и Россия не в состоянии оказывать давления, Америка в одиночестве не будет угрожать Японии. Министр иностранных дел Учида произнес свою знаменитую речь, в которой он заявил, что Япония готова скорее погибнуть, чем уступить в то самое время, как Симсон запросил адмирала Пратта, готов ли американский флот к войне. Ответ гласил — «нет». Если бы Америка начала войну с Японией, морское владычество в китайских морях и в Японском море перешло бы к японскому флоту, и Америке пришлось бы отказаться от торговли с Китаем. Больше того, ей пришлось бы уступить даже Филиппины и Гавайские острова. Если бы Япония дала понять всем, что она намерена предпринять и что она никогда не уступит, то позиция западной дипломатии по отношению к Японии изменилась бы. Когда станет ясно, что изолированная Япония не покорится Лиге наций, тогда в Индии и Южной Африке возникнут беспорядки. В настоящее время державы исчерпали свои силы, вследствие банковского кризиса в Америке. Но комиссия Литтона будет пытаться навсегда связать Японию по рукам и ногам при помощи своего вмешательства. Не будучи подготовленной, не имея решимости прибегнуть к силе и испытывая внутри страны серьезные затруднения, которые не позволят им даже организовать экономическую блокаду Японии, державы, входящие в Лигу наций, могут лишь пытаться сотрясать воздух словесными нападками на Японию, чтобы поднять дух сопротивления в Манчжурии и Китае в надежде экономически истощить Японию.

«Что касается Великобритании, то она больше всего пострадала от движения в пользу самоопределения; независимость Манчжоу-Го лишила ее больших прав и привилегий, чем всякую другую страну. Великобритания намеревалась построить гавань в Хулудао и лишить Дайрен его экономических преимуществ, соединив Хулудао с железнодорожной сетью четырех восточных провинций[1] в противовес Южноманчжурской железной дороге. Но этот план был разрушен вследствие перехода железных дорог в Манч-

[1] Т. е. Манчжурия и Жэхэ. *Прим. ред.*

жоу-Го под непосредственное управление японцев. Кроме того Англия фактически владела Бэйпин-мукденской дорогой, но японский контроль лишил ее этой дороги. Создание Манчжоу-Го лишило ее также части ее весьма крупных интересов, связанных с китайскими морскими таможнями, так как таможенные поступления Манчжоу-Го изъяты из ведения и контроля Англии. Англия понимает, что это дело рук Японии. Если бы Япония была в положении Англии, в Японии происходили бы массовые митинги с требованием поддержания ее прав и интересов. То обстоятельство, что Великобритания не обнаруживает открытой враждебности, объясняется взаимоотношениями между Францией и Германией и связанными с этим интересами Англии. При таких условиях враждебность Японии невыгодна самой Англии. Не зная, как будет обстоять дело в будущем, и интригуя против Японии в Лиге наций и в Америке, Англия дружески похлопывает японских дипломатов по спине и демонстрирует свою приязнь к ним».

Так говорит один из деятелей военной клики из числа современных властителей Японии. От генерала Араки мы слышали, что «нужно сделать еще большие усилия, для того чтобы обеспечить мобилизацию всей нации и укрепить дух Японии. Всем нужно пренебречь мелкими интересами — народ должен объединиться». Он сожалеет о росте количества лиц, непригодных к военной службе, среди призывников и настаивает на том, что «следует уделить больше внимания обучению в школах военному делу». Министр иностранных дел граф Учида, бывший некогда послом в Европе, пылает теми же чувствами. Он говорит: «Правительство не отступит ни на один шаг, даже если стране будет грозить опустошение».

Нужно помнить, что это движение поддерживает вся страна. Пресса пропагандирует захватнические планы и выбрасывает лозунги: «Все белые народы против нас». Все больше и больше нарастает враждебное отношение ко всем белым и тем, кто поддерживает с ними отношения. Почти все союзы, поскольку они имеются в Японии, посетили дворец, чтобы выразить почтение императору, вместо того чтобы требовать в этот день улучшения своего положения. Они даже подписались на аэроплан для армии. Все бюро по найму прислуги для иностранцев содержатся полицией, использующей своих «клиентов» в качестве шпионов. Вся прислуга гостиниц, где живут иностранцы, на службе в полиции. Служащих и рабочих предприятий, принадлежащих белым, побуждают к забастовкам.

Я утверждаю, что реальная власть Японии находится в руках военных. Но я пойду дальше и скажу, что скоро они будут осуществлять эту власть открыто.

Они превратили императора в настоящего заключенного, какими были его предки до 1868 г. Кодо превратится в имперский коммунизм. Сцена сооружена и актеры готовы. Действие должно

начаться, японцы готовы встретиться лицом к лицу со всем миром и если потребуется пойдут на смерть.

Планы их готовы: японская армия и флот были реорганизованы в 1930 г. Они имеют вооружение, арсеналы, базы. В спешке и слепой ненависти ко всему западному у японцев уменьшилось чувство необходимости сохранения тайны, в связи с чем обнаруживаются удивительные вещи. Дух народа проникается ненавистью, честолюбием, жадностью и надеждой. Из всего этого образуется патриотическое месиво. Массы искренно верят, что Япония должна или действовать, или погибнуть. Дух их отравлен, и хотя они могут оказаться виноватыми, они невинны.

Народ не понимает, как развращены его вожди. Один единственный человек имеет смелость протестовать. Это Озаки. В апреле текущего года он написал статью под заглавием «Вместо надгробного камня». В ней, обсуждая возможности «муссолинизма» в Японии, он говорит: «Когда партийная политика так выродилась и развратилась, многие неизбежно начинают стремиться к диктатуре по образцу, созданному Муссолины в Италии. Нашим соотечественникам полезно посмотреть, в каком незавидном положении находится король при власти Муссолини. Он царствует только номинально, подобно императору в нашей стране при власти Токугава. Назначение диктатора... будет лишь возвращением к старой системе назначения главы исполнительной власти, восстановлением правительства кланов... наши соотечественники, ненавидящие самовластие, как змею, с энтузиазмом требуют диктатуры, забывая, что это то же самое... Что касается продажности партийной политики в нашей стране, то причина этого заключается в способе ее осуществления... В связи с конституцией развились злоупотребления. Они свойственны нашей стране». Она неизбежно будет военной диктатурой. Кандидатом в диктаторы является генерал Араки. Он имеет огромные шансы, потому что на его стороне против России будут капиталисты всего мира. Активно или пассивно, но державы окажут ему свою помощь, как они сделали это во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Уже теперь он овладел как политически, так и экономически силами своего народа. Прежде всего он указал народу путь, которым он может итти к победе и завоеваниям. Его кодо оказало на японский народ большее влияние, чем что-либо другое за всю историю Японии. Народу кажется, что кодо — это «божественный расовый коммунизм». Оно освобождает его от боязни оскорбления. Благодаря кодо японец не может казаться изменником в отношении его священных предков, императора, богов. Кодо, в задачу которого входит организация национальной армии, помогает отдельному лицу разрешить многие духовные проблемы. При помощи кодо военные круги получат армию, в которой каждый японец будет иметь свое место. Это будет армия религиозных фанатиков, верящих в то, что они сражаются за самое свое существование.

ГЛАВА XIII
ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

В ТЕЧЕНИЕ 1933 г. на восточном фронте было спокойно в сравнении с предыдущими 18 месяцами. По ее собственному признанию, Япония вела операции в самом Китае, но ее главной задачей было побудить Китай покорно принять кару. Между тем развивался «коммунизм богов» или кодо. Неожиданно введенные Индией, Египтом, Китаем и Турцией таможенные тарифы резко ухудшили экономические перспективы, хотя в одном из интервью Ганди и сказал, что внезапное нападение решительного врага из Центральной Азии лучше того положения, которое имеется в настоящее время, и поэтому Индия будет приветствовать такое нападение. Как мягко заметил «Джапан кроникл», «Ганди выказал удивительное для святого понимание экономического положения, заявив, что индийская промышленность гораздо больше нуждается в защите против японской конкуренции, чем против Англии». Японский тайный совет, громких призывов которого к войне не было слышно, снова и громче чем раньше начал кричать о ней. В марте им было заявлено, что правительство должно «помочь влиятельным китайским деятелям объединить их страну». На том же собрании он заявил, что «острова Южного моря должны быть удержаны, потму что они являются жизненной артерией национальной обороны».

«Опасные мысли» расцвели снова, и в передовице, посвященной этому вопросу, «Кроникл» говорит: «Правительство приписывает их экономической депрессии и другим социальным условиям. Может казаться, что если мы экономически окрепнем, то мы преодолеем кризис «мысли», улучшив условия существования». Полиции даны инструкции по вопросу об «опасных мыслях». В основном эти инструкции сводятся к следующему: 1) содействовать изучению истории Японии; 2) улучшить условия жизни путем разработки проблемы народонаселения, 3) повысить общественное доверие к легальной политической жизни, 4) тесно сотрудничать с прессой и писателями.

Все это преследует задачу укрепления кодо, поддержания в народе военного духа. Появились новые группировки и общества. Опубликованы отчеты, касающиеся увеличения регулярной армии

и флота. Проведена регистрация всех японцев мужского пола. «Японской национальной лигой обороны были объединены 74 реакционные организации. В армию и флот вливаются новые рекруты. Организация новых военных единиц, состоящих всего из 100 тыс. унтер-офицеров, для специального обучения противогазовым атакам, использованию бронированных машин, метеорологическим наблюдениям и пр. Увеличение числа студентов в военной школе... Создание авиационного корпуса молодежи... Реорганизация авиационных отрядов по всей стране... Подготовка 9 авиационных кампаний на основе планов сражения и бомбометания... Увеличение числа старших унтер-офицеров на действительной службе... Расширение танкового отряда и создание второго отряда в Нарашино... Организация школы для обучения газовой войне... Обучение военных собак в пехотной школе Квантунской армии. Члены великих каи, как Хокусаикаи, оденут военную форму и будут иметь собственные воздушные силы, автомобильные корпуса и другие вспомогательные отряды». Таковы сведения, даваемые местной японской прессой в течение этого года.

Мукденский арсенал в Манчжоу-Го работает полным ходом. Сталелитейные заводы объединились в одну колоссальную акционерную компанию, находящуюся под контролем государства. «Новый концерн будет находиться под руководством адмирала Годо».

Военое министерство Японии напечатало новый памфлет под заглавием «Мощь государства». В этом памфлете выдвигаются различные новые аспекты «имперского принципа» и японской семьи. Министр просвещения отдал распоряжение всем директорам школ на японских островах прочитать ученикам указ императора о выходе Японии из Лиги наций. Национальный «храм шинто» должен стать центром всех помыслов народа (по словам императора). Поклонение «великому храму Изе» должно распространиться по всей стране. 27 апреля на специальном торжестве в честь «храма» присутствовали даже император с императрицей.

Таковы важнейшие известия японских газет за последние несколько месяцев. Мы читаем в них о том, что предстоит мобилизация 50 заводов военного снаряжения «для согласования работы на случай надобности и организации комитета связи между ними». Даже буддисты создают фонды для приобретения аэропланов и преподносят их штабам. Муниципалитеты прониклись кодо и поддерживают военный дух; они тоже собирают деньги. Токийская корпорация собирает фонд в 5 млн. иен, чтобы включить в свои планы «защиту» и на приобретение газовых масок.

Осака — японский Манчестер — трепещет от страха перд воздушным нападением. Муниципалитет решил скрыть на случай войны свои резервуары воды, израсходовав на это 15 млн. иен. Император устроил генеральный смотр флота в водах Южного моря. Даже женские гимназии подчинены военному контролю.

Морская база в Порт-Артуре реорганизована и будет служить станцией для Второй заокеанской эскадры, а в Манчжоу-Го

учреждено «малое японское адмиралтейство». Множество бывших офицеров снова призваны и приняты на военную службу. Вся система коммуникаций Востойной Азии находится в японских руках. Япония почти совсем готова к войне. Вот те причины, которыми японцы объясняют необходимость войны: «Японский народ имел императоров в течение 2 600 лет... Когда все другие азиатские народы подчинились белым, Япония одна осталась независимой и приобрела блестящее положение. Таким образом японскому народу выпала великая миссия позаботиться о благе прочих восточных народов. Какая же миссия возложена небом на Японию? Это — освобождение 80 млн. азиатов от порабощения белыми... Наши национальные вожди проникнуты этой миссией... Национальные чувства соответствуют ей. Расовое сотрудничество становится все более необходимым... Британская Индия, Персия и Сиам в особенности готовы к осуществлению этой задачи... Трудно сказать, когда наступит благоприятный момент для сотрудничества, но Япония будет руководить им».

Такова идея Великой Азии, при помощи которой Япония надеется мистифицировать весь Восток. Что касается ее флота и морских укреплений, то она владеет двумя линиями островов, идущих в южном направлении от Японии. Обладание ими, независимо от трех групп бывших германских островов, дает ей ряд соединительных звеньев, баз, угольных станций, пересекающих океан, между Японией, Австралией и Новой Зеландией, а также между Японией и Соединенными штатами. В отношении мандатных территорий до сих пор не предпринято ничего, несмотря на то, что Япония вышла из Лиги наций. Соображения «Джапан кроникл» по этому вопросу составляют тему передовой, помещенной в этой газете от 6 апреля 1933 г.: «Кроме указания, исходящего из германского источника, о том, что в создавшихся условиях возможно рассмотрение вопроса о возвращении Германии ее колоний, в руководящих странах Лиги наций не было произнесено ни одного слова касательно своевременности возвращения Японией мандатных островов одновременно с выходом ее из лиги; странно, что здесь вопрос этот обсуждается с такой горячностью... Адмирал Осуми характеризует острова как имеющие для Японии большое стратегическое значение, причем он употребляет выражение «жизненная артерия», обычно применяемое к Манчжурии; мы перевели статью из «Асаки», в которой эта умеренная и уравновешенная обычно газета утверждает, что сохранение островов является вопросом чести даже в большей степени, чем удержание Манчжурии, и заявляет, что в случае надобности Япония вступит ради этих островов в борьбу со всем миром... Можно опасаться, что японцы не захотят принять во внимание предложение, сводящееся к тому, чтобы международная комиссия решила вопрос, лучше ли для туземцев, чтобы они остались под властью Японии или были возвращены Германии... Условия мандата предусматривают ежегодный отчет Японии

в Лиге наций, что само по себе еще ничего не говорит, но они также предусматривают свободу торговли и отказ от укреплений. Острова... очень редко посещаются иностранными судами. Известно, что последний иностранный пароход, вошедший в порт, подвергся такому режиму, как будто он находился во враждебной стране, так следили за его действиями. Декларация, говорящая, что каковы бы ни были постановления и что бы ни сказала лига, острова должны остаться за Японией вследствие их стратегического значения, очень неудачна. Такое заявление вызвало подозрительное отношение к укреплениям, которое трудно устранить. Укрепления так же мало ограничиваются пушками, как военная контрабанда не ограничивается оружием. Большие прошлогодние расходы вызвали известную подозрительность, и объяснения, сводившиеся к тому, что они предназначались для постройки мола, показались неудовлетворительными, так как они совершенно не соответствовали объему местной торговли. Единственный случай, при котором занятие островов может иметь значение, это — война между Японией и Америкой; при отсутствии укреплений они не будут иметь большого значения». Итак Япония затратила на острова свыше 250 млн. иен и установила баканы, отмечающие места, где большие суда могут бросить якорь. Они находятся в ведении военных властей.

Мандатный режим распространяется более чем на тысячу островов. Они разделяются на три группы: острова Королинские, Марианские и Маршальские. Острова эти занимают такое положение, что являются ключом к коммуникационным линиям. Они могут служить базой для отпора или нападения на британские Малайские острова, Гонконг, Гавайские острова и Филиппины, контролируемые Соединенными штатами, и находятся между иностранными опорными пунктами и Австралией. Базируясь на них, можно прервать сообщения между этими группами островов и западным побережьем Соединенных штатов. Штабы признали величайшее «стратегическое значение» островов. Министр иностранных дел Учида заявил, что, если державы воспротивятся сохранению за Японией полной и перманентной власти над островами как монопольной ее собственностью, «Япония окажет сопротивление даже под угрозой разорения». Вызов этот решителен и грозен. Он обнаруживает стоящую за ним силу. Учида заявил своим соотечественникам, что государство должно «прекратить агитацию податливых сторонников миролюбивой дипломатии». Другими словами — не болтай, а действуй. Под ярлыком «японской дипломатии» ясно обнаруживается решение штабов навсегда сохранить мандатные острова. Оно гласит: «Острова в Тихом океане имеют для национальной обороны Японии важное стратегическое значение; они служат гарантией против нападения Америки на Дальний Восток. Японский флот удовлетворился соотношением 10—10—7, установленным Вашингтонским морским соглашением, потому что он рассчитывал на стратегическое значение этих островов. По-

этому, если бы хоть один из этих островов был отнят у Японии, она не могла бы считать себя в безопасности. Если какое-либо другое государство организует на этих островах базу для своих военных судов, военная мощь Японии сильно пострадает.

«Америка имеет все основания не желать сохранения этих островов в руках Японии. Мы не должны ничего уступать и в то же время нам следует готовиться к худшему» — так пишет «Джапан адвертайзер» от 13 апреля 1933 г. А в ответ на знаменитый призыв президента Рузвельта о разоружении в мае текущего года японский делегат «намекнул, что Япония желает увеличить свои морские силы, с тем чтобы довести их до одинакового уровня с морской мощью Соединенных штатов и Великобритании».

4 апреля кабинет и тайный совет издали совместную декларацию, извещающую страну, о разрыве с западным миром и добавляющую, что это никоим образом не отразится на правах Японии на острова. Острова приводятся в состояние военной готовности. Я утверждаю, что они уже в таком состоянии, что в самый кратчайший срок Япония сможет опереться на них в военном отношении. Возможно, что на них нет достаточного вооружения; этого утверждать я не берусь. Но позиции готовы, фортификации закончены, порты могут принять крупнейшие суда японского флота,

Приведем суждения прессы: «Японский народ всегда считал острова своей территорией и потому не пожалел затратить на них громадные суммы. Опасность войны возникнет в том случае, если державы попытаются сделать то, чего не потерпит национальное чувство японского народа. И дальше: «Если Лига наций или бывшие союзники дерзнут попытаться отторгнуть их силой, из этого неизбежно возникнет вооруженная схватка. Национальные чувства в отношении островов в сотни раз сильнее, чем в отношении Манчжоу-Го.

Япония очень заинтересована в Сиаме, и последний отдает себе в этом отчет. Это единственная страна, не голосовавшая против Японии в Лиге по манчжурскому вопросу и оставшаяся нейтральной. Два сиамских принца воспитываются в Японии. Что касается Голландской Индии, то голландские власти присматриваются к положению. Еще недавно в верхней палате в Гааге этого вопроса коснулся Мендель, указавший на то, что Япония проявляет вызывающий опасения интерес к Голландской Ост-Индии. Он обратил внимание палаты на потребность Японии в нефти для ее военных судов и также на ее желание организовать японскую колонию на Новой Гвинее. Японцы с энтузиазмом приветствовали приезд в Японию г. Хата 14 апреля текущего года. Хата — это яванский Ганди и представитель паназиатских идей.

Несколько лет назад возникли предположения о том, что Япония устремляет взоры на Австралию. По некоторым причинам эти опасения исчезли. Но в Японии указанные устремления в на-

стоящее время сильнее, чем когда бы то ни было. Я слышал много разговоров, трактующих завоевание Австралии как дело очень нетрудное для Японии, когда к тому наступит подходящий момент. Мандатные острова облегчают Японии эту задачу. Не может быть сомнения, что захват Австралии входит в будущие японские планы. Австралийский климат пригоден для японцев. Их оскорбило австралийское законодательство, направленное против возможности смешения коренного населения Азии с белыми. Они ненавидят за это австралийцев, но претендуют на их страну. Планы их обширны: сначала завоевание Манчжоу-Го, затем Китая, Индии, Австралии и Новой Зеландии и наконец России. Таковы планы военных кругов, они приступят к их осуществлению раньше, чем этого можно ожидать, если вообще кто-либо ждет этого. Япония не объявит войну сразу, а будет медленно продвигаться вперед. Постепенно она захватит контроль над Китаем, и последний будет снова просить помощи Лиги наций, будет требовать, чтобы та сдержала в отношении его свое слово. От европейских держав и от Америки будет зависеть, как далеко зайдет Япония.

ГЛАВА XIV
Я ОБВИНЯЮ

РАБОТА МОЯ приближается к концу. Я назвал эту книгу «Японская угроза».

Она является результатом 15-летнего пребывания в Японии, общения со всеми классами населения островов Ямато, самого продолжительного периода моей жизни, который я провел в какой-либо стране. С тех пор, как я помню себя, я стремился к путешествиям, к бродячей жизни, и когда мне было 13 лет, я вступил в английский флот. Иными словами я бежал на море. Вероятно полученное мною там образование было не хуже того, которое я мог бы получить в любой школе. Во всяком случае я обнаружил, что имею способности к языкам и легко усваиваю язык любой страны, которую посещаю. Я служил во флоте Южной Африки, участвовал в экспедиции в страну Сомали, плавал в Персидском заливе. В 1906 г. я вышел из флота и, имея очень мало денег, стал пробиваться в люди.[1] Первая моя настоящая работа была в школе Берлица в Копенгагене. Языки были моим единственным капиталом. Я научался в каждой стране всему, чему мог, и затем покидал ее. В Петербурге я преподавал английский и изучал русский язык. Я занимался историей музыки, историей России и ее народа. Я видел великую страну, где почва колебалась под ногами, почему—трудно было установить. Вина в этом принадлежит каким-то группам, стоящим между дворянством и массами, возможно, что буржуазии, разделившей эти два класса и навсегда разлучившей их. Затем я перебрался в Сибирь, эту обширную страну, всегда меня привлекавшую. Там я был учителем в одной дворянской семье. Постепенно я начал знакомиться с населением. Русские — простой, трудолюбивый, нетребовательный народ. Я сомневаюсь, чтобы даже теперь они могли понять значение революции. Народ в целом заинтересовал меня и некоторое время я жил на Украине среди крестьян, изучая их своеобразный язык. Позже я жил в Берлине. В 1914 г. я вернулся в Англию, проведя некоторое время в Швейцарии. Я устал от войны. Я был космополитом и одинаково любил все народы, участвовавшие в войне. Но патриотизм захватил даже меня, и я вернулся в Англию, чтобы посильно помочь ей. Меня послали в Бельгию,

а затем я работал в России в английской торговой миссии. Во время революции я был в Москве. В течение некоторого времени я жил в России и открыл собственное дело. Я преподавал в Высшем морском училище в Турции. Должен признаться, что все народы, с которыми я знакомился, казались мне привлекательными. Затем я перебрался на Восток.

Впечатления, полученные мною от Японии, были сначала смутны: цветы лотоса и вишни; приятный, энергичный народ, простой, трудоспособный и невероятно деятельный; восхитительные женщины; жизнь, напоминающая арабскую сказку; карликовые деревья; изящная живопись цветов и насекомых; волшебное царство на яву. Этого я ждал. Я уже раньше встречался на Западе с японцами и видел, что мужчины обращаются у них с женщинами, как с королевами. Я наблюдал их изысканные манеры. Я отправился в Японию, намереваясь пробыть там год, самое большее два года. Я хотел побывать в Китае, узнать, насколько характерен для него Фу [1]. Я хотел ознакомиться с тысячелетней культурой Китая.

Я намеревался пробыть в Японии, как я говорил, года полтора и оставался там пятнадцать лет. За это время я несколько раз побывал в Европе и Америке, чтобы убедиться, верны ли мои представления о действительности, чтобы проверить, что я не стал фанатиком своих убеждений и что все виденное мною не исказило моих понятий. Я хотел убедиться, что я сохранил еще способность трезвого и холодного суждения, потому что в период между моим первым приездом и отъездом я многому научился. Я обнаружил, что все или почти все мои представления неправильны. Я нашел, что женщины действительно восхитительны и что западные впечатления от Японии основываются на образе этих женщин. Однако постепенно я обнаружил, что это впечатление японцы старались создать как часть обдуманного плана. Японцы отправляли женщин с их мужьями в Европу. В европейских странах и Соединенных штатах они относились к женщинам безупречно, причем японцы преследовали задачу привлечь этим западные народы. Они использовали свое влияние на европейцев, имея в виду свои грандиозные задачи. Это составляло для них часть обширного агитационного плана. Я обнаружил, что мужчины в Японии безжалостны, жестоки, чувственны и вероломны. Они развращены и звероподобны. Я получил представление о шинто, неошинто и наконец о кодо. Постепенно я понял, что в стране есть силы, исходящие не от парламента или императора. Моя деятельность в университете в Киото позволяла мне встречаться с людьми, занимающими высокое общественное положение. Отчасти этому способствовал мой брак с представительницей аристократической японской семьи. В течение 14 лет я собирал материал для этой книги. Нет ни одного сколько-нибудь существенно-

[1] Герой-злодей американского фильма. — *Прим. ред.*

го вопроса, затронутого в этой книге, по которому я не имел бы исчерпывающих данных. Я говорил заранее, что надо мною будут смеяться, но я к этому готов. Я знаю, что я прав. Япония будет постепенно осуществлять свои планы, как я это изложил. Сначала она покорит Восток, пока не вмешаются державы.

Открытая война не начнется сразу. Повторится манчжурская история. Япония уже подписала с Китаем договор о номинальном мире. Я обвиняю ее в том, что она подписала этот мир, этот договор о прекращении борьбы, о перемирии с единственной целью содействовать своим планам. В дальнейшем она тайно или явно подпишет с властями китайских провинций соглашение об особых правах, концессиях и специальных привилегиях. Она вероятно силой воспрепятствует южной армии гоминдана, представляющей националистическую партию, в продвижении ее к северу Китая. Япония будет утверждать, что ее единственной задачей является сохранение мира и защита своих соотечественников. Но действительным мотивом ее действия будет боязнь перед патриотическими настроениями гоминдана.

Я обвиняю Японию в том, что она подписала эти соглашения с единственной целью создать предлог для возобновления военных действий, когда к тому наступит подходящий момент. Япония знает, что многие китайцы будут продолжать бойкотировать ее товары и японцев. Тогда она снова двинет свои войска в соответствующие районы Китая. Я обвиняю Японию в намеренном создании в Китае беспорядков для покорения страны. Я обвиняю ее в подкупах на всей территории Китайской республики, в оказании помощи бандитам. Я утверждаю, что когда она сможет, она использует корейцев и повторит ваньбаошаньское дело. Я обвиняю Японию в посылке консульской полиции для создания в Китае беспорядков. Я обвиняю ее в том, что в настоящее время она имеет больше вооружения, чем ей разрешено договорами. Я утверждаю, что она укрепила Мандатные острова в своих военных целях.

Я утверждаю, что Япония не держит своего слова, что она соблюдает договоры или соглашения, только пока и поскольку ей это удобно. Разве начальник морского штаба не заявил в период Лондонской конференции, что «он с самого начала не соглашался на подписание соглашения». Я обвиняю штабы в сознательном обмане масс, в создании патриотической лихорадки и в возбуждении ненависти к белым в своих собственных целях.

Я обвиняю наконец державы в нарушении данного Китаю слова, в несоблюдении обещаний, данных ими Китаю в качестве членов Лиги наций. Я обвиняю западных государственных деятелей в том, что они сознательно закрывают глаза на японскую угрозу. Я утверждаю, что они вполне понимают вытекающую из японской угрозы военную опасность. Эта возможность должна быть вполне учтена. Я обращаюсь к державам, чтобы они отдали себе отчет в создавшемся положении и приняли меры для

обеспечения мира путем соответствующих угроз по адресу Японии, а если потребуется, то и демонстрацией военной силы. Если это не произойдет в ближайшем будущем, не далее как в текущем году, то вспыхнет война, более разрушительная, чем война 1914—1918 гг. Она будет происходить в Азии, куда придется везти армию и снабжать ее за тысячи миль.

Я обвиняю Японию в том, что она стремится к войне. Я утверждаю, что ее штабы готовы принести на заклание весь народ. Генерал Араки призывает к войне, все, что он говорит, звучит как вызов. В мае он заявлял в парламенте: «Горе тем, кто выступит против нашего оружия». «Мы заявляем всему миру, что мы нация милитаристов». «Пропитайте каждый выстрел духом кодо». «Убивайте безжалостно». «Боритесь с державами, отрицающими кодо». «Продемонстрируйте дух Японии, Азии, враждебный Европе и Америке».

Все эти цитаты заимствованы из его книги о кодо, изданной в этом году, и из его последних речей.

В настоящее время Араки держит в своих руках власть Японии. Я утверждаю, что *Япония хочет войны.*

ОГЛАВЛЕНИЕ